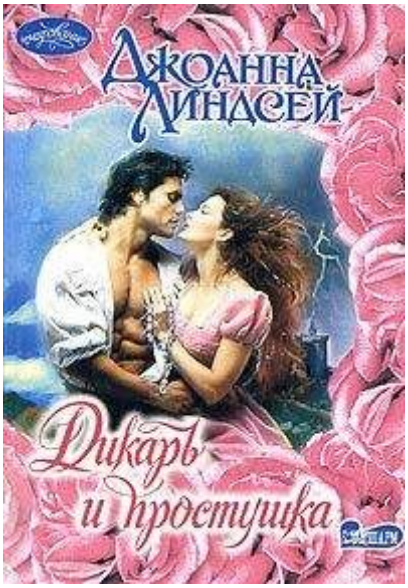

"Джоанна Линдсей - Дикарь и простушка"

Читайте больше БЕСПЛАТНОЙ литературы
в онлайн-библиотеке
Topreading.ru

Джоанна Линдсей

Дикарь и простушка

Алексу, чья улыбка может растопить любое сердце

Глава 1

Женщины сосредоточенно смотрели в окно на унылый, тронутый зимними холодами сад, где неторопливо прохаживалась девушка. Участок, засаженный кустами и деревьями, казался совсем небольшим, хотя сам городской особняк был внушительным. Он располагался в фешенебельном районе столицы, настолько плотно застроенном, что усадьба никак не могла иметь сельский вид.

Хозяйка дома Мэри Рид нашла время, чтобы позаботиться о крошечном садике, не то что ее соседи, которые довольствовались скудной газонной травкой. И разумеется, юную Сабрину, обожавшую прогулки на свежем воздухе, следовало прежде всего искать именно там, на этом ухоженном клочке земли.

Дамы продолжали молча, задумчиво наблюдать за Сабриной. Элис Ламберт мрачно хмурилась. Ее сестра Хилари безутешно вздыхала.

— В жизни так не нервничала, Хилари, — прошептала Элис. — Места себе не нахожу.

— Если хочешь знать, я тоже, — кивнула Хилари. Глядя на них, посторонний человек ни за что не сказал бы, что перед ним сестры. Хилари пошла в отца — такая же высокая, худая, на грани истощения, с тусклыми каштановыми волосами и голубыми глазами. Элис же была точной копией матери: пухленькая коротышка с гривой блестящих темных прядей и синими глазами с фиалковым отливом.

И характеры у сестер настолько различались, что они не слишком хорошо ладили. Ссоры и перепалки были обычным делом. Однако сегодня волей-неволей пришлось объединиться. Племяннице, выросшей на их руках, предстоял дебют в лондонском обществе, поэтому тетки ужасно волновались. К несчастью, на это были свои причины.

И дело вовсе не в том, что Сабрина могла остаться незамеченной среди других девушек, не произвести впечатления или, не дай Бог, выказать прискорбное отсутствие манер. Хотя она не была яркой красавицей, как дочь Мэри Офелия, тоже дебютантка, но и уродливой ее никто бы не назвал. У девочки, несомненно, много хороших качеств. Ее происхождение, можно сказать, безупречно. Дед Сабрины был графом, прадед — герцогом. И хотя сама она имела право на титул «достопочтенной», тетки не надеялись заполучить для нее высокородного или хотя бы очень богатого жениха. Любой порядочный мужчина из приличной семьи заслужил бы полное одобрение сестер Ламберт, пожелай он сделать предложение, их любимой девочке.

Нет, тревоги, терзавшие женщин, нельзя было назвать обычными волнениями родственниц, выставлявших невесту-провинциалку на брачный аукцион лондонского света. Дело обстояло

куда хуже и имело прямое отношение к причине, по которой обе сестры так и остались старыми девами. Теперь бедняжки страшились, что скандал, омрачивший жизнь трех поколений их семьи, снова выйдет наружу… после стольких несчастных лет!

Но ни одна из женщин не смела признаться в истинных мотивах своих переживаний. По взаимному молчаливому согласию о давно пережитых трагедиях в этом доме никогда не говорили вслух.

— Как по-твоему, она не замерзнет в этой шерстяной ротонде? — спросила Элис, все еще хмурясь.

— Можно подумать, ей не все равно, — угрюмо буркнула Хилари.

— Но во что превратится ее кожа на таком ветру? Разве можно показываться в подобном виде на первом балу? — возмутилась Элис.

В этот момент сухой листок, не замеченный садовником леди Мэри, подкатился к Сабрине и замер у самых ног. Увидев последнее послание минувшей осени, она приняла кокетливую позу фехтовальщика и сделала выпад воображаемой рапирой, но тут же рассмеялась, поймала листок и подбросила в воздух. Холодный ветер тут же подхватил его и унес за ограду.

— Похоже, она и не думает принимать всерьез наши брачные планы, — пробормотала Хилари.

Сабрине следовало бы волноваться не меньше теток, пусть и по иным причинам. Но она вела себя возмутительно легкомысленно!

— Как она может принимать все это всерьез, зная, что мы обе не вышли замуж, но не стали от этого несчастнее?

— Боюсь, у нее сложилось о нас неверное впечатление. Вспомни, ведь мы надеялись выйти замуж в ее возрасте и лишь гораздо позже поняли, как хорошо, что этого не произошло.

И это не было не правдой. Обе дамы не слишком жалели, что в свое время не нашли спутников жизни. Правда, поначалу они сокрушались, что не могли иметь детей, но Сабрина переехала к ним, когда ей не было и трех, и полностью удовлетворила их инстинкты материнства. Многие называли их старыми девами и считали, что именно поэтому сестры так остры на язык и ничего друг другу не спускают, но так казалось лишь со стороны. С самого детства Элис и Хилари по малейшему поводу устраивали ссоры: так уж они были устроены.

Вот и сейчас Хилари, внезапно поняв, что против воли заключила с сестрой молчаливое перемирие, резко бросила:

— Немедленно зови ее! Пора одеваться!

— Так скоро? — мгновенно возразила Элис. — У нас еще несколько часов до того, как…

— Эти часы уйдут на то, чтобы привести девочку в божеский вид, — перебила Хилари.

— Вздор! Может, тебе и понадобится столько времени, а ей…

— Кто бы говорил! Что ты знаешь о таких вещах, когда у самой даже не было дебюта? — съехидничала Хилари.

— Можно подумать, у тебя он был! — парировала Элис.

— Не важно! Мэри не раз упоминала в письмах, что начинает готовиться к балу, едва встав с постели.

— Да у нее день уйдет только на то, чтобы втиснуться в корсет! — фыркнула Элис.

Хилари вспыхнула, поскольку ответить было нечего. Ну как защитить старую подругу, оказавшуюся настолько любезной, чтобы пригласить их к себе на лондонский сезон, поскольку собственного дома в столице у них не было! Крыть действительно нечем: Мэри невероятно растолстела с годами, так что вчера, по приезде в Лондон, Хилари едва ее узнала.

— Даже дочь Мэри начинает заниматься своим туалетом с полудня, — наконец нашлась она с ответом.

— Офелия? Даю голову на отсечение, эта тщеславная сорока просто сидит у зеркала и любуется собой, — заверила Элис.

— Позволь возразить…

Шум ссоры постепенно стихал по мере того, как сестры удалялись все дальше по коридору. Наконец-то они были в своей стихии! Всякий, кто услышал бы, как они несколько минут назад разговаривали шепотом и вполне мирно, во всем соглашаясь друг с другом, не поверил бы собственным ушам. И уж тем более племянница, которую они так горячо обсуждали.

Глава 2

На самом деле Сабрина Ламберт сходила с ума от страха, но делала все от нее зависящее, чтобы не показать этого теткам. Ее дебют обдумывался и планировался целый год и потребовал несколько поездок в Манчестер — на примерку нового гардероба. Кроме того, она хорошо осознавала, какие надежды возлагают на нее пожилые родственницы, поэтому и нервничала больше обычного. Сабрине ужасно не хотелось, чтобы тетушки разочаровались в ней, ведь они так рассчитывали на ее успех в свете.

Но в отличие от милых Элис и Хилари Сабрина не питала никаких иллюзий относительно своего будущего и не надеялась найти в столице жениха. Лондонцы такие утонченные, образованные, не то что она, провинциальная простушка, привыкшая к нескончаемым беседам об урожае, арендаторах и погоде. Лондонский свет буквально упивался сплетнями — пикантными, грубыми, лживыми, сплетнями обо всех и о каждом. Кроме того, в столицу слетелись десятки молодых барышень, имевших одинаковые надежды и намерения: недаром Лондон считался едва ли не единственным местом, где можно отыскать достойного супруга.

Однако по мере приближения вечера Сабрина постепенно успокаивалась. Немало помогло то, что она успела подружиться с Офелией, пользовавшейся шумным успехом у молодых людей. Офелия выросла в столице, была знакома с каждым, знала все последние остроты и, не стесняясь, судачила с приятельницами о ближних, даже если это задевало и ее репутацию. Типичная обитательница Лондона, она была тут в своей стихии как рыба в воде. Кроме того, ее дебют состоялся три недели назад, в самом начале сезона.

Для Офелии прибыть вовремя на первый бал сезона отнюдь не было главной целью, тем более что при ее красоте она была просто обречена на успех. Ирония ситуации заключалась в том, что Офелии вообще ни к чему было охотиться за женихом. Она уже была помолвлена, хотя

никогда не видела будущего супруга. Ее дебют стал лишь данью традициям: по крайней мере Сабрина так считала, пока не узнала, что ее новой подруге не слишком нравится будущий муж, найденный для нее родителями, и что та преисполнена решимости составить более выгодную партию. При этом Сабрина находила в высшей степени неприятным способ, с помощью которого Офелия собиралась достигнуть этой цели. Он заключался в том, что Офелия всячески чернила своего жениха перед всеми, кто давал себе труд выслушать ее, издевалась и оскорбляла беднягу. Но насколько Сабрина успела усвоить, именно так поступали все лондонские дамы, намеревавшиеся избавиться от нежеланного поклонника.

И как бы она сама ни жалела вышеупомянутого господина, который не мог достойно защититься и положить конец слухам, распространяемым Офелией, поскольку жил не в Лондоне, все же она считала, что не имеет права вмешиваться. А если все, что говорит Офелия о своем женихе, чистая правда? Откуда Сабрине знать?

Кроме того, мать Офелии — добрая приятельница тети Хилари и хозяйка дома, в котором они остановились. Вероятно, леди Мэри стоило бы узнать о проделках дочери, чтобы положить им конец, но Сабрина считала, что наушничать нечестно. Офелия так хорошо отнеслась к ней, представила своим друзьям… Нет, предать ее немыслимо. Кроме того, тетушки почему-то очень невзлюбили деда жениха…

Это было, на взгляд Сабрины, довольно странно, потому она и жалела незнакомого молодого человека. Собственно говоря, он был ее соседом, вернее, не он, а его дед, которого тетушки неизменно именовали «дряхлым болваном», «отшельником», а когда думали, что Сабрина не слышит, то и «старым ублюдком». Они были поражены, узнав, что у него есть внук, и неодобрительно качали головами, когда мать Офелии объявила о помолвке дочери с доселе неизвестным им наследником. Что еще за внук? В округе о нем не ведал ни один человек!

Однако, по словам леди Мэри, именно маркиз соизволил написать ее мужу и сделать предложение от имени внука. Риды, разумеется, обеими руками ухватились за столь удачную возможность получить славный древний титул для дочери. Импонировало им и то, что маркиз был довольно богат и завещал все свое состояние ближайшему родственнику. Только Офелия не проявляла никакого восторга по поводу выпавшего на ее долю счастья… вернее, Офелия и целый полк ее обожателей. А поклонников у нее и в самом деле было великое множество. Молодые люди вились вокруг нее, как пчелы у цветка. Да и могло ли быть иначе? Офелии выпало счастье родиться голубоглазой блондинкой. Кроме того, черты ее лица словно вышли из-под кисти художника, а сама она в отличие от матери была стройна, как тростинка!

К сожалению, Сабрина не могла похвастаться подобными достоинствами. Ростом она не слишком удалась, всего пять футов два дюйма, что было бы совсем не так плохо, не обладай она пышной грудью и довольно широкими бедрами, из-за чего талия казалась неестественно тонкой.

Но и это не беда, будь она блондинкой, как теперь модно. Увы, природа наградила ее гривой каштановых непокорных волос, без малейшего блеска. Вот только глаза… Глаза были особенными. Радужка цвета весенней сирени была словно заключена в темно-фиолетовое кольцо, так что многие терялись, впервые увидев такое чудо.

Сабрине становилось не по себе, когда едва знакомые мужчины и женщины при первой встрече долго рассматривали ее, словно были не в силах поверить тому, что видят. В довершение ко всему лицо ее не было ни красивым, ни уродливым… «Невзрачным» — вот самое подходящее определение.

Собственно говоря, Сабрина ничуть не страдала по этому поводу… до тех пор, пока не встретила Офелию и не поняла, что такое истинная красота. Они отличались друг от друга, как ночь и день, и, возможно, именно поэтому, прибыв на бал, Сабрина сразу успокоилась и забыла все утренние волнения. Она была достаточно трезвым человеком, чтобы прийти к выводу: нет никакого смысла соперничать с Офелией. Осознав это, Сабрина сумела снова стать собой, а не той застенчивой неуклюжей серой мышкой, которой ощущала себя все это время.

Никто не знал, что под не слишком броской внешностью скрывается создание, обладающее восхитительным чувством юмора и умеющее донести этот юмор до окружающих. Она могла быть прямой, откровенной, даже дерзкой и одновременно беззлобно шутить над знакомыми и соседями. Сабрина обладала прирожденным даром разгонять чужую тоску, облегчать боль и возвращать людям хорошее настроение. Живя с ворчливыми, вечно ссорившимися тетками, она в совершенстве овладела искусством успокаивать их — ее вмешательство всегда гасило огонь мелких дрязг.

Джентльмены, приглашавшие Сабрину на танец этой ночью, вероятно, делали это лишь потому, что хотели больше узнать об Офелии и ее женихе. Но поскольку она не слишком хорошо знала Офелию и совсем плохо — ее нареченного, то далеко не всегда могла ответить на их вопросы. Зато она искрилась остроумием и заражала партнеров весельем. Некоторые даже пригласили ее еще раз именно по этой причине: она их забавляла. И в какой-то момент оказалось, что сразу трое поклонников оспаривают честь танцевать с ней.

К несчастью, Офелия тоже это заметила…

Глава 3

Офелия стояла на противоположном конце бальной залы в обществе трех ближайших подруг… вернее — двух и еще одной девушки, втайне презиравшей ее, но не находившей в себе сил отдалиться от нее, перестать греться в лучах ее неоспоримого успеха. Каждая из троицы была по-своему привлекательной, хотя до Офелии им было далеко, да и знатностью ни одна ее не превосходила. Она родилась дочерью графа, а у остальных титулы были менее блестящими. Но Офелия по природе своей не могла допустить, чтобы кто-то из ближайшего окружения затмевал ее происхождением и красотой.

К несчастью, Офелия тоже это заметила…

Глава 3

Офелия стояла на противоположном конце бальной залы в обществе трех ближайших подруг… вернее — двух и еще одной девушки, втайне презиравшей ее, но не находившей в себе сил отдалиться от нее, перестать греться в лучах ее неоспоримого успеха. Каждая из троицы была по-своему привлекательной, хотя до Офелии им было далеко, да и знатностью ни одна ее не превосходила. Она родилась дочерью графа, а у остальных титулы были менее блестящими. Но Офелия по природе своей не могла допустить, чтобы кто-то из ближайшего окружения затмевал ее происхождением и красотой.

Надо сказать, Офелия не подозревала о неприязни Мейвис Ньюболт. Правда, временами ее

задевали уколы и язвительные замечания Мейвис, но она никогда не относила их на счет зависти или антипатии. Да и как можно не любить ее, такую живую, веселую, ослепительную?

Она никогда не питала ни малейших сомнений относительно того, кто станет королевой нынешнего сезона и у чьих ног будут лежать самые завидные женихи столицы. Все они обожали ее. Но какой в этом смысл, если родители позволили маркизу Бирминдейлу соблазнить их чертовым титулом?!

Боже, как она ненавидела старого Невилла Теккерея за то, что вспомнил о ней! Ну почему этот человек выбрал именно Офелию для своего внука? Неужели лишь потому, что ее мать когда-то жила по соседству и была знакома с Невиллом? Лучше бы обратил взор на растрепу Сабрину, тем более что та по-прежнему обитала рядом! Но, разумеется, вполне понятно, почему Сабрину посчитали неподходящей партией для наследника Бирминдейлов! Офелия услышала историю семьи Ламберт от матери. Вероятно, все жители Йоркшира рано или поздно узнавали о позорном скандале, хотя произошел он давным-давно.

Ее родители настоящие идиоты! Офелия могла бы стать герцогиней! Такую внешность, как у нее, нечасто встретишь! Но они довольствовались простым маркизом! Ну уж нет, она не пойдет у них на поводу, во что бы то ни стало разорвет помолвку с наследником Бирминдейлов! Она выпутается из сетей этого брака! Господи милостивый, ведь ее жених даже не англичанин… то есть не чистокровный, разумеется. Неудивительно, что маркиз посчитал нужным лично выбрать невесту для внука — и это в то время, когда браки по договоренности стали вещью почти неслыханной. Его несчастный внук воспитывался среди варваров!

При одной мысли об этом Офелия вздрогнула. Что ж, если ей не удастся опозорить его и показать, что он может рассчитывать только на ее полнейшее пренебрежение, придется придумать другой способ избавиться от надоедливого болвана. Но Офелия готова биться об заклад, что к концу сезона у нее будет новый жених — куда богаче и знатнее!

Однако при виде новой подруги, как ни в чем не бывало болтающей с молодыми джентльменами, которых Офелия считала чем-то вроде своей собственности, ей стало не по себе. Вместо того чтобы увиваться вокруг Сабрины, им следовало бы молить о внимании ее, Офелию!

Она была так поражена, что не сдержалась и высказала свое отношение к происходящему, не опасаясь того, что это может не понравиться окружающим.

— Только взгляните! — прошипела Офелия, незаметно указывая на Сабрину и ее собеседников. — Интересно, о чем такая, как она, способна говорить с мужчинами, да еще и увлечь их до такой степени, что они не сводят с нее глаз?

— Она твоя гостья, Офелия, — напомнила Эдит Уорд, уловив нотки зависти в голосе подруги. За долгие годы дружбы она научилась смягчать приступы ревности хорошенькой дочери графа. Все девушки рано или поздно становились жертвами ехидного нрава Офелии. — Они, без всякого сомнения, хотят расспросить ее о тебе.

Офелия было утихомирилась, но тут Мейвис с притворной наивностью заметила:

— Похоже, она приобрела немало обожателей, но это и неудивительно. Никогда не видела таких необыкновенных глаз!

— Вряд ли эти странные глаза спасут положение, Мейвис, при такой заурядной физиономии и приземистой фигуре, — прошипела Офелия, немедленно, впрочем, пожалев об опрометчивом

замечании, выдавшем ее истинные чувства. Поэтому она с вполне искренним, как ей казалось, вздохом добавила:

— Впрочем, мне от души жаль бедняжку.

— Почему? Потому что она некрасива?

— Не только. В довершение ко всему в ее жилах течет дурная кровь. О Господи, мне не следовало даже упоминать об этом! Умоляю, никому ни слова! Маму удар хватит! Что ни говори, а леди Хилари Ламберт — ее ближайшая подруга.

Поскольку всем было известно, как рассержена Офелия на мать, последнее замечание было по меньшей мере неуместным. Мейвис была готова побиться об заклад, что Офелия и глазом не моргнет, если мать свалится мертвой у ее ног. Просьба хранить молчание была тоже излишней, поскольку девушки, подражая собственным мамашам, только и жили пересудами. Разумеется, они перескажут всем знакомым слова Офелии. Сама Мейвис не выносила злословия, но оно являлось неотъемлемой частью жизни лондонского света, и ей приходилось с этим мириться.

— Дурная? — жадно подхватила Джейн Сандерсон. — Надеюсь, ты не имеешь в виду «изнанку одеяла»[1]?

Офелия сделала вид, что задумалась, но, должно быть, решила еще немного подержать подруг в неведении, потому что шепнула:

— Нет, куда хуже!

— Что может быть хуже? — удивились девушки.

— Все-все, я и так довольно наболтала, — без особого пыла отбивалась Офелия.

— Офелия! — укоризненно воскликнула Эдит, старшая из подруг. — Ты просто не имеешь права остановиться на половине пути.

— Ну, так и быть, — сдалась Офелия с таким видом, словно из нее клещами тянули правду, хотя в эту минуту ничто на свете уже не могло ее остановить. — Но это строго между нами. Я расскажу вам все только потому, что вы мои лучшие подруги. Надеюсь, вы будете немы как рыбы.

Дальнейший разговор велся шепотом. И если две простодушные приятельницы Офелии широко раскрывали глаза от удивления и громко ахали, то Мейвис, прекрасно изучившая Офелию, сильно сомневалась, стоит ли ей верить. Слишком часто Офелия лгала и готова была воспользоваться любыми средствами, чтобы получить желаемое. Очевидно, в эту минуту ей больше всего хотелось навеки погубить доброе имя Сабрины Ламберт и полностью уничтожить шансы этой девушки на удачное замужество.

Итак, эта красотка за один вечер ухитрилась очернить двух ни в чем не повинных людей. Мейвис искренне жалела обоих бедняг, ведь их вина заключалась лишь в том, что они имели несчастье возбудить неприязнь Офелии. Наследник Бирминдейла, вне всякого сомнения, выдержит и устоит против любого шторма. Ну станет он посмешищем общества из-за нападок Офелии, а ее сгорающие от стыда родители будут вынуждены разорвать помолвку, и что же? С его титулом и поместьями он быстро утешится и найдет новую невесту, ничем не хуже, если не лучше.

А вот несчастная мисс Ламберт… ее дело плохо. Дурная кровь — это дурная кровь, которая вполне может перейти к детям, а какой джентльмен захочет рисковать будущими наследниками? Жаль, очень жаль. Мейвис симпатизировала этой девушке, приятному, невинному милому существу, каких редко встретишь в Лондоне. Кроме того, стоило Сабрине перестать стесняться, как она делалась довольно остроумной и очень веселой. Нет, мисс Ламберт все же довольно мила. Мейвис чувствовала себя отчасти виноватой в выходке Офелии, поскольку именно она обратила внимание сплетницы на необычайно красивые глаза Сабрины.

Мейвис мысленно поморщилась. Придется, видно, искать новых приятельниц и собеседниц. Дружба с Офелией не приносит ей радости. Злобная тщеславная дрянь!

Мейвис от души надеялась, что Офелии все-таки придется выйти замуж за наследника Бирминдейла. И поделом ей, негоднице! Пусть получит мужа, которого сама же сделала посмешищем всего Лондона! Это послужит ей достойным уроком!

Глава 4

Горе путешественнику, которого застанет на чужой стороне такая ночь! Самая суровая ночь года, когда ветер бросает в лица пригоршни клубящегося снега и в двух шагах ничего не видно, даже зажженного фонаря. А холод! Сэр Генри Майрон никогда прежде не страдал от такого леденящего холода!

В Англии такая погода бывает крайне редко, поэтому он и не думал, что подвергнется испытанию более суровому, чем легкая поземка. Но здесь, на севере, в горах Шотландии, он, похоже, встретил свою погибель. Не попади он в метель, все равно погиб бы от холода. Сэр Генри не уставал поражаться, как вообще люди способны выжить в таком ужасном климате. Если бы не неотложное дело, он ни за что не приехал бы сюда.

Наконец самая трудная часть дороги, узкая тропа через невысокую гору, была пройдена. Честно говоря. Генри не назвал бы это возвышение горой. Скорее, это гигантская скала, выпирающая из земли, без единой травинки, деревца, даже комка глины — просто голая гранитная глыба, преградившая путь. Единственный способ очутиться на другой стороне — вскарабкаться вверх, пешком или верхом.

Сэр Генри решил оставить экипаж у ближайшей церкви. К счастью, об этом препятствии на пути его заранее предупредил проводник, поэтому он взял с собой лошадь, чтобы преодолеть последний этап путешествия по узким стежкам.

Вероятно, им следовало бы остаться в этой церкви на ночь. Священники предлагали ночлег, но они, казалось, были так близки к концу утомительной поездки, что сэр Генри отклонил приглашение. Разумеется, тогда небо было еще ясным и ни о каком буране не было речи. Только на перевале на них обрушилась вся ярость зимней стужи, а острые снежинки-льдинки стали жалить лицо и руки.

Генри встревожился, опасаясь, что они заблудятся и замерзнут, да так и останутся лежать в снегу до весенней оттепели. Кругом царила непроглядная тьма, но проводник упорно продвигался вперед, словно обладал зрением кошки. И, как выяснилось, он знал, куда идет…

Из вихрящегося облака неожиданно выступил большой каменный дом, и сэр Генри, не успев опомниться, очутился на крыльце. Проводник заколотил в дверь, но сэр Генри едва слышал

грохот за воем ветра. Дверь распахнулась, на них повеяло теплом, и через мгновение их подвели к гостеприимно пылающему огню.

Бедняги настолько окоченели, что прошло довольно много времени, прежде чем они начали потихоньку оттаивать и трястись от ужасного озноба. Какая-то женщина хлопотала над ними, покачивая головой, цокая языком и что-то приговаривая. Кажется, она журила их за то, что они имели глупость отправиться в путь в такую вьюгу. Сэр Генри с трудом разбирал обрывки слов, поскольку не вполне понимал шотландский диалект. Женщина накинула ему на плечи тяжелое шерстяное одеяло и сунула в онемевшие пальцы кружку с подогретым виски, знаком велев выпить все до последней капли, что он с радостью и сделал.

Некоторое время спустя сэр Генри даже начал робко надеяться, что он все-таки благополучно пережил тяжкое испытание — довольно болезненное открытие, когда ощущения стали потихоньку возвращаться в замерзшие ноги. Зато какое счастье сознавать, что все у тебя на месте!

Наконец он пришел в себя настолько, что смог оглядеться. И поразился до глубины души. Правда, он и сам не знал, что именно ожидал увидеть в доме богатого шотландского горца, к тому же в столь уединенном месте, но рассчитывал, что его взору предстанет нечто средневековое: древняя, обвалившаяся крепость или большая ферма, ведь Мактавиши испокон веков разводят овец, по крайней мере сэру Генри так сказали.

Однако его взору предстало нечто совершенно иное. Не совсем сельский особняк, каких немало в английских графствах, но что-то подобное. Возведен из камня — как известно, в Шотландии этого материала в изобилии — и обставлен богато, хотя помещение, которому следовало быть большой гостиной, все равно выглядит залом рыцарского замка. Архитектурный стиль мог бы считаться довольно современным, но можно было подумать, будто человек, построивший его, сделал это в знак протеста против того, что сам был воспитан в одной из старинных крепостей, и до сих пор не мог отрешиться от ощущения принадлежности прошлому.

Раскладные столы и деревянные скамьи теснились вдоль стен, оклеенных обоями с цветочным рисунком. Генри не сомневался, что мебель выдвигали на время ужина, чтобы все домочадцы, как в прежние времена, могли поместиться в одной комнате. На окнах висели не гардины, а нестриженые овечьи шкуры. Генри еще мог допустить, что кожи защищают от холода лучше, чем шелк и парча, но овечье руно?! Нигде не видно ни кресла, ни уютного диванчика, у камина стоят голые скамьи, а пол устлан сеном!

Сэр Генри долго удивленно осматривал столь необычную обстановку, прежде чем покачать головой. Значит, он все-таки прав: клан Мактавишей до сих пор живет по законам средневековья.

К сожалению, поблизости не оказалось ни одного представителя этого славного рода, хотя час был не поздний. Большой парадный зал был совершенно пуст, если не считать женщины, вернувшейся с новыми кружками подогретого виски. Но на этот раз она была не одна. За ней следовал высокий молодой человек, дружелюбно кивнувший проводнику сэра Генри: очевидно, эти двое были знакомы, хотя проводник заверял, что никогда не бывал здесь раньше. Поздоровавшись с ним, незнакомец обратил взор на сэра Генри.

Хорошенько рассмотрев помещение, считавшееся, вероятно, по понятиям шотландцев, образцом современной гостиной, сэр Генри почти ожидал, что здешние обитатели будут закутаны в медвежьи или, вернее, овечьи шкуры. Ничего подобного: молодой человек был

облачен в панталоны и фрак и вполне мог бы пройтись по фешенебельному лондонскому кварталу, не привлекая особого внимания своей манерой одеваться. Другое дело — необычайно высокий рост и могучее сложение. Благодаря этому он выделился бы в любой толпе.

Хорошенько рассмотрев помещение, считавшееся, вероятно, по понятиям шотландцев, образцом современной гостиной, сэр Генри почти ожидал, что здешние обитатели будут закутаны в медвежьи или, вернее, овечьи шкуры. Ничего подобного: молодой человек был облачен в панталоны и фрак и вполне мог бы пройтись по фешенебельному лондонскому кварталу, не привлекая особого внимания своей манерой одеваться. Другое дело — необычайно высокий рост и могучее сложение. Благодаря этому он выделился бы в любой толпе.

Шотландец не соизволил поприветствовать гостя и, судя по его виду, был не особенно доволен неожиданным вторжением. Вполне возможно, он от природы был не слишком приветлив, но сэр Генри ужасно расстроился. Какой-то юнец, вдвое моложе его, смеет выказывать столь явное непочтение! Впрочем, ничего удивительного. Шотландские горцы ничуть не похожи на смирных, дружелюбных жителей равнин, привыкших иметь дело с англичанами. Здесь же, в этой глуши, об общественном прогрессе было невозможно и помыслить, да и погода мало способствовала общению с чужаками. Многие северные кланы влачили такое же существование, как и столетия назад, безропотно перенося трудности и полностью подчиняясь главе.

Правда, лорд Арчибальд Мактавиш был главой не всего клана, а лишь его малой ветви и к тому же до сих пор не обзавелся наследником, ибо пережил четверых своих сыновей. Именно по этой причине хозяин дома вряд ли обрадуется визиту сэра Генри. Хорошо, если он не выкинет гостей из дома в самый разгар бурана, когда узнает, что привело их сюда.

Но пока молодой хозяин, так и не потрудившийся отойти от двери, понятия не имел о цели приезда гостя, так что причина столь холодного приема оставалась сэру Генри непонятной: то ли он от рождения такой грубиян, то ли просто не выносит англичан. А женщина наверняка уже успела сообщить шотландцу, что сэр Генри англичанин: недаром после разговора с ним немедленно привела этого мальчишку.

И тут шотландец в несколько шагов очутился в центре комнаты. Едва свет камина и двух факелов, горевших по обе стороны каминной доски, упал на его лицо. Генри сразу понял, что хозяин не так молод, как ему показалось вначале. Да ему лет двадцать пять, не меньше! По крайней мере во всем его облике сквозит зрелость истинного мужчины, пусть издалека он и кажется юнцом.

— Не будь с вами этого паренька, — бросил он с легким шотландским акцентом, кивнув в сторону проводника, — вряд ли вы добрались бы сюда. Итак, что нужно сассенаху[2] от Арчи Мактавиша?

Сэр Генри поспешил представиться, стараясь выражаться официально и сухо, как подобало в данном случае:

— Я здесь по делу важному и весьма неотложному, сэр. Видите ли, лорд Невилл Теккерей соизволил нанять меня в качестве поверенного и послал сюда с поручением. Лорд Теккерей — это…

— Я прекрасно знаю, кто такой Теккерей, — нетерпеливо перебил его шотландец. — Значит, он

все еще жив?

— Э-э-э… да, по крайней мере был жив, когда я покидал Англию. Но трудно сказать, долго ли он протянет. Видите ли, последнее время он не совсем здоров, а в его преклонном возрасте каждую минуту можно ожидать худшего.

Молодой шотландец коротко кивнул и неожиданно предложил:

— Пойдемте в мой кабинет, там теплее. Здесь чертовски сквозит.

— Ваш кабинет?! — выпалил сэр Генри, не скрывая изумления.

Незнакомец вопросительно приподнял брови, но, тут же сообразив, в чем дело, рассмеялся:

— Только не говорите, что и вы попались на удочку старого лиса Арчи.

— Удочка? В чем, собственно, дело? — сухо отозвался сэр Генри, не привыкший быть объектом шуток.

— Да в этой вот комнате, — пояснил незнакомец с ухмылкой. — Он требует, чтобы всех вновь прибывших провожали сюда, а не в… менее романтическую часть дома. Считает ужасно забавным водить их за нос, а потом допытываться, что они о нем думают.

Генри залился краской, поняв, что его и в самом деле провели.

— По-видимому, этой комнатой почти не пользуются… кроме как для того, чтобы дурачить гостей.

— О нет, сюда переводят маток с ягнятами, когда начинается метель и в овчарне не хватает места. И разумеется, во время сезона стрижки. Когда отовсюду съезжаются Мактавиши, необходимо помещение побольше, чтобы всех накормить, а тут можно усадить хоть целый полк-Сэр Генри так и не понял, дурачат его или нет, но предпочел не выяснять этого, тем более что после упоминания о теплом кабинете готов был идти за незнакомцем хоть на край света.

Оказалось, что остальная часть дома в самом деле обставлена вполне традиционно, модной удобной мебелью.

Если бы сэр Генри так не торопился к камину, а коридор был освещен получше, он наверняка заметил бы это еще до того, как вошел в странное помещение со шкурами на окнах. Но теперь, когда в передней на столе горела лампа, можно было видеть, что меблировка дома вполне соответствует общему стилю величественного здания.

Кабинет, куда ввели сэра Генри, оказался маленьким, но чистым и уютным. В углу горела большая жаровня: очевидно, приезд нежданного гостя оторвал шотландца от работы. Сэр Генри решил, что молодой человек — доверенное лицо или управляющий имением Арчибальда Мактавиша, поэтому его и послали встретить приезжего. Памятуя о том, к скольким неверным выводам уже успел прийти, поверенный поторопился узнать имя горца сразу после того, как устроился в мягком кресле напротив бюро.

Однако ответ «я, разумеется, тоже Мактавиш» ни о чем ему не сказал, тем более что в этих местах каждый второй, вероятно, носил такую фамилию. Сэр Генри слишком устал и промерз, чтобы требовать дальнейших объяснений.

— Лорду Арчибальду уже сообщили о моем приезде? — осведомился он.

— Старик давно третий сон видит. Он ложится с петухами и поднимается до восхода солнца. Но вы вполне можете сказать мне, что привело вас сюда, а я ему передам.

Очевидно, молодой Мактавиш действительно управляющий или секретарь и ведет дела сэра Арчибальда, поскольку обзавелся собственным кабинетом. Сэр Генри не видел причин скрывать от него цель своего визита.

— Я здесь для того, чтобы забрать с собой и увезти внука сэра Невилла.

Как ни странно, это откровенное заявление позабавило горца: уголки губ чуть приподнялись, совсем чуть-чуть, но сэр Генри сразу это заметил. Да и в голосе собеседника зазвучали шутливые нотки.

— Неужели? — протянул он. — А если этот внук не хочет, чтобы его забирали и увозили?

Сэр Генри тяжело вздохнул. Поделом ему за то, что не пошел к главе дома, а начал распинаться перед жалким служащим!

— Пожалуй, мне в самом деле стоит обсудить это с лордом Арчибальдом, — объявил он.

— Вы так считаете? А не думаете ли вы, что его внук, достигший совершеннолетия, вполне способен сам решить свою судьбу?

— Пожалуй, мне в самом деле стоит обсудить это с лордом Арчибальдом, — объявил он.

— Вы так считаете? А не думаете ли вы, что его внук, достигший совершеннолетия, вполне способен сам решить свою судьбу?

К этому времени сэр Генри был уже так измучен, что дал волю раздражению.

— Тут нечего решать, молодой человек, — отрезал он. — Обещание было дано, и теперь лорд Невилл требует его выполнения.

Услышав это, молодой человек резко выпрямился и угрожающе свел брови:

— Какое еще обещание?

— Лорду Арчибальду это известно, как и то, что настало время…

— Какое… еще чертово… обещание?! Я и есть внук Арчи, да и Теккерея тоже, и мне виднее, как поступить!

— Вы и есть Дункан Мактавиш?!

— Да, и вы немедленно объясните мне, какого дьявола все это значит!

Глава 5

— Господи, неужели вам до сих пор не сказали? Дункан вскочил как ошпаренный и, опершись

о бюро, заорал едва не во весь голос:

— А что, разве похоже, будто я знаю, о чем вы тут толкуете?!

Сэр Генри не верил собственным ушам. Насколько ему было известно, Дункану исполнился двадцать один год! И за все это время никто, даже родители, не позаботился просветить его? Лорд Невилл ни о чем подобном не предупреждал. Оставалось гадать, в курсе ли этих странных событий наниматель сэра Генри!

Поверенный упрекал себя в том, что сразу не догадался, кто перед ним. Стоит лишь заглянуть в глаза этого человека. Они были той же полуночной синевы, как и у лорда Невилла! А нос! Та же аристократическая горбинка, что и на фамильных портретах Теккереев, висевших в галерее Саммерс-Глейд! На этом сходство с маркизом, однако, кончалось. Генри не знал лорда Невилла в молодости, зато видел миниатюру, где того изобразили в возрасте Дункана, и можно было с уверенностью утверждать, что во внешности Невилла Теккерея, четвертого маркиза Бирминдейла, не было ничего особенно выдающегося. Обыкновенный, довольно невзрачный молодой человек из хорошей семьи. С годами он не стал красивее и теперь, на пороге восьмидесятилетия, был почти уродлив. Но вот о его внуке такого не скажешь!

Должно быть, рост и силу Дункан унаследовал от Мактавишей вместе с темно-рыжими волосами. И негодник красив, очень красив, грубоватой мужской красотой. Именно эта мощь в сочетании с суровой мужественностью делала его старше. Не знай сэр Генри, сколько в действительности лет Дункану, посчитал бы, что он уже достаточно умудрен жизнью. Возможно, горцы просто рано взрослеют, чему причиной нелегкие условия жизни в этом холодном уголке земли, затерянном на краю света.

Но как теперь отвечать на вопросы Дункана? Жаль, что Арчибальда Мактавиша нет рядом! Уж он-то знал о договоре, от первого пункта до последнего. Недаром после обмена письмами, при котором обе стороны не стеснялись в выражениях, они наконец пришли к соглашению. Мактавишу следовало с самого начала открыться молодому Дункану.

— Клятва была дана вашей матерью еще до того, как вы родились, — наконец выдавил сэр Генри. — Иначе ей не позволили бы выйти замуж за вашего отца. Но она сделала это с радостью и по собственной воле. Видите ли, она очень любила своего жениха. И в то время никто не подумал возражать против договора: ни ваш отец, готовый на все, лишь бы добиться возлюбленной, ни его родитель, сэр Арчибальд.

— Сэр Генри, если вы немедленно не выложите, в чем суть этого проклятого обещания, я собственноручно и незамедлительно выкину вас на улицу! — заявил Дункан. Его лицо при этом оставалось бесстрастным, но сэр Генри ни на секунду не усомнился в правдивости каждого слова. И вряд ли стоит винить молодого человека за такую непочтительность. Ну почему от него все скрыли?

— Вы или, вернее, первенец вашей матери, коим оказались вы, должны стать наследником лорда Невилла, поскольку своих сыновей у него нет и не было.

Дункан почти рухнул на стул.

— И это все?

Сэр Генри никак не мог сообразить, как уговорить парня. Любой другой на его месте наверняка посчитал бы этот день счастливейшим в жизни! Еще бы! Стать наследником богатого знатного аристократа, превратиться из деревенского мальчишки в маркиза

Бирминдейла!

Но поверенный знал также, как горцы относятся к англичанам, а Дункан Мактавиш — настоящий горец. Кроме того, он никогда не видел своего деда, сэра Невилла, и нога его не ступала на землю Англии.

— Надеюсь, вы понимаете, какая это великая честь, лорд Дункан? — попытался выполнить свой долг сэр Генри.

— Никакой я не лорд, и прекратите величать…

— С этого момента — лорд, — возразил поверенный. — Титул перешел к вам вместе с поместьем…

— Черта с два! — взорвался Дункан, снова вскакивая. — Никто не превратит меня в сассенаха только потому, что это взбрело в голову какому-то старикашке!

— Но вы наполовину англичанин, — настаивал сэр Генри. В награду он получил такой презрительный взгляд, что даже поежился.

Однако Дункан уже успел обрести хладнокровие. Просто удивительно, как быстро удается взять себя в руки столь молодому человеку!

— Надеюсь, вы понимаете, что я имею полное право отказаться и от титула, и от поместья? — спросил он.

— А вы? Неужели еще не осознали, что все-таки станете маркизом Бирминдейлом?

Последовало долгое, неловкое, по крайней мере для сэра Генри, молчание.

— В таком случае, — процедил наконец Дункан, — зачем вы явились сюда, если, по вашим словам, маркиз не умер?

— Вы стали совершеннолетним. Ваша мать заверила, что именно в двадцать один год вас отошлют к сэру Невиллу, если тот еще будет жив, с тем, чтобы дедушка смог наставить вас в ваших обязанностях. Он намерен убедиться перед неминуемой кончиной, что вы остепенились и устроены, как подобает маркизу.

— Устроен?

— Женаты.

— Полагаю, он успел выбрать мне невесту? — саркастически осведомился Дункан.

— Собственно говоря, так и есть, — с величайшей неохотой признался сэр Генри.

И тут Дункан, наконец не выдержав, залился смехом.

Глава 6

Дункану действительно стало весело еще и потому, что он не считал нужным подчиняться

чьим-либо повелениям, а тем более наглому старикашке, вообразившему, что может управлять внуком, как марионеткой! Невилл Теккерей волен выбрать ему хоть десяток невест, но кто может заставить его жениться? Он сам себе господин. Если Невилл желает командовать им, как утверждает поверенный, следовало привезти его в Англию раньше, когда он еще на имел права принимать самостоятельные решения.

И вообще вся ситуация крайне не правдоподобна, если не сказать абсурдна. В тот день, когда Дункану исполнилось восемнадцать, Арчибальд передал в его руки управление фермами, рудниками и другой собственностью Мактавишей. Зачем это понадобилось ему, если было известно заранее, что вскоре его внук покинет Шотландию? Глупейшая клятва дана до рождения Дункана, и всем это известно, кроме него самого. Невероятно!

Дункан ничего не имел против англичан, ведь его мать была родом из этой страны. Правда, после того как она приняла фамилию Мактавиш, об этом почти забыли. Но общая атмосфера неприязни и недоверия к англичанам, в которой он вырос, конечно, повлияла и на него. И теперь от него требуют уехать в Англию? Жить там? Даже жениться? Будь он проклят, если пойдет на это!

Веселье его продлилось недолго. Как только Дункан препоручил коротышку-англичанина экономке и велел проводить в спальню, на него навалилась глухая тоска. Он провел ночь без сна, попеременно злясь и удивляясь бесцеремонности людей, вообразивших, что имеют право распоряжаться судьбой близкого им человека. Наконец под утро он сообразил, что Арчибальд скорее всего давно составил план, как избежать его отправки в далекую Англию. Наверняка так и есть, не может быть, чтобы Арчи равнодушно позволил Дункану уйти из его жизни! Что ж, завтра, с утра пораньше, он все выведает у деда.

Как и ожидал молодой Мактавиш, Арчибальд появился на кухне с первыми лучами солнца. Дункан по обычаю присоединился к деду. Оба вставали чуть свет и завтракали на кухне, самой теплой комнате в доме. Есть в столовой они не любили: по огромному помещению из угла в угол гуляли сквозняки.

Обычай этот укоренился четырнадцать лет назад, когда погиб последний из четверых сыновей Арчибальда, отец Дункана. Двое старших умерли по чистой случайности, остальные — по воле бушующей природы. Родители Дункана отправились на небо вместе. Они отплыли во Францию, чтобы подписать контракт на торговлю шерстью с ферм Мактавишей. Совсем короткая поездка… но грозный шквал налетел столь неожиданно, что судно не смогло добраться до французского порта.

Дункану тоже предстояло плыть на этом корабле, но вмешалось провидение в образе страшного приступа морской болезни, начавшегося еще до того, как успели поднять паруса. Арчи, приехавший проводить сына с невесткой, настоял, чтобы внука оставили с ним. Дункан помнил, как огорчился в тот день. Он ужасно хотел увидеть Францию. Для семилетнего мальчика это было бы первым увлекательным путешествием. Теперь ясно, что оно стало бы и последним.

Два других сына Арчибальда были женаты, но их дети либо умирали во младенчестве, либо рождались мертвыми, так что после кончины мужей его снохи вернулись к родителям. Самый младший стал священником и случайно свалился с крыши церкви, которую пытался починить.

И Дункан, и Арчи пережили немало трагедий. Тем более удивительно, что глава клана не ожесточился и не озлобился. Он даже не казался дряхлым, хотя окружающие называли его стариком. Арчи рано женился, и все дети были погодками, родившимися в первые несколько

лет после свадьбы. Жена, вероятно, подарила бы ему еще детишек, если бы сама не скончалась при родах. Второй раз Арчи так и не женился, хотя вполне мог бы найти себе невесту даже в шестьдесят два года. В его рыжих, немного потускневших волосах почти не было седины, а борода придавала ему представительный вид, по крайней мере когда он давал себе труд как следует ее расчесать. Но теперь, передав бразды правления Дункану, он редко покидал дом, а поэтому не считал нужным следить за собой. Зная, что производить впечатление ему не на кого, если не считать поварихи, с коей он давно флиртовал, но которая, к сожалению, никогда не принимала хозяина всерьез, Арчи частенько целыми днями бродил по дому в халате. Удивительно, но сегодня он был тщательно одет, умыт и причесан, хотя смотрел исподлобья и недовольно морщился. Дункан заключил, что деду уже известно о появлении поверенного. Прекрасно. Значит, можно сразу переходить к делу, не дававшему ему покоя со вчерашнего вечера.

— Почему ты не сказал мне. Арчи?

Старший Мактавиш раздраженно передернул плечами, но вовсе не потому, что Дункан назвал его по имени. Дед не усматривал в этом непочтительности. И он не пытался уклониться от ответа, притворившись, будто не понимает, о чем толкует внук.

— Не хотел, чтобы ты раньше времени разрывался в своих привязанностях между Англией и Шотландией.

— Разрывался? Что за вздор! Ты отлично знаешь, где мой родной дом. Так было, есть и будет.

Арчи довольно заулыбался, но тут же вздохнул:

— Пойми и ты меня, парень. Мой Доналд потерял голову от любви к твоей матери. Был готов на все. И думать не желал о том, что она англичанка. Девушка была совсем молодой, еще восемнадцати не исполнилось. А ее отец рвал и метал, когда она без памяти влюбилась в Доналда. И к тому же он не хотел отпускать ее так далеко от дома. Маркиз любил девочку и, понимая, что ее сердце будет навеки разбито, если он не даст согласия на этот брак, наконец сдался. Но он потребовал, чтобы наследника Доналда, моего наследника, отослали к нему по достижении… совершеннолетия. Только дав такое обещание отцу, твоя мать смогла выйти замуж за Доналда.

— Я понимаю, отчего она дала клятву, но в толк не возьму, почему мне об этом не сказали ни слова.

— Честно говоря, парень, я все время надеялся, что старый ублюдок давно в могиле, а его поверенные ничего не знают о тебе. Наверняка у него есть и другие родственники, кому можно передать чертов титул. Но нет; этот сассенах еще нас с тобой переживет!

Последние слова Арчи произнес с таким отвращением, что Дункан засмеялся бы, не будь положение столь серьезным. Кроме того, он еще не услышал, каким образом Арчи собирался его отстоять.

— А мать? — напомнил он деду. — Почему она держала это в секрете от меня?

— Ты был слишком мал, когда она погибла. Мать непременно все объяснила бы тебе, останься она в живых. Кроме того, она с радостью дала это обещание. Не забывай, она была англичанкой и гордилась, что следующим маркизом Бирминдейлом будет ее сын. Бедняжка почитала титулы, как все сассенахи.

— Но тебе все же следовало рассказать мне, Арчи. Не стоило ждать до того дня, когда за мной явятся, чтобы увезти насильно. И что теперь делать с тем англичанином, который спит наверху? Он уверен, что я поеду с ним.

— Но ты действительно поедешь с ним!

— Этому не бывать! — взревел Дункан, взметнувшись со стула так быстро, что испуганная кухарка уронила нож — он едва не воткнулся ей в ногу.

Старушка пронзительно взвизгнула и обожгла Дункана негодующим взглядом. Но тот ничего не заметил, ибо в это самое время злобно смотрел на деда. Арчибальд мудро опустил глаза.

— Хочешь сказать, сам не знаешь, как нам выпутаться? — возмутился Дункан. — Ни за что не поверю. Интересно, как ты тут без меня управишься?

— Обходился же я как-то, когда ты был маленьким! Не настолько я стар…

— Ну и загонишь себя в могилу прежде времени… Арчи усмехнулся:

— Не думай, что я передал все в твои руки, потому что рвался уйти на покой. Нет, просто тебе требовалось приобрести опыт, парень, а это лучший способ его получить.

— Обходился же я как-то, когда ты был маленьким! Не настолько я стар…

— Ну и загонишь себя в могилу прежде времени… Арчи усмехнулся:

— Не думай, что я передал все в твои руки, потому что рвался уйти на покой. Нет, просто тебе требовалось приобрести опыт, парень, а это лучший способ его получить.

— Но зачем? Чтобы я мог применить его в поместьях чертова маркиза?

— Нет, чтобы ты мог передать знания своему сыну.

— Какому еще сыну?!

Глава 7

Оказалось, что старики несколько лет обменивались письмами, горячо спорили и никак не могли прийти к соглашению. Все это Арчи объяснил Дункану, который в расстройстве отказался от поставленного перед ним завтрака и потребовал у кухарки глоток виски, не обращая внимания на укоризненные взгляды старушки, не терпевшей, когда с утра пили спиртное. В довершение всего спор шел не о том, отправляться ли Дункану в Англию, а о том, чьим наследником станет его первенец.

— Кто-то должен следить за здешним хозяйством, — оправдывался Арчи. — Не разорваться же тебе. В Англии дел полно, но и тут их немало. Одному человеку со всем не справиться, и тебе придется постоянно ездить туда и обратно, а это не всякому под силу.

Дункан узнал, что оба старика желали его немедленной женитьбы с тем, чтобы сын родился уже в следующем году. При этом обоим было совершенно безразлично, как к их планам отнесется Дункан. Самое главное, что справедливость в их понятии восторжествовала: раз

Невилл получает внука, значит. Арчи передаст имущество правнуку.

Выслушав все это, Дункан почти решился сесть на первое попавшееся судно, отправиться на край света — и черт с ними, с этими старыми самодурами! Но он любил Арчи и, хотя злился на него, не мог хладнокровно разбить сердце деда.

Подумать только — его бесцеремонно лишили свободы выбора, заранее определили, каким путем идти, и потребовали выполнять чужие приказы! Получи Дункан иное воспитание, это, вероятно, ничуть его не волновало бы, но шотландцы — народ независимый и неукротимый. Поэтому Дункан до сих пор не мог поверить, что Арчи действительно намеревался исполнить чертову клятву. Одно дело — дать ее, чтобы достигнуть цели и добыть Доналду невесту, и совсем другое — честно держаться своего слова.

Он получил ответ на свои сомнения, когда прямо спросил деда:

— А что, если я откажусь ехать? Арчи тяжело вздохнул.

— Я любил твою мать, как собственное дитя, — грустно признался он. — Не думал, что буду так относиться к англичанке. Но милее и добрее девочки на свете не было, и она тоже привязалась ко мне. Я понял давным-давно, еще когда она была жива, что не опозорю невестку, пойдя на попятную. Даже после ее кончины, когда все зависело от меня, я так и не сумел отказать ее отцу.

— Но ты забыл обо мне, Арчи. Неужели мои желания ничего не значат?

— Ты ведь тоже любил мать и не запятнаешь ее памяти, верно?

Дункан не ответил. Да и что говорить, когда Арчи прав? Но в этот момент он ненавидел мать за то, что поставила его в столь ужасное положение, и сознание свершившейся несправедливости душило его.

Молчание внука несколько ободрило Арчи.

— Ты пока еще не понял, чего я добился, оставив тебя здесь до совершеннолетия. Если бы Невилл призвал тебя к себе, как намеревался, три года назад, ты полностью оказался бы в его власти. Теперь же он увидит, что с тобой не так легко сладить и ты не собираешься во всем ему потакать. Ради своей матери ты примешь на себя всю тяжесть обязанностей будущего маркиза, но при этом многое сделаешь по-своему — как пожелаешь, а не как велит Невилл.

Старый Мактавиш долго утешал внука, но цели не добился. Дункан хотел одного: пинками вышибить ни в чем не повинного Генри Майрона из дома и гнать до самой границы с Шотландией. Мысль эта казалась ему настолько привлекательной, что он едва не выбежал из кухни, чтобы немедленно ее осуществить. Разве он не прав? Ни мать, ни дед не подумали принять в расчет его желания. Всю свою жизнь Дункан провел в горах. Как они могли вообразить, что он захочет перебраться куда-то еще?

Но если один раз Арчи провел Невилла Теккерея, то это можно сделать еще раз. Дункан решил все узнать поподробнее. Поэтому он поднял стул и уселся.

— Итак, как тебе удалось оттянуть мой отъезд? Арчи, гордый собой, широко улыбнулся:

— Прежде всего я напомнил ему, что ты и мой наследник, а поскольку ты живешь у меня, пусть он попробует явиться и отобрать тебя! Черта с два у него это получилось бы.

— И это несмотря на то что ты уже решил принести меня в жертву? — с горечью пробормотал Дункан.

— О-о-о, парень, не стоит расстраиваться! Я, конечно, блефовал, но он-то этого не знал. Целых полгода мы обменивались угрозами и оскорблениями, потом еще девять месяцев ругались и спорили, и наконец я объявил, что удовольствуюсь твоим первенцем, которого он тоже сначала не хотел отдавать. Похоже, старик рассчитывал, что, если ты не сумеешь стать достойным, по его мнению, преемником, он успеет воспитать твоего парнишку по своему образу и подобию. Но, по правде говоря, маркиз уже плохо соображает, если не понял, что не доживет до того времени, когда получит возможность начать это самое воспитание.

— А ты? Думаешь, ты доживешь? Арчи лукаво усмехнулся:

— Вижу, ты еще не понял, в чем твоя выгода, малыш! Разве плохо, если твоему сыну перейдут мои владения? Ему же будет лучше, если он приедет сюда как можно раньше и начнет учиться вести хозяйство. Кроме того, я переживу старого ублюдка Теккерея на много-много лет, и ему это известно.

— Итак, свара продолжалась пятнадцать месяцев, — напомнил Дункан. — Как же тебе удалось вымолить еще полтора года?

— Ну… видишь ли… разговор о детях, естественно, привел к теме выбора невесты. Он настаивал, чтобы ты женился на англичанке, и ни за что не хотел уступать. Стоял, как скала, так что прошло еще почти полгода, прежде чем мы… это самое… пришли к согласию. Ну, а потом я потребовал, чтобы девушка была прекраснее утренней зари, и ему стоило немалых усилий отыскать такую.

— Английская леди, полагаю?

— Да, — усмехнулся Арчи, — поэтому он так долго и перебирал невест. Титулованная красавица… Такую нелегко найти.

— Все это пустая трата времени, — заключил Дункан. — Я, разумеется, могу отправиться в Англию, но никто не заставит меня жениться на выбранной кем-то особе, которую я к тому же в глаза не видел.

— Не забивай себе голову пустяками, парень. Я требовал искать невесту, поскольку это был отличный предлог оттянуть твой отъезд. Пока Теккерей присматривался к юным английским леди, ты спокойно жил в родном доме. Если ты из чистого упрямства не захочешь идти к венцу с первой красавицей Англии, будь по-твоему. Никто тебя не заставит… ну… кроме старого Невилла, разумеется. Но, как я уже сказал, ты достаточно взрослый, чтобы настоять на своем.

— Все это не имеет ничего общего с упрямством, — раздраженно возразил Дункан, не замечая при этом, что почти кричит.

— Ну, конечно, разве я спорю? — снисходительно-покровительственным тоном, словно говоря с ребенком, согласился Арчи, за что и получил в награду негодующий взгляд внука.

— Я сам найду себе жену, как всякий уважающий себя мужчина, как сделал это ты.

— Очень рад это слышать. Но зачем сжигать мост, который ты еще не успел перейти? Прежде чем отвергать девушку, найденную Невиллом, хотя бы взгляни на нее. А вдруг она тебе понравится? Ну, а если нет, по крайней мере попытайся подобрать себе другую.

— Я ничего не имею против брака, Арчи, — заверил деда Дункан, — но не находишь, что я еще слишком молод, чтобы думать о семье?

— А вот я уже довольно стар и, хотя наверняка переживу Невилла и найму кого-нибудь помогать по хозяйству в твое отсутствие, все же буду рад уйти на покой, передав дело в руки твоего сына.

Это, очевидно, означало, что старики пришли к безоговорочному согласию во всем, что касалось Дункана, включая немедленную женитьбу. Надо же — это одно из главных событий в жизни внука, а они буквально загоняют его в ярмо, не думая о последствиях.

Презрительно поморщившись, Дункан вышел из кухни. Он поедет в Англию. Ну а дальше… посмотрит. Может, милый дедушка Невилл обнаружит, что не так уж и рад видеть своего внука!

Глава 8

Дункан растерянно оглядывался по сторонам. Никогда в жизни он не бывал в таком унылом, мрачном, заброшенном месте. Вероятно, причиной тому было толстое покрывало тумана, поднимавшегося на несколько футов над землей. Деревья тянули голые сучья-руки к пасмурному небу. То ли они засохли, то ли просто сбросили листву. А может, тут так неуютно из-за холода раннего утра? Солнце еще не успело подняться. А вдруг скоро станет тепло и светло и тогда все покажется ему иным?

Но в глубине души Дункан сомневался, что веселые солнечные зайчики или зеленая травка, если таковая даже и появилась бы в это время года, способны развеять его тоску. Он настроился возненавидеть Саммерс-Глейд и теперь с какой-то угрюмой радостью отдавался этому чувству.

Сэр Генри торопил Дункана, желая добраться до места как можно быстрее, что было несложно, поскольку от постоялого двора, где они заночевали, до поместья было не более двадцати минут езды трусцой. Однако Дункан не собирался знакомиться со своим английским дедом вечером, после целого дня утомительного путешествия. Нужно хорошенько отдохнуть, чтобы при первой встрече держать ухо востро и не думать об ужине и теплой постели. Правда, он не ожидал застать Невилла Теккерея еще в кровати, что несколько охладило его пыл, поскольку молодой шотландец был исполнен воинственного духа и готовился к схватке. Несмотря на зловещий вид, дом был вовсе не заброшен, как втайне надеялся Дункан, наоборот — в комнатах сновали слуги, их хватило бы на десять семейств. Неужели все они тут, чтобы служить дряхлому старику? Не слишком ли их много?

Дункан мысленно одернул себя. По справедливости говоря, дом деда довольно велик, так что лишняя челядь не помешает. Кроме того, англичане в отличие от шотландцев куда более избалованны, а уж о знатных лордах, вроде Невилла Теккерея, и говорить не приходится. Они рады бросать деньги на ветер, нанимая трех лакеев там, где и один справился бы.

Обстановка особняка поражала роскошью. Мебель, насколько мог заметить Дункан, была в старом французском стиле: хрупкая, изящная, с позолотой и изогнутыми ножками, хорошо сохранившаяся, но с таким количеством медальонов и резьбы, что выглядела несколько безвкусно.

Зеркала и картины были заключены в тяжелые позолоченные рамы, на огромных хрустальных люстрах позвякивало столько подвесок, что любой, имевший несчастье засмотреться на них, когда горели все свечи, непременно ослеп бы. В каждой комнате стояли цветы: очевидно, где-то поблизости была оранжерея.

Такого блеска Дункан не ожидал. Судя по серому, исхлестанному ветрами фасаду особняка, старик должен был окружить себя простой, незатейливой тяжелой мебелью, а уж никак не фривольным декором прошлого столетия.

Но с другой стороны, тут не было ничего странного, ведь Невилл действительно жил в прошлом веке и мог привыкнуть к вычурной обстановке, в которой родился и вырос, Дункан ничуть не удивился бы, появись его дед в дурацком пышном парике по моде давно забытых лет.

Он был страшно удивлен, когда высокомерный дворецкий препоручил его заботам младшей горничной, которая, в свою очередь, адресовала его к старшей горничной, и наконец спокойная рассудительная экономка проводила его в спальню. Подумать только: одним гостем занималось сразу четверо слуг! Дункан с трудом сдержал смех, когда экономка почтительно присела перед ним и повела по коридору. Господи, да достаточно было бы всего лишь указать ему дорогу!

Но церемонии на этом не закончились. В спальню впорхнула еще одна служанка, она разожгла огонь в камине. Затем появилась другая, с горячей водой и полотенцами. По ее пятам шествовала третья, с большим блюдом закусок: печенье, колбаски, сладкие пирожки, чайник и кувшинчик с шоколадом. Не прошло и десяти минут, как на пороге возникла четвертая — узнать, не нужно ли чего молодому хозяину.

И в довершение ко всему прямо из воздуха материализовался Уиллис, тощий коротышка средних лет, с редкими каштановыми волосенками и карими глазками-пуговичками, гордо объявивший, что именно ему выпала огромная честь стать камердинером будущего маркиза. И если Дункан посчитал здешнего дворецкого надменным болваном, то теперь обнаружил, что вид у его собственного камердинера еще более спесивый. И чего тут чваниться?

Мактавиш был не настолько невежествен, чтобы не знать, для чего нужны камердинеры. Но он просто потерял дар речи от изумления, когда увидел, как кто-то распаковывает за него чемодан, чемодан, который Уиллис силой отнял у лакея, чтобы лично принести наверх. Не успев прийти в себя, чтобы отослать новоявленного помощника, Дункан услышал удивленное:

— Это юбка, милорд?

— Это килт, болван! — взревел Дункан, багровый от такого оскорбления.

Уиллис же, не теряя хладнокровия, покачал головой, неодобрительно поцокал языком и, тщательно сложив, поместил килт в комод. Дункан молча уставился на него. Мало того что этот тип ничего не смыслит в одежде настоящего шотландского мужчины, так ему еще и нипочем его яростный взрыв?! Ну он ему покажет!

Стиснув кулаки, Дункан сухо процедил:

— Вон отсюда!

Ему наконец удалось обратить на себя внимание камердинера, но и тут Уиллис оказался на высоте.

— Милорд? — только и обронил он, обратив на хозяина недоумевающий взгляд.

Стиснув кулаки, Дункан сухо процедил:

— Вон отсюда!

Ему наконец удалось обратить на себя внимание камердинера, но и тут Уиллис оказался на высоте.

— Милорд? — только и обронил он, обратив на хозяина недоумевающий взгляд.

Дункану волей-неволей пришлось пояснить:

— Видишь ли, у меня никогда в жизни не было камердинера, я и впредь не собираюсь его заводить.

Но Уиллис не оскорбился и не исчез после такого решительного заявления. Он снова прицокнул и объявил:

— В конце концов, не ваша вина в том, что вы родились именно в той варварской стране, но теперь вы, слава Богу, в Англии и наверняка захотите, чтобы все было как полагается.

— Да неужели? — грозно прошипел Дункан.

— Ну, разумеется, в этом нет ни малейшего сомнения. Поверьте, вам без меня не обойтись. Любому джентльмену благородного происхождения и в голову не придет одеваться собственноручно.

— Никакой я не джентльмен, не милорд и вполне способен одеваться сам, черт побери! А теперь убирайся, пока я не вышвырнул тебя вон!

Только теперь Уиллис, очевидно, принял его слова всерьез и запаниковал:

— Неужели вы вправду выгоните меня, милорд? Тогда мне плохо придется!

— Но ты мне ни к чему!

— Ни одна живая душа этому не поверит, — вздохнул Уиллис. — Все посчитают, что я не угодил вам, и у меня не останется ни единого шанса когда-нибудь занять такую же важную должность. Со мной будет навсегда покончено, милорд, если придется вернуться в Лондон.

Дункан мог бы поклясться, что нижняя губа бедняги жалостно дрогнула. Он тяжело вздохнул. От природы не злой человек, он просто хотел идти по жизни своей дорогой и не терпел ничьего вмешательства. Однако Дункан не желал, чтобы из-за него с кем-то «было покончено».

Дьявол, до чего же ему не по душе компромиссы и уступки!

— Так и быть, — сдался молодой Мактавиш, — можешь чистить и гладить одежду, но одевать меня не смей, ясно?

— Спасибо, милорд, — воспрянул духом Уиллис, мгновенно возвращаясь к прежнему надменному, раздражающе-снисходительному тону. — Надеюсь, я могу пригласить портного маркиза для примерки будущего гардероба или скоро прибудут сундуки с вашими вещами?

Дункан безмолвно смотрел на камердинера. Дай англичанину палец…

Глава 9

В отличие от теток Сабрина не видела никакой трагедии в том, что история ее семьи может выплыть на свет Божий. Но отношение лондонского общества к так называемому «скандалу» оказалось таким странным, если не сказать более, что она только плечами пожимала, не зная, плакать или смеяться. Если раньше люди поглядывали на нее с любопытством, как на всякое новое лицо в столичном свете, то теперь их взоры ясно говорили: «Как?! Ты все еще жива?! Но ничего, это ненадолго, могу в этом поклясться!"

Одна глупенькая дамочка даже вскрикнула, словно увидела призрак. Сабрина могла лишь предполагать, какие ужасы, не имеющие ничего общего с действительностью, наговорили этой особе сплетники.

Ее надеждам найти мужа в столице, разумеется, не суждено будет сбыться. Что ни говори, джентльмены вступают в брак, чтобы обзавестись наследниками, а кому нужна жена, которая не проживет достаточно долго, чтобы родить сына! Правда, обе тетки Сабрины благополучно здравствуют и много лет спустя после тех трагедий, но кто примет это в расчет? Нет, умудренные жизнью светские львы и львицы не собирались обращать внимания на такие пустяки. Так что не было смысла рассказывать всю правду о семье Ламберт. Люди верят только в то, во что хотят верить, несмотря ни на какие доказательства. Кроме того, в светском обществе вот уже целую неделю не о чем было говорить, и свеженькая сплетня подоспела как нельзя более кстати. Куда интереснее утверждать, что Ламбертов преследует рок и члены этой семьи склонны расставаться с жизнью задолго до отпущенного им срока.

К сожалению, прадед Сабрины, Ричард, действительно отважился на столь ужасный поступок, а его легкомысленная жена, не в силах пережить трагедию, последовала примеру мужа. Казалось, на этом цепь роковых событий должна была оборваться: дочь Ричарда Люсинда в то время была замужем за графом Уильямом Ламбертом, человеком крепкого здоровья и могучего сложения. У супругов родились две дочери, Хилари и Элис. Отец Сабрины, Джон, еще не появился на свет, и именно поэтому герцогский титул перешел к дальнему родственнику, которого Ламберты никогда не встречали.

Никто так и не узнал, прыгнула Люсинда с балкона сама или упала с него случайно. Ее здоровье сильно ухудшилось после рождения наследника: бедняжку мучили уныние и меланхолия, а после родов она долго лежала в горячке. Но никто в графстве не сомневался, что безумие, которым была отмечена эта семья, опять проявило себя, и скандал разгорелся с новой силой. Вот почему Хилари и Элис так и не дождались своего первого лондонского сезона.

Вероятно, на этом все и кончилось бы: ведь родословная графа была безупречной. Всякие толки о дурной крови затихли к тому времени, как Джон женился на Элизабет и на свет появилась Сабрина.

Но родители девочки имели несчастье съесть за ужином что-то не то. Возможно, им подали несвежее мясо или ядовитые грибы… Так или иначе, оба скончались еще до приезда доктора. Даже собака, съевшая остатки ужина, сдохла, а две судомойки, только попробовавшие блюдо, свалились с болью в желудке. Сам доктор во всеуслышание утверждал, что несчастные отравились случайно, но уже через несколько дней поползли слухи, что супруги решили уйти

из жизни, приняв яд.

Хилари и Элис лучше других знали, насколько несправедлива молва. Их брат и его жена были очень счастливы, любили друг друга, и их гибель была страшной случайностью. Но этому никто не желал верить.

Неудивительно, что они были потрясены, когда слухи о злом роке, тяготевшем над их семьей, разгорелись с новой силой. И это после стольких лет! Они так мечтали о достойном муже для племянницы, и теперь все рухнуло!

Как они ни старались, все же не могли представить, кто именно оказался столь злобным и подлым, чтобы вновь раздуть огонь из тлеющих угольков, не пожалев ни в чем не повинную девушку. Но какая теперь разница, кто это был? Удар уже нанесен. И больше не было смысла оставаться в Лондоне.

Только Сабрина радовалась, что едет домой. Она уже успела понять, что блеск и мишура столичного сезона ей чужды и никак не подходят ее натуре, а городская суета попросту раздражает. Повсюду слишком много народу, улицы грязны, а в горле першит от сажи и дыма. Ей донельзя не хватало уединенных прогулок на свежем, чистом воздухе, запаха влажной земли, аромата сена и цветов. Сабрине до смерти надоели толпы людей и заваленные мусором сточные канавы.

Хорошо, конечно, что ей удалось побывать хотя бы на одном балу, поскольку в их глуши таких развлечений не предвидится, и, кроме того, попасть на несколько приемов, прежде чем окружающие начали с подозрением на нее поглядывать. Теперь она поняла, что такое жизнь в большом городе. Лучше знать, чем гадать, так что эта поездка, по ее мнению, вовсе не была напрасной тратой времени.

В отличие от теток Сабрина не тревожилась, что останется старой девой. Наоборот, была уверена, что когда-нибудь найдет хорошего человека, настоящего мужчину, достаточно умного, чтобы не обращать внимания на злословие. Да, кто-то из ее предков покончил с собой, но это вряд ли означает, что всем Ламбертам грозит такая же участь. А если она не встретит суженого… Что ж, невелика беда — ее тетушки тому отличное доказательство.

К неудовольствию Сабрины, Риды напросились им в попутчики, потому что ко времени отъезда получили письмо с просьбой приехать в Саммерс-Глейд и познакомиться с внуком Невилла Теккерея, который вскоре должен был прибыть в Йоркшир. Леди Мэри, естественно, предложила отправиться в путь вместе. Офелия, со своей стороны, просто из себя выходила, умоляя Ламбертов вместе с ними погостить в Саммерс-Глейд.

Элис и Хилари, вне всякого сомнения, отказались бы, не будь они столь огорчены, покидая Лондон, но в эту минуту они просто были не в силах рассуждать здраво. Обе сестры не слишком любили маркиза, но Офелия объявила, что уже пригласила в Саммерс-Глейд немало друзей и что они превесело проведут время в деревне.

Родственницы Сабрины ухватились за это предложение, как за последнюю возможность поймать для племянницы завидного жениха, поэтому в итоге согласились. Стоило подумать также и о балах, которые будет давать Офелия, став супругой будущего маркиза. На них, разумеется, пригласят и Сабрину. Эти соображения немного подняли настроение обеим мисс Ламберт, а у Сабрины не хватило духу возразить, хотя она ясно представляла, насколько неприлично появляться в доме маркиза Бирминдейла без приглашения.

Помимо всего прочего, девушка отлично понимала, какие мотивы руководят Офелией. Та

ужасно злилась, что ее тащат в сельское захолустье в самый разгар сезона, и решила, что это наилучший способ перенести сезон в провинцию. Более того, она, по ее мнению, нуждалась в дружеской поддержке, ибо никак не могла набраться отваги, чтобы встретиться лицом к лицу с шотландским дикарем, за которого ее принуждали выйти замуж.

И хотя Сабрине по-прежнему не слишком нравился способ, с помощью которого Офелия пыталась избавиться от нежеланного жениха, она все же сочувствовала подруге. Разве можно кого-то выдавать замуж насильно, тем более за человека, которого невеста в глаза не видела! Можно подумать, средние века так и не миновали!

Сабрина отнеслась бы к Офелии с большим участием, если бы знала, что та готова на все ради любви. Но, очевидно, подобные пустяки Офелию не волновали. Она была слишком нетерпелива, чтобы подождать и узнать, понравится ли ей внук маркиза, а кроме того, охотилась за более знатным женихом. То, что на свете не так уж много молодых герцогов, жаждущих разделить с Офелией все преимущества своего положения, ей в голову не приходило. Она придерживалась настолько высокого мнения о себе, что пребывала в полной уверенности: если она пожелает, то найдет принца или даже короля.

Сабрина едва не сгорела от унижения при встрече с величественным дворецким, не ожидавшим такого нашествия гостей. В дороге к Ридам и Ламбертам присоединились двое наиболее настойчивых обожателей Офелии, и ожидался приезд еще целой компании. Офелия, однако, со своим обычным высокомерием просто скользнула взглядом по верному стражу маркиза и скривила губы.

— Без своих друзей я не собираюсь здесь оставаться, — объявила она. — У меня будет много визитеров, и вам придется к этому привыкнуть.

К счастью для Офелии, родители еще не успели войти в холл и не слышали ее спесивых речей, иначе она, вполне вероятно, получила бы строгий выговор. Судя по взгляду дворецкого, маркизу предстояло услышать о дерзком поведении гостьи. Офелия от души на это надеялась. Ей не нужно было нравиться маркизу. И не важно, кто разорвет эту помолвку, он или его внук! Главное — поскорее покончить с этим неприятным обязательством.

Сабрина втайне благословляла судьбу за то, что после того как маркиз выкинет их из своего роскошного дома, им не придется далеко ехать. Их дом находится рядом с маленьким городком Оксбоу, всего в получасе езды отсюда, так что можно будет выехать и ночью. Интересно, намерен ли лорд Невилл потакать своей будущей названой внучке?

Глава 10

Не подозревая о появлении лондонских гостей, Дункан с дедом сидели наверху и впервые в жизни смотрели в глаза друг другу. Дункан хотел подождать Невилла в гостиной, пока тот проснется, поскольку камердинер отказался будить хозяина раньше обычного. Дункану пришлось промаяться почти два часа, прежде чем старик открыл глаза и соизволил встать.

Но всему бывает конец, и вскоре камердинер пулей вылетел из спальни, красный от стыда: очевидно, маркиз как следует отчитал его за отказ повиноваться молодому господину. Правда, Дункан не жалел о проволочке: у него осталось достаточно времени, чтобы изучить гостиную Невилла. В ней было множество занятных вещиц, с которыми у того, очевидно, были связаны драгоценные воспоминания.

Странные африканские маски на стене свидетельствовали о том, что Невилл когда-то посетил этот континент или по крайней мере хотел это сделать. Другой угол был заполнен шедеврами китайского искусства. На каминной доске теснились египетские безделушки. Невилл любил путешествовать либо был собирателем редкостей.

Обстановка, однако, была выдержана в том же французском стиле, что и в остальных комнатах. Письменный стол отличался таким изяществом, что Дункан боялся к нему подойти, опасаясь, что, стоит надавить на столешницу, его ножки подломятся. На столе стояло два небольших портрета. На одном была изображена мать Дункана в молодости, на другом — ребенок с ярко-рыжими волосами. Присмотревшись ко второй миниатюре, Дункан замер. Это вполне мог быть он сам, хотя… хотя не понятно, когда его успели нарисовать. Правда, заметно, что мальчик не позировал… значит, вероятнее всего он просто играл в саду, не обращая внимания на окружающих. Кроме того, волосы Дункана в детстве действительно были огненными и только с годами потемнели. Впрочем, особого сходства с собой, если не считать цвета волос, Дункан не заметил, но тут мог быть виноват не слишком искусный художник. Несмотря на все попытки убедить себя в том, что это портрет какого-то неизвестного малыша, в глубине души Дункан чувствовал, что его первое впечатление было верным.

Не понятно только, зачем Невиллу понадобилось заказывать его изображение, ведь он ни разу не попытался увидеться с Дунканом или хотя бы послать ему письмо. Он переписывался исключительно с Арчи, а не с единственным внуком, что, по мнению Дункана, лучше всяких слов говорило об отношении маркиза к нему. Дункан в представлении Невилла — просто вещь, обещанная и переданная по назначению, и дед ничем не выделяет его из ряда других ценных предметов. Дорогая собственность, но совершенно ни к чему испытывать к ней какие-то чувства.

Услышав шаги, Дункан обернулся и замер, увидев деда, стоявшего в дверях. Тот, в свою очередь, не мог отвести взгляда от внука. Оба молчали, сраженные первым впечатлением. Каждый ожидал увидеть нечто совершенно иное.

Невилл с его гривой серебряных волос, остриженных по последней моде, совсем не походил на несчастного жалкого старика. Время оказалось к нему благосклонно. И хотя понятно было, что Теккерей далеко не молод, на лице его почти не было морщин, а глаза оставались ясными. Белая эспаньолка придавала ему вид лощеного европейца, и это впечатление усиливала худоба, которая в его годы граничила с хрупкостью. Зато держался он гордо, прямо и ничуть не походил на человека, лежавшего на смертном одре, как намекал сэр Генри. Ни в коем случае. Очевидно, Невилл пребывал в превосходном здравии.

— Ты выше… чем я ожидал, — едва выговорил он.

— А вы… далеко не так стары… как я ожидал, — в тон ему откликнулся Дункан. — И далеко не такой дряхлый.

Первые фразы словно прорвали барьер отчуждения. Невилл бодро вошел в комнату. Он едва слышно вздохнул, с трудом опускаясь в кресло, стоявшее за маленьким письменным столом. Дункан, не найдя стула, который, по его мнению, не рассыпался бы под его тяжестью, встал перед камином, но быстро понял, что зря сделал это: в комнате становилось невыносимо жарко, а здесь, возле камина, было просто нечем дышать. Поэтому Дункан перешел к окну и попытался его открыть.

— Пожалуйста, не надо, — попросил Невилл и в ответ на вопросительный взгляд внука смущенно добавил:

— Доктор предупреждал, что мне вредны сквозняки. Боюсь, мои легкие не выдержат очередного воспаления. К сожалению, именно поэтому мне приходится жить в такой духоте.

— Значит, вы были больны?

— Всю прошлую зиму провел в постели. Но на этот раз, похоже, все обошлось.

Дункан кивнул. Тон Невилла был спокоен, можно сказать, деловит. Он явно не рассчитывал вызвать у внука жалость, а лишь объяснял, почему в комнате так сильно натоплено. Дункан решил остаться у окна, где было немного прохладнее, хотя так и не пришел в себя после того, как едва не поджарился у камина. Почувствовав, как по лицу и шее ползут струйки пота, он сбросил камзол.

— Судя по всему, рост ты унаследовал от отца… вместе с волосами, — заметил Невилл, пристально наблюдая за внуком.

— Зато, говорят, у меня ваши глаза.

— Не смог бы ты… подойти ближе, чтобы я увидел это сам.

Неприкрытая мольба в голосе деда выбила Дункана из колеи.

— Значит, зрение у вас уже не то, — пробормотал он, неловко поежившись.

— Мне прописали очки, — неохотно признался Невилл, — но я все время их теряю.

В эту минуту он был удивительно похож на Арчи, и Дункан немного успокоился. Но чтобы не расслабляться, он напомнил себе, что этот старик, пусть и родной дед, все же не пожелал увидеть внука прежде и ничем не заслужил его любви. Лучше им по-прежнему оставаться чужими.

Тем не менее Дункан все же шагнул вперед, к письменному столу. Пришлось стоически терпеть изучающий взгляд Невилла, хотя Дункану все больше становилось не по себе. Ему хотелось повернуться и уйти, но он призвал на помощь всю силу воли. В конце концов, настоящий мужчина никогда не отступает.

— Элизабет гордилась бы тобой, если бы дожила до этого дня.

В устах Невилла это прозвучало искренней похвалой, но Дункана неожиданно охватило раздражение.

— А откуда вам известно, что она испытывала к сыну, если после свадьбы вы ни разу с ней не встретились? — с горечью выпалил он.

Только глухой не расслышал бы боли и тоски, звеневших в напряженном голосе молодого шотландца, и если другие чувства с возрастом иногда подводили Невилла, то слух его был все еще остер. Старый маркиз на мгновение оцепенел, но тут же пришел в себя. Если он и собирался говорить о прошлом, то сейчас, по-видимому, передумал.

— Леди Офелия и ее родители прибудут сегодня, — сообщил он, резко меняя тему. — Постарайся произвести на нее подобающее впечатление. Надеюсь, ты не пожалеешь для этого усилий. Хотя этот брак принесет больше выгод ей, чем нам, меня известили, что она пользуется огромным успехом в лондонском обществе и не имеет недостатка в поклонниках,

готовых на все, лишь бы получить ее руку. В наше время молодым людям ничего не стоит из простого каприза нарушить уже принесенный обет, — с отвращением добавил Невилл.

Интересно, кого он имел в виду: невесту или жениха? Пусть они родственники, но Теккерей не сделал ни единой попытки повидать внука или хотя бы написать ему до той минуты, как настало время «выполнить обещание», но и тогда предпочел иметь дело с Арчи, а не с самим Дунканом. Естественно, маркиз понятия не имеет, каким человеком вырос внук, и совсем его не знает, разве что по описанию Арчи.

Дункан нахмурился. Хотелось бы иметь хоть какое-то представление, что мог сообщить про него Арчи во всех тех письмах, что отправлял Невиллу.

— Я не нарушаю обетов… если сам их приношу. Но пока я не дал ни одного. Невилл удивился:

— Разве сэр Генри ничего не сказал о помолвке?

— Почему же, сказал. Он говорил о той помолвке, что заключили вы. Но я тут ни при чем. Неужели вы до сих пор не поняли, лорд Невилл, что имеете дело со взрослым человеком, а не с юнцом, который до сих пор живет по указке старших? Я приехал к вам только из-за того, что не хотел позорить имя матери, давшей клятву. И я женюсь ради Арчи, который просит меня обвенчаться как можно скорее. Но невесту выберу сам. Если ваша леди Офелия придется мне по нраву, я, может, и соединю с ней судьбу, но не собираюсь брать на себя никаких обязательств, пока не увижу ее и не сделаю предложения по своей доброй воле.

— Понятно, — сухо кивнул Невилл. — Ты приехал сюда, заранее настроенный…

— Вы так думаете? Я назвал бы это нескрываемым отвращением к создавшейся ситуации. Кто-нибудь… вы, моя мать. Арчи… обязаны были просветить меня насчет этого чертова обещания задолго до приезда сэра Генри.

С этими словами Дункан круто повернулся и вышел, опасаясь, что может наговорить деду много такого, о чем потом пожалеет. Не стоило выказывать свои искренние чувства. Он слишком поспешил.

С этими словами Дункан круто повернулся и вышел, опасаясь, что может наговорить деду много такого, о чем потом пожалеет. Не стоило выказывать свои искренние чувства. Он слишком поспешил.

Глава 11

Обстановка в Саммерс-Глейд была такой натянутой, что Сабрина при первой же возможности улизнула из дома. Она любила все времена года и даже в самые холодные дни наслаждалась зимними прогулками. Природа как в своем суровом, так и в приветливом обличье не переставала восхищать ее. Сабрина не боялась подставлять лицо дождю, не возражала, если волосы ерошил ветер, а солнце обжигало щеки. В детстве тетки шутили, что она, должно быть, принадлежит к роду фей и где-то потеряла крылья.

Сабрина вскарабкалась на холм, где иногда простаивала целыми часами. До сих пор подходить ближе к Саммерс-Глейд она не осмеливалась, но с удовольствием обозревала открывавшийся отсюда вид на поместье лорда Невилла. Она так часто взбиралась сюда, что знала, каким

красивым станет старый дом, когда окружающие его деревья вновь раскинут свои зеленые мантии.

Особняк был и в самом деле необычным, а теперь, когда Сабрина увидела комнаты и обстановку, она просто влюбилась в него. Жаль, что лорд Невилл редко принимает гостей, особенно соседей, которые, подобно Ламбертам, сгорали от любопытства узнать, как живет старый маркиз.

Правда, и то множество людей, что свалились ему на голову сегодня, никем не были приглашены, и теперь только оставалось гадать, захочет ли маркиз устроить что-то вроде приема. Сабрина была готова ко всему, даже к тому, что, вернувшись, застанет теток, укладывающих вещи. Это, впрочем, не слишком ее волновало, хотя она не прочь была посмотреть на знаменитого затворника. Все эти годы они были соседями, но Сабрина ни разу не видела лорда Невилла.

Она не спешила вернуться в особняк и проверить правильность своих предположений. Сабрина добралась до вершины холма, уселась, не заботясь о том, что испачкает плащ, и стала любоваться великолепной панорамой, открывшейся перед ней. Недаром тетки жаловались друзьям и знакомым, что племянница никогда не вырастает из платьиц, потому что всегда ухитряется порвать их или перемазать травой или соком ежевики.

Она действительно была удивительно беспечной в этом отношении, но никогда не придавала значения мнению окружающих о ее внешности. К чему тратить время, прихорашиваясь? Того, чем наградили ее родители, не улучшишь никакими ухищрениями.

Сабрина сняла шляпку и положила рядом. Ветер мгновенно унес бы ее, если бы девушка не держала в руках ленты. Теперь шляпка смешно подпрыгивала на земле, постепенно превращаясь в мятую тряпицу. Сабрина закрыла глаза, ощущая, как ветер подхватывает легкие пряди ее волос и бросает из стороны в сторону. Один особенно непокорный локон пощекотал ей нос, и она, сморщившись, чихнула. Однако совсем не это помешало ей услышать стук копыт. Всадник так быстро оказался на вершине холма, за ее спиной, что едва не раздавил ее, и лишь в последний момент, заметив неожиданное препятствие, натянул поводья. Испуганная лошадь встала на дыбы и кинулась в сторону. Передние копыта опустились на злополучную шляпку. Но Сабрине было не до того. Она покатилась по земле, даже не пытаясь вскочить, что было весьма благоразумно с ее стороны, иначе животное наверняка раздавило бы и ее.

Не одна она оказалась в столь незавидном положении. Всадник, перелетев через голову коня, приземлился как раз на склоне и полетел бы вниз, если бы не ухитрился схватиться за первый попавшийся кустик.

Сабрина пришла в себя и неуклюже поднялась. Мужчина все еще сидел, широко расставив ноги и ошеломленно осматриваясь по сторонам. Очевидно, он еще не сообразил, что произошло. Лошадь, фыркнув, отошла в сторону. При этом она утащила шляпку, приставшую к копыту, и попыталась сжевать шелковые цветы, украшавшие ее поля.

Сабрина сразу заметила, что сидящий человек — настоящий гигант. Короткая зимняя куртка туго обтягивала широкие мускулистые плечи. Но больше всего ее поразили его голые ноги, вернее, колени. Боже, да на нем только высокие сапоги и что-то вроде юбки. Кажется, это называется килтом. Как необычно! Правда, она уже видела шотландцев в таких нарядах. Они часто проезжали через Оксбоу по пути на родину, но только летом. Большинство предпочитало в холодное время одеваться потеплее. Неужели этому человеку и холод нипочем?

Она подумала, что перед ней, должно быть, жених Офелии. Килт и рыжевато-каштановые волосы позволяли предположить, что он по крайней мере наполовину шотландец, а в Саммерс-Глейд ждали именно шотландца, и… О Боже, пожалуй, увидев жениха, Офелия быстро переменит мнение относительно этого брака и пожалеет о том, что хотела расторгнуть помолвку: он так красив, что у Сабрины дыхание перехватило!

Незнакомец встал. Она еще раз поразилась его стати и необычайно высокому росту. Не обращая внимания на Сабрину, мужчина принялся отряхивать килт, так что обнажилось мощное бедро. Бедняжка вспыхнула от смущения. К счастью, он не смотрел в ее сторону.

— С вами все в порядке? Шотландец резко обернулся:

— А как вы? Скорее уж мне следовало спрашивать об этом. Так уж получилось — я не заметил вас, пока не стало слишком поздно.

Она улыбнулась. Его акцент, как ни странно, оказался совсем легким и приятным на слух, хотя голос был чересчур низким. Но ей и это понравилось: звучит хотя и странно, но довольно музыкально. А глаза, темно-синие, почти черные, будоражили душу, лишали способности ясно мыслить.

— Я так и поняла.

— Мне следует извиниться перед вами. Похоже, мы с этой скотинкой не слишком хорошо поладили. — Он недовольно посмотрел на лошадь. — Но нужно признаться, и я не слишком искусный наездник. Предпочитаю ходить пешком, если расстояние не очень велико.

Какое совпадение! Он словно подслушал мысли Сабрины. Правда, она прекрасно ездила верхом, недаром ее впервые посадили в седло совсем ребенком. Но Сабрина считала дамские седла очень неудобными, кроме того. Господь наградил ее достаточно крепкими ногами, и она отлично управляла лошадьми.

Упоминание о расстоянии побудило ее, однако, спросить:

— Значит, вы направляетесь в Саммерс-Глейд? Шотландец посмотрел на особняк и мрачно нахмурился, прежде чем пробурчать:

— Нет, просто хотел выпустить пар и подумал, что этот жеребец поможет развеять досаду. Видно, я ошибся. Стоило с самого начала предвидеть, что скачки по горам еще больше меня обозлят.

Девушка звонко рассмеялась, и это заставило Дункана присмотреться к ней внимательнее.

Чумазая растрепанная малышка с всклокоченными каштановыми волосами… Почему же его так привлекает эта простота? И ростом она мала… Длинный плащ скрывает ее от шеи до ног, облегая красивую грудь. Дункан заметил, что двух пуговиц на плаще не хватает, видно, затерялись. И еще он обратил внимание на ее глаза. Они сияли изумительным аметистовым светом.

Чумазая растрепанная малышка с всклокоченными каштановыми волосами… Почему же его так привлекает эта простота? И ростом она мала… Длинный плащ скрывает ее от шеи до ног, облегая красивую грудь. Дункан заметил, что двух пуговиц на плаще не хватает, видно, затерялись. И еще он обратил внимание на ее глаза. Они сияли изумительным аметистовым светом.

Внезапно в голову Дункана пришла совершенно невероятная мысль, которую он не замедлил высказать:

— Вы, случайно, не леди Офелия?

— Господи, конечно, нет! А вот вы, должно быть, тот горец-дикарь, о котором я столько слышала! — выпалила она, испугавшись своей бестактности.

Но он по какой-то причине не оскорбился. Возможно, потому, что при этих словах ее прелестные глаза лукаво блеснули. Очевидно, она находила забавным сам эпитет «дикарь» в применении к Дункану, и он невольно развеселился. Кроме того, утром он надел килт, который обычно не носил зимой. Облачившись в традиционный костюм шотландца, он хотел доказать Невиллу, что предпочитает свою родину Англии. В такое время года это могло показаться окружающим варварским обычаем, хотя ничтожные английские холода были ему нипочем. Теперь, по зрелом размышлении, он понял, что, должно быть, со стороны кажется смешным, поэтому шутливо признался:

— Представьте, это действительно я.

— Но вы вовсе не так стары, как я считала, — продолжала девушка.

Шотландец приподнял рыжеватую бровь:

— И сколько же мне должно быть, по-вашему, лет?

— Сорок.

— Сорок?! — загремел он.

Девушка рассыпалась серебристыми трелями смеха. Дункан едва удержался от того, чтобы не последовать ее примеру, и наградил взглядом, который, как он надеялся, покажется ей достаточно строгим и немедленно поставит на место.

— Так вы все это время надо мной потешались?

— А что, было так заметно?

— Немногие бы на такое отважились. Сабрина снова улыбнулась:

— Теперь я все больше сомневаюсь, что вы такой варвар, как считают в обществе, но ведь и моя репутация ходячего призрака по меньшей мере неточна. Ах, уж эти болтуны! Все их злословие редко имеет в основе реальные факты, однако сплетни частенько принимают за непреложную истину.

— Значит, Невилл ожидал увидеть дикаря, я вас верно понял? — осведомился Дункан.

Его собеседница с недоумением моргнула, но тут же опять рассмеялась:

— О Господи, конечно, нет! Для этого он достаточно хорошо вас знает! Что ни говори, а вы — близкие родственники. Нет-нет, речь идет о тех, кто никогда вас не встречал и не представляет, чего ожидать от горца! Поймите, мы здесь видим так мало шотландцев, откуда же нам знать, что цивилизация давно пришла и в Шотландское нагорье… о, простите, я заболталась!

Дункан хотел что-то утвердительно проворчать. Ее наивная уверенность в том, что дед хорошо знаком с внуком, больно ударила по его сердцу. Но все остальное, сказанное ею, было настолько забавным и верным, что он быстро освоился и даже хотел, в свою очередь, поддеть незнакомку, вместо того чтобы объяснить, какие они, горцы, на самом деле.

— Вы так уверены в этом? — поинтересовался он.

— В чем именно?

— Что цивилизация пришла в шотландские горы? Она сделала вид, что задумалась, а пояснила:

— Ну… возможно, не так давно, как в Англию, но вряд ли там по-прежнему живут воинственные вандалы. Стоит взглянуть на вас, чтобы в этом убедиться. Или вы просто забыли наложить свою боевую раскраску?

Дункан, не выдержав, расхохотался до слез, так что ему пришлось вытирать мокрые щеки. Немного придя в себя, он заметил, что незнакомка хмурится.

— Так я права? Вы действительно забыли? А меч и стрелы?

Это вызвало новый приступ веселья. А когда он успокоился, то понял, что горечь и злоба, терзавшие его долгое время, рассеялись. И на девичьем лице играла озорная улыбка. Ну и проказница! Опять она подшутила над ним!

Что за девчонка! Настоящая драгоценность. Такую он не ожидал встретить в Англии. Если и остальные здешние девушки такие, возможно, он не будет слишком протестовать против женитьбы на одной из них.

Глава 12

Гости Невилла — а их количество увеличивалось с каждым часом — понятия не имели, что единственной причиной, по которой их не выставили сразу же, было нежелание хозяина оставаться наедине с внуком, особенно после неудачной первой встречи. Маркиз надеялся, что молодые люди (его уже успели уведомить, что почти все собравшиеся были не старше Дункана) отвлекут мальчика и тот наконец почувствует себя как дома.

С самого начала Невилл понял: Дункан вовсе не рвался в Англию. Как ни странно, до сих пор маркизу не приходило в голову, что внук может и не желать никакого наследства. Теперь лорд Теккерей не знал, что делать и каким образом завоевать благосклонность внука и заставить его принять на себя обязанности лорда.

Дункану еще многому нужно научиться, но сейчас не время начинать уроки. Возможно, лучше всего будет поспешить со свадьбой, поскольку Дункан, кажется, согласен жениться хотя бы ради Арчи.

Маркиза ужасно бесило, что мальчик готов на все, лишь бы угодить шотландскому родственнику, и совершенно не принимает во внимание английского деда. Правда, этого следовало ожидать, но тем не менее Невилл был недоволен, хоть и благодарен Арчибальду за то, что тот вырвал у внука согласие на брак. Сам он не найдет покоя, пока мальчик не пойдет к алтарю и не зачнет первенца, ибо есть все основания полагать, что если старый шотландец не

Topreading.ru

получит своего наследника, то после смерти Невилла наверняка заманит Дункана обратно в горы.

И не стоит тешить себя мыслью, что такого не случится. Переписка с Арчибальдом Мактавишем позволила Невиллу понять, что его противник не так прост. Наоборот, с большим трудом расстается с тем, что имеет, и к тому же упрям и хитер. Невиллу совсем не нравилась дележка наследников, как предлагал шотландец. Дункан был единственным близким родственником маркиза, и ему по всем законам доставались титул и состояние Бирминдейлов. И не важно, что Макгавиш находится в том же положении. В конце концов, не составит труда нанять управляющих, чтобы присматривать за обширными шотландскими владениями. Кроме того, имения Невилла не требовали постоянной заботы. Было бы прекрасно, если бы Дункан смог целиком посвятить себя только одной стране, но англичанам не привыкать иметь собственность в разных частях света.

Это и стало яблоком раздора. Шотландец, очевидно, считал, что потерял Дункана из-за обещания, данного Элизабет, и настаивал на продолжении рода Мактавишей. В этом Невилл не мог с ним не согласиться. Какому мужчине не хочется узнать, что фамилия его не уйдет в небытие? Дункан просто обязан иметь как можно больше детей, но у стариков осталось не так много времени, поэтому ему лучше начинать как можно скорее.

Невилл был доволен своим выбором. Вероятно, стоило бы познакомиться с невестой до того, как была заключена помолвка, но он слишком обозлился на Арчибальда, настоявшего на том, чтобы невеста считалась первой красавицей Англии. Словно важнее этого ничего быть не могло! Вот почему, когда его люди поклялись, что Офелия поистине неотразима, он поспешил обратиться с предложением к ее родителям. И первая встреча его отнюдь не разочаровала. Офелия Рид оказалась столь же прекрасной, как утверждали поверенные Невилла. Огорчало только, что характер у нее, похоже, довольно заносчивый и держится она сухо, но все это можно отнести на счет смущения. В конце концов, не каждый день приходится знакомиться со столь важной персоной!

Кроме того, и надменность не столь плохая черта. Сам Невилл нередко производил такое же впечатление в зависимости от того, с кем имел дело. Да и снисходительность иногда бывает полезна! Но маркиз был уверен, что Дункан с первого взгляда будет сражен Офелией. Впрочем, какая разница? Главное — чтобы мальчик был счастлив со своей милой женушкой.

Сабрина вполне могла быть права, предположив, что Офелия изменит мнение о женихе, как только его увидит. Могла бы… если бы нареченные встретились с глазу на глаз и при других обстоятельствах. Но судьба повелела так, что Офелия царила в кругу обожателей и поклонников как раз в тот момент, когда Дункан появился в гостиной, где собрались молодые люди. К несчастью, он не успел переодеться после прогулки и по-прежнему был в килте и короткой куртке, что послужило подтверждением ни на чем не основанных сплетен, которые сама же Офелия и распустила. Ее друзья мгновенно нашли повод поиздеваться над неотесанным провинциалом.

— Иисусе милостивый, да на нем юбка! — прошептал кто-то рядом с Офелией.

— Но именно так одеваются в Шотландии, — попытался объяснить более рассудительный молодой человек. — Она называется…

— ..чертова юбка, и никак иначе. Подумать только, а я воображал, что родственник маркиза

просто не может быть таким варваром, как некоторые полагали, но, очевидно, ошибся, — перебил третий.

Офелия сгорала со стыда — состояние совершенно ей несвойственное. Она ожидала, что можно будет вволю поиздеваться над Дунканом Мактавишем, но иными способами. Как ужасно обнаружить, что ее домыслы оказались настолько близки к истине! Донельзя смущенная девушка даже не рассмотрела как следует своего жениха. С нее было достаточно увидеть непристойный наряд и красные отблески в растрепанных ветром рыжевато-каштановых волосах, чтобы понять: она была права.

С одной стороны, Офелия испытывала некоторое облегчение. Теперь родители поймут, что неизвестно откуда взявшийся горец ей не пара. Им известно мнение света — дочь об этом позаботилась. Но они отмахивались от нее, уверяя, что все это вздор. Интересно, что они скажут теперь?!

Но с другой стороны… всегда приятно злословить про ближнего и обращать толки себе на пользу, а вот самой оказаться мишенью чужих шуток и притворного участия… Какой позор! Офелия терпеть не могла краснеть и смущаться! И потом, румянец ей совершенно не идет!

Поэтому она едва сдержала раздражение, когда Дункан, обозрев высокое собрание, громко представился и, отвесив ей церемонный поклон, который она посчитала издевательским, объявил:

— Поскольку девицы пригожее не найти во всей подлунной, вы, похоже, и будете леди Офелия!

Офелия прекрасно поняла смысл сказанного, но пренебрежительно фыркнула:

— Сумей вы перевести свои комплименты на английский, может, я и выслушала бы их. Заодно попытайтесь одеться как полагается. Или вы, горцы, предпочитаете наряжаться, как женщины?

Даже прозрачнейший намек на то, что шотландский килт может иметь какое-то сходство с женским нарядом, был худшим оскорблением для горца. Дункан мог бы простить Офелию, отнеся насмешку на счет невежества англичан, но это было сказано явно в расчете на публику. Невозможно было не заметить произведенного ею эффекта: по комнате прокатились смешки и ехидные реплики. Сама же Офелия была, несомненно, довольна — она добилась желаемого: горец явно смутился.

Дункан не знал, что с ним творится, но теперь это не имело значения. То, что он почувствовал в первый миг, — изумление, восторг, даже признательность… готовность благодарить деда за то, что нашел ему такую ослепительную невесту, — заставило его сильнее ощутить нежданный удар.

И пусть с первого взгляда Дункан был потрясен и даже ослеплен ее несравненной красотой, Офелия своими руками разрушила все чувства, которые он мог к ней питать. Теперь она в глазах Дункана была уродливее обезьяны.

Не сказав невесте ни единого слова, он повернулся, вышел и отправился на поиски деда. Долго искать не пришлось: Невилл как раз спускался по лестнице, готовясь присоединиться к гостям. Дункан даже не потрудился остановиться, просто обронил, проходя мимо:

— Она не годится.

Невилл, потрясенный категоричностью тона внука, хотел было последовать за ним и выяснить, в чем дело. Но учитывая предыдущую не слишком дружелюбную встречу, решил сначала разузнать правду другим способом. Офелия Рид ему нравилась, и маркиз, разумеется, был не слишком доволен тем, что все его усилия найти внуку идеальную невесту пошли прахом. Он подал знак дворецкому, стоявшему в передней. Тот никогда не подводил хозяина и всегда до последней мелочи знал, что творится в доме и усадьбе. Он и пересказал маркизу слова Офелии, потому что уже успел выслушать сообщение лакея, ставшего свидетелем ужасной сцены в гостиной. Невилл чуть не схватился за голову.

Глупая сорока! Неужели родители не сумели вбить ей в голову правила приличия?! Красота всегда желанна в будущей жене, но она не должна сочетаться с наглостью и невежеством! Дункан прав: Офелия Рид не годится в жены маркизу Бирминдейлу.

Глава 13

Дункан ускакал, оставив Сабрину на холме. Правда, он понятия не имел, что ей нужно в ту же сторону. Кроме того, она никуда не спешила. Скорее наоборот. Поэтому девушка еще немного посидела на траве, перебирая в памяти все, что он ей сказал, и стараясь не забыть ни единого слова.

Что за невыразимо волнующий день! Такого ей еще не приходилось переживать, ведь она никогда не оставалась наедине с таким красавцем. И человек он сложный. Никак не хотел улыбнуться ей, не говоря уж о том, чтобы рассмеяться. Ей пришлось приложить немало усилий, чтобы развеселить его. Интересно, что могло так расстроить беднягу? Откуда такое дурное настроение?

Зато, уезжая, он улыбался, и у нее отчего-то стало радостно на душе. Как хорошо, что удалось немного его отвлечь, особенно потому, что он ей понравился. Обычно она не судила о людях столь поспешно, но в этом случае… трудно не симпатизировать ему. Голос, улыбка, чувство юмора, которое он все же не сумел скрыть, и, разумеется, внешность! Шотландец растревожил ее, лишил покоя, но она все-таки наслаждалась каждой минутой, проведенной в его обществе.

Зато, уезжая, он улыбался, и у нее отчего-то стало радостно на душе. Как хорошо, что удалось немного его отвлечь, особенно потому, что он ей понравился. Обычно она не судила о людях столь поспешно, но в этом случае… трудно не симпатизировать ему. Голос, улыбка, чувство юмора, которое он все же не сумел скрыть, и, разумеется, внешность! Шотландец растревожил ее, лишил покоя, но она все-таки наслаждалась каждой минутой, проведенной в его обществе.

Нужно сказать, что при всем этом Сабрина не тешила себя иллюзиями. Мужчины, подобные этому, не для таких, как она. Вот Офелия — другое дело. Это ей с детства предназначается все самое лучшее. Обидно, до ужаса обидно, но ничего не поделаешь. Красавцы для красавиц, а для нее — обычный, ничем не примечательный внешне, зато добрый, порядочный, умный человек, который охотно будет гулять с ней, смеяться, часами разговаривать и сидеть на холме, любуясь закатом…

О Господи, да солнце вот-вот скроется! Сколько же прошло времени?

Сабрина вскочила и пустилась бежать, ни разу не отдохнув до Саммерс-Глейд. Пришлось проскользнуть в дом с черного хода — ей хотелось встретить как можно меньше людей, ведь волосы у нее были не в порядке, а одежда помята.

Она отыскала лестницу для слуг и, стараясь ступать бесшумно, поднялась в свою комнату. Как на грех, там оказалась тетя Элис, а это означало, что теперь она не сумеет скрыть свои похождения. Но Элис не обратила на племянницу внимания: очевидно, ей было не до того. Она раздраженно бросала вещи Сабрины в чемодан и не удостоила ее даже взглядом.

— Где ты была? — проворчала она. — Нам следовало давным-давно убраться отсюда вместе с остальными.

— С остальными? Значит, лорду Невиллу все-таки не понравилось нашествие лондонцев?

— Его мнения я не спрашивала, — отрезала Элис, — но сначала маркиз согласился дать небольшую вечеринку, а потом передумал. Старый осел совсем спятил! Когда мы собрались спуститься вниз, появилась экономка и попросила нас уехать. Бедная женщина была красной как рак и заикалась от смущения!

Сабрина, покачав головой, стала помогать тете.

— Вряд ли стоит осуждать лорда Невилла. В конце концов, он никого не приглашал и, вероятно, считает, что Офелии с женихом стоит остаться наедине и познакомиться получше без посторонних…

— Весьма сомнительно, дорогая, поскольку Риды уже на пути в Лондон.

— В Лондон? — удивилась Сабрина. — Только потому, что маркиз отказался развлекать гостей? Неужели Офелия закатила по этому поводу истерику?

— Понятия не имею. Я не видела их перед отъездом. Хилари, должно быть, все известно. Расспроси лучше ее.

Сабрина так и сделала, пока они ожидали экипаж. Экономке пришлось послать за дорожной каретой лорда Невилла, поскольку Ламберты приехали с Ридами.

— Мэри пообещала обо всем мне написать, — сообщила Хилари. — Пожаловалась, что слишком расстроена, чтобы обсуждать это сейчас. Бедняжка в самом деле неважно выглядела.

— А Офелия? Как она?

— По-моему, — прошептала Хилари, — отец как следует отчитал ее за дерзость и своеволие. И похоже, не просто отчитал. Одна ее щека была заметно краснее другой и, кажется, даже чуть припухла. Я не сторонница такого рода наказаний, но девчонке слишком много позволяли, а подобные выходки следовало пресекать в самом зародыше.

— Так отец дал ей пощечину?! — ахнула Сабрина.

Хилари кивнула:

— Отпечатки пальцев на коже были хорошо видны.

— Но ее родители не возражали, когда она пригласила нас, — возразила Сабрина.

— Если бы только нас! Офелия позвала еще пятьдесят шесть человек, словно уже стала маркизой и хозяйкой дома и имела право делать все, что пожелает. Неудивительно, что Невилл в конце концов вышел из себя. Должна признаться, и я на его месте сделала бы то же самое, взбреди в голову моим гостям пригласить целую толпу! Дорогая, это по меньшей мере

неприлично. Так не делается.

Это действительно переходило все границы. Но Сабрина и словом не обмолвилась теткам о намерении Офелии любой ценой избавиться от нежеланного жениха. Да и как она могла решиться на предательство, если мать Офелии была лучшей подругой Хилари!

Должно быть, Офелия решилась на такое, чтобы взбесить маркиза. Но все это было до того, как она встретилась с женихом. Наверняка теперь она горько пожалела о том, что затеяла.

Ах, как все сложно и запутанно! Планы Офелии, средства их достижения… Сабрина от души радовалась, что останется в стороне от этих интриг. Сама она по натуре была прямой и откровенной. Плести запутанную паутину заговоров и далеко идущих замыслов не в ее характере. Да, нужно признаться, что с Офелией никогда не бывает скучно, но после стольких волнений унылая монотонность ее жизни с тетушками покажется спасительным убежищем.

Втайне Сабрина надеялась, что еще увидит Дункана Мактавиша перед тем, как покинет Саммерс-Глейд. В последний раз, до свадьбы, на которую Ламбертов, вне всякого сомнения, пригласят. Вполне возможно, что шотландец немедленно отправится за Офелией в Лондон. Но он, наверное, затерялся в этом огромном доме и не покажется до самого их отъезда…

Глава 14

— Ну где же она? Признаюсь, что с нетерпением ожидаю встречи с самой хорошенькой девчонкой Англии, которую вы нашли для моего парня!

Невилл так и ощетинился, когда верзила-шотландец ввалился в столовую, где он мирно ужинал в одиночестве. Дворецкий, опередивший незваного гостя всего на мгновение, с мольбой смотрел на хозяина, очевидно, прося прощения за то, что не предупредил о внезапном вторжении горца.

— Арчибальд? — предположил Невилл вслух.

— Да, а вы ожидали кого-то еще?

— Во всяком случае, не вас, — раздраженно буркнул маркиз. — Какого дьявола вы здесь делаете?

Шотландец невозмутимо выдвинул стул, уселся напротив Невилла и уставился на дворецкого, словно ожидая, чтобы тот поставил прибор и принес еду и ему.

— Не думаете же, что я положусь только на вас в таком важном деле, как женитьба моего внука!

— Но Дункан не упоминал о вашем приезде, — возразил Невилл.

— Вероятно, он не знал, что я вздумаю явиться, — хмыкнул Арчи. — Малыш не привык спешить, но если что-то возьмет в голову, то не отступится. Неплохая черта, но не так уж много времени мне осталось, чтобы терпеливо ждать, пока он наберет разгон. Парень не слишком сюда торопился, вот я и решил своими глазами посмотреть, что тут творится. Сказать парню все заранее означало обозлить его, а он и без того рвал и метал, узнав о клятве своей

матушки. Не хотелось бы гневить его еще больше.

Последнее было добавлено нескрываемо злорадным тоном. Невилл заметил это и скрипнул зубами в бессильной ярости. Но что он мог поделать?

— Да, камень за пазухой у него в самом деле тяжелее некуда. Не пойму только, в чем причина.

— Я в этом деле не замешан, — усмехнулся Арчи. — Не я решал, когда сообщить ему правду. Это вы и его мать сговорились держать все в тайне, до совершеннолетия парня. Не то чтобы я возражал, наоборот, но вы по крайней мере могли навестить внука, попытаться завоевать его любовь.

— Это после того путешествия, едва не убившего меня?

— Ах, вы, англичане, такие слабаки, не выносите даже легкого ветерка, — пренебрежительно бросил Арчи, вспомнивший, что когда-то Невилл действительно попытался добраться до Шотландского нагорья. — Но если хотите знать, дело не столько в том, что вы никогда не были знакомы, сколько в вашем желании оторвать его от всего привычного, лишить родины и заставить жить среди чужих.

— Скоро мы перестанем быть чужими.

— Но вы даже не позаботились предупредить Дункана, что ему предстоит жить здесь.

Невилл слегка покраснел, не в силах опровергнуть это обвинение, и пробормотал в свое оправдание:

— Элизабет следовало все ему рассказать.

— Бедняжка так и сделала бы, если бы прожила еще несколько лет.

— Но вы могли бы сами обо всем ему поведать, — перешел в наступление Невилл. — Почему же этого не произошло?

Арчи насмешливо приподнял брови:

— Зачем, если я надеялся, что вы уйдете в мир иной, прежде чем он достигнет совершеннолетия? В этом случае мальчик вообще ни о чем не узнал бы.

Щеки Невилла побагровели, но теперь уже от гнева.

— Сожалею, что разочаровал вас, но он так или иначе стал бы следующим маркизом независимо от того, когда бы я покинул этот свет!

— Разве у вас нет других родственников… скажем, дальних-дальних, давно забытых кузенов?

— Я был единственным ребенком, — сухо обронил Невилл. — Мой отец оставался единственным сыном. У деда были две сестры, но обе умерли в детстве. Дункан — мой наследник, и я никак не могу понять, почему он одновременно не может быть и вашим.

— Значит, вы не возражали бы против того, чтобы он постоянно жил в Шотландии? — с деланным удивлением осведомился Арчи. — О; вам стоило только сказать…

— Разумеется, он не может все время там оставаться, — нетерпеливо перебил маркиз. — Здесь

у него достаточно обязанностей, чтобы…

— Так я и думал, — кивнул Арчи. — Но вы должны понять, что бесконечные поездки в Шотландию и обратно очень трудны даже для тех, кто привык к условиям жизни в горах! Неужели вы потребовали бы такого от мальчика? Или считаете, что здешние обязанности куда важнее тамошних? Предлагаете, чтобы он проводил в доме, единственном доме, который знал, всего несколько недель нашего короткого лета за целый год?

— А по-моему, это вы не слишком уверены в том, что он сумеет достойно управлять всеми своими владениями. Но в Дункане течет кровь Теккереев. В отличие от вас я не сомневаюсь: он всего достигнет.

— Мальчику достаточно задаться целью, чтобы одолеть любые трудности! — едва не завопил Арчи. — И я не желаю, чтобы он загнал себя в могилу ради чертова наследства!

— Следовательно, мы придерживаемся разных мнений относительно способностей Дункана. Вы по-прежнему не слишком надеетесь на силу его духа. И вообще все это возвращает нас к идиотской переписке, которую мы вели месяцами. Ничуть не удивлюсь, если вы взвинтите себя настолько, что начнете очередную ссору.

— В шотландских горах не растят дураков, — невольно рассмеялся Арчи.

— Позволю себе возразить вам: дураков вообще нигде не растят. Дураками рождаются, а родиться можно где угодно. Доказательством служит то, что вы сейчас сидите в моем доме и спорите из-за пустяков.

— Значит, вы осмеливаетесь называть меня в лицо дураком? — хмыкнул Арчи. — А по мне, вы ничуть не умнее.

— Убирайтесь, Мактавиш, — прошипел Невилл.

— Ну уж дудки! Останусь, пока парень не женится. Чем скорее вы это устроите, тем скорее избавитесь от меня. Итак, когда свадьба?

Невилл сдался, очевидно, смирившись с мыслью, что от судьбы не уйдешь. Кроме того, вряд ли Дункан обрадуется, узнав, что его второму деду не оказали должного приема.

— Ответить на это мне так же трудно, как и вам, ибо в настоящий момент подходящей невесты пока нет.

Арчи, поразительно правдиво изображая приступ истинно шотландской вспыльчивости, взметнулся со стула:

— Как? Он отверг невесту? Я мог бы поклясться, что он хотя бы захочет посмотреть на девушку, прежде чем…

— Он и посмотрел.

Арчи недоуменно свел брови:

— Значит, она была не такой смазливой, как вы расписывали?

— О нет, девушку красивее трудно представить, — заверил Невилл.

Арчи вздохнул и медленно опустился на место, очевидно, совершенно разочарованный.

— А я-то надеялся, что он не позволит безрассудному гневу помешать его счастью, но, очевидно, мальчику необходимо больше времени, чтобы привыкнуть к навязанным ему переменам.

— О нет, это никак не связано с разрывом помолвки. Я и сам сделал бы то же, если бы меня так оскорбили.

Красивая оболочка и ни капли души, не говоря уж о здравом смысле, — вот что такое эта девица. Нашему внуку нужна совсем другая.

— А кто следующая в вашем списке? — со вздохом спросил Арчи. — Или другими вы не интересовались?

— Почему же, есть несколько кандидатур, но я не повторю ошибки, сделав предложение до знакомства.

— В таком случае устройте, чтобы девицы приехали сюда. Чем скорее с этим покончить, тем лучше.

Невилл уставился в потолок. Он предпочел бы закатить глаза для пущего эффекта, но от подобных мизансцен у него всегда начиналась мигрень.

Постаравшись взять себя в руки, он спокойно, как малому ребенку, объяснил горцу:

— Дункан только сегодня разорвал помолвку. Я едва успел смириться с мыслью о том, сколько времени потрачено зря на дерзкую нахалку, а уж думать о встрече с другими…

— Вы слишком долго жили отшельником, маркиз. Лучший способ собрать всех вместе — дать бал. Устройте хотя бы один, да попышнее, чтобы все ваши барышни получили приглашения. Парень посмотрит на них и решит, кому сделать предложение.

Невилл горько усмехнулся. Бал? И это после того, как он только что вышвырнул из дома цвет лондонского общества? Как же пригласить их теперь?

— Вряд ли это хорошая идея…

— О, вам лишь бы во всем мне перечить! Да поймите же, если все они соберутся в вашем доме, парень сможет выбирать из целого цветника. Если вы забыли, как принимать гостей, попросите какую-нибудь светскую дамочку помочь вам.

Невилл снова залился румянцем.

— Не так уж много времени прошло с тех пор, как я развлекал целое общество…

Арчи, не столь сдержанный, как Невилл, не подумал скрывать свои чувства и издевательски расхохотался. Маркиз стиснул кулаки, жалея о тех временах, когда дуэли на рассвете считались идеальным способом посчитаться с врагами.

— Не так уж много времени прошло с тех пор, как я развлекал целое общество…

Арчи, не столь сдержанный, как Невилл, не подумал скрывать свои чувства и издевательски расхохотался. Маркиз стиснул кулаки, жалея о тех временах, когда дуэли на рассвете

считались идеальным способом посчитаться с врагами.

— Благодарю за совет, но предпочитаю справиться сам, — процедил он.

— В таком случае когда начнете рассылать приглашения? Не откладывай на завтра то, что можно сделать сегодня.

— Если не возражаете, я сначала закончу ужин, — выдавил Невилл.

— Кстати об ужине! Плохой вы хозяин, маркиз. Даже не предложили мне соблазнительного ростбифа, каким наслаждаетесь сами, — заметил Арчи, глядя на тарелку Невилла. — Надеюсь, с гостями вы будете обращаться вежливее.

Оскорбление, однако, не достигло цели. Невилл показал на дверь за спиной Арчи и вежливо объявил:

— Кухня внизу по коридору. Арчи так и покатился со смеху:

— Да, Теккерей, ничего не скажешь, и вы можете быть достойным противником. Однако время покажет, кто возьмет верх. А пока вложите шпагу в ножны — не известно, чем кончится дело, если вы так позорно промахнулись с девчонкой! Кстати, где вы прячете моего внука?

Неужели и его отослали на кухню?

— Полагаю, он в одиночестве зализывает раны, нанесенные змеиным языком. Как мне передали, негодяйка ужалила его в самое сердце. Так что прошу, избавьте меня от своего общества и найдите внука. Возможно, вы именно тот, кто сумеет немного утешить его, хотя лично я не представляю более угнетающего зрелища. — Ничего, — усмехнулся Арчи, направляясь к выходу, — ты еще привыкнешь ко мне, англичанин… впрочем, у тебя все равно нет выхода, не так ли?

Глава 15

Когда приехала Офелия, Сабрина как раз была на прогулке, так что несостоявшаяся маркиза уже успела устроиться наверху и разложить вещи в ожидании подруги. Узнав о появлении нежданной гостьи, Сабрина тут же отправилась наверх. Как ни удивительно, Офелия прибыла одна, без родителей, что было явным нарушением приличий.

Риды вернулись в столицу неделю назад, и Хилари еще не получала известий от леди Мэри. Ламберты не знали, что точно случилось в Саммерс-Глейд в тот день, когда всех гостей столь бесцеремонно выставили за дверь. Зато по всей округе разлетелись вести о том, что дом маркиза Бирминдейла отныне открыт для общества. Кроме того, слуги, обычно успевавшие все пронюхать первыми, передавали из уст в уста, что причиной такого решения маркиза было желание выбрать для внука новую невесту.

Для многих, особенно для Сабрины, это стало настоящим потрясением. Она все еще не могла поверить, что горец отверг Офелию, едва увидев, а ведь именно так говорили. Не влюбиться в такую красавицу?! Правда, это совпадало с желанием Офелии, но Сабрина все-таки считала, что стоит молодым людям встретиться, и они с радостью пойдут под венец. Найти же другую невесту Дункану Мактавишу не составит труда: немало богатых и хорошеньких леди из кожи

вон вылезут, чтобы стать хозяйкой Саммерс-Глейд и заполучить такого завидного мужа.

Сабрину с тетушками, разумеется, на бал не пригласили, И неудивительно. Кому охота принимать у себя особ со столь таинственным прошлым! Очевидно, слухи о роке, тяготевшем над семьей Ламберт, дошли и до ушей маркиза. Что ж, нельзя его винить: никто не пожелает внуку связать жизнь с девушкой, причастной к подобному скандалу.

В Саммерс-Глейд начали съезжаться сливки лондонского общества. Уже прибыли более сотни гостей, включая и тех, кого выгнали отсюда на прошлой неделе. Но разве можно пропустить событие года? А кроме того, многим аристократам, как, впрочем, и соседям лорда Невилла, было любопытно увидеть знаменитого затворника. Другие просто не могли отказать такому знатному человеку, как маркиз. Одна графиня ради такого случая даже отменила собственный бал и явилась в Йоркшир. Все леди и джентльмены буквально охотились за приглашениями.

Хилари и Элис, конечно, расстроились, что Сабрину не позвали, и даже поссорились по этому поводу. Правда, они не надеялись, что девушка может понравиться будущему маркизу, но на таком пышном празднике соберется немало подходящих женихов. Сабрина тоже впала в уныние, но совсем по другой причине — она жалела об утраченной возможности вновь повидаться с Дунканом Мактавишем.

Офелия неожиданно вернулась в Йоркшир, и скорее всего она тоже не получила приглашения в Саммерс-Глейд. Сабрина, немного оправившись от удивления, могла лишь гадать, что задумала ее подруга на этот раз, и попыталась выведать ее намерения, как только поднялась в отведенную Офелии спальню.

— А мне казалось, ты рада вернуться в Лондон, где жизнь бьет ключом, — осторожно заметила она.

— Неужели не видишь, что весь Лондон примчался сюда по первому зову?! — выкрикнула Офелия.

Сабрина, не ожидавшая такого тона, чуть приподняла брови. Очевидно, Офелии совершенно не хочется находиться здесь. Так какого же дьявола она явилась? Разве что…

— Значит, тебя снова пригласили в Саммерс-Глейд? А почему ты тогда тут? Неужели у них комнат не хватило?

— Не будь дурочкой! — вспылила Офелия. — Кто же меня захочет там видеть после того, что произошло?! Я просто хочу спрятаться, отсидеться у вас и подумать, как исправить это ужасное положение.

Сабрина никак не могла угнаться за ходом мыслей подруги. Что она имеет в виду?

— Спрятаться? От кого? От родителей? Разве они не знают, где ты?

— Клянусь, Сабрина, временами ты бываешь невыносимо тупа, — прошипела Офелия. — Моим родителям все равно, где я сейчас. Они видеть меня не могут. Отец даже ударил меня по лицу. Можешь поверить такому? Отвесил пощечину! И я никогда ни за что его не прощу!

— Так ты скрываешься от них?

Офелия с тяжелым вздохом бросилась на кровать, показывая, что устала объяснять простые вещи собеседнице, у которой не хватает мозгов их понять. Сабрина не обиделась. Слишком

часто ей приходилось наблюдать подобные выходки столичной барышни, чтобы придавать им значение. Нужно, однако, отдать должное Офелии: на этот раз она не манерничает.

Сабрина предпочла сделать вид, что ничего особенного не происходит. Ее молчание обычно оказывало на Офелию поразительное действие: мгновенно опомнившись, она переходила к делу. Если же ее начинали утешать, она принималась ходить вокруг да около, пока слушатели не начинали умирать от раздражения или любопытства.

И на этот раз все произошло так же. Через несколько секунд Офелия, что-то неразборчиво пробормотав, села и пронзила Сабрину негодующим взглядом, словно именно та была виновата в конфликте с хозяевами Саммерс-Глейд. Правда, незамедлительно выяснилось, что это абсолютно не так.

— Я в немилости, вернее, в опале! — театрально воскликнула она, но голос тут же сорвался, превратившись в визг. — Меня жалеют! Меня! Представляешь?! Нет, разумеется. Нет, это просто невероятно!

— Невероятно, — мудро согласилась Сабрина.

Офелия кивнула:

— Однако так и есть. Даже мои ближайшие друзья предпочитают обращаться ко мне не иначе как «бедняжка»! И все как один отправились в Саммерс-Глейд, весело размахивая приглашениями!

"Бедняжка»? В самом деле сильно смахивает на жалость!

— Но почему? — осторожно поинтересовалась Сабрина.

Офелия в новом приступе ярости сорвалась с кровати и заметалась по комнате.

— Все из-за проклятого дикаря! Этот глупец должен был согласиться, что мы друг другу не подходим. Ничего страшного — взаимное соглашение о расторжении помолвки, и никто не пострадал бы! А он надулся, распушил перья из-за неудачной шутки и дал понять, что считает меня неподходящей партией. Теперь все на свете знают, что он едва ли не бросил меня у алтаря!

— Но ты ведь не стояла у алтаря, — спокойно напомнила Сабрина, чем заслужила еще один злобный взгляд, ясно говоривший: «Идиотка, какая теперь разница?!"

Но вслух Офелия презрительно бросила:

— Неужели ты еще не сообразила? Меня стоило бы поздравить с тем, что я избавилась от этого ужасного брака, но я стала предметом ехидных пересудов! А все из-за того, что именно он разорвал помолвку! Теперь весь свет считает, будто со мной что-то не в порядке, иначе зачем ему отказываться от такой невесты?!

Сабрина сокрушенно покачала головой:

— Похоже, я и в самом деле скудоумна, поскольку могла бы поклясться, что ты рассчитывала именно на разрыв помолвки.

— Но не по его инициативе! Я хотела, чтобы это сделали мои родители! Ведь именно они

втянули меня в это ужасное предприятие. А ему следовало бы умирать от любви и клясться в верности, что бы я ни наговорила. Но разве такой варвар, как он, способен вести себя как джентльмен?! А теперь я не посмею показаться людям на глаза, пока скандал не утихнет… или пока мой женишок не исправит то, что натворил.

Что ж, теперь по крайней мере ясно, почему Офелия должна скрываться. Однако Сабрина не могла взять в толк, каким образом Дункан должен «исправить то, что натворил». Разве что объяснит причину разрыва помолвки, которая представит Офелию в лучшем свете?

— Но что ты наговорила ему? Почему он так внезапно отказался от тебя?

— Говорю же, я сделала какое-то незначительное замечание, которое его почему-то оскорбило. Признаю, с моей стороны это было опрометчиво, но я просто вышла из себя, когда он показался на людях в своем дурацком костюме, подтвердив мои худшие предположения. Будь он одет, как все люди, я сумела бы справиться с потрясением и вела бы себя иначе.

С этим Сабрина охотно согласилась. Разве не она сама думала, что обрученная пара будет рада договору между старшими, стоит молодым взглянуть друг на друга? Но она уже успела достаточно хорошо узнать Офелию, чтобы не поверить ее клятвам в собственной непогрешимости. Интересно, почему Офелия так старается доказать, будто ничем не обидела жениха?

— Значит, ты собираешься погостить у нас, пока сплетни не утихнут?

— Господи, конечно, нет, на это ушла бы целая вечность. Что ни говори, а я — идеальная мишень для сплетников. Только ты поможешь мне выйти из этого положения.

Сабрина с недоумением моргнула:

— Я? Но как?

— Именно ты, — кивнула Офелия. — Это самое меньшее, что ты можешь для меня сделать, после того как я взяла тебя под свое крылышко в Лондоне и так старалась ради твоего успеха!

— Ну… разумеется, если сумею…

— Еще бы! И для этого ничего особенного не потребуется, — заверила Офелия. — Договоришься о встрече, только и всего.

— О встрече? Но с кем?

— С моим бывшим женихом, с кем же еще? Нужно заставить его снова сделать мне предложение. Тогда все будет выглядеть, как случайная ссора влюбленных, вызвавшая весь этот переполох, и кумушкам не о чем будет судачить.

Глава 16

— Странно, что ты только заявилась домой! Говоря по правде, Сабрина была так возмущена планами Офелии и в особенности попытками подруги втянуть ее в столь сомнительное предприятие, что слова не шли с языка. Кроме того, она находила подобные замыслы отвратительными, если не сказать больше.

— Я, как и ты, не получила приглашения, — сухо напомнила Сабрина.

— Но ты соседка маркиза. Соседи не нуждаются в приглашениях.

— На бал? Ты сама знаешь, что на бал просто так не приедешь.

Офелия отмахнулась:

— Чушь! Кроме того, тебе незачем входить в дом, где разговор может подслушать кто-то из гостей. Нет, нужно выманить Дункана во двор и потолковать с глазу на глаз.

С одной стороны, именно об этом и мечтала Сабрина: поговорить с Дунканом Мактавишем. Но вот с другой… неприлично, совершенно неприлично являться к соседу, особенно когда тот дает бал, на который тебя не пригласили. Неслыханно! Просто неслыханно. Непростительное нарушение этикета. Кроме того, она сгорит со стыда при одном взгляде на шотландца. Да и какая из нее сваха? Нет, Офелия требует слишком многого!

И самое главное — Дункан ей нравится. Разве ей в самом деле хочется видеть его женатым на женщине, подобной Офелии? Той, которая не стесняется распускать лживые слухи о человеке, которого ни разу в жизни не встречала? Но расчетливой бесердечной кокетке? Да, у самой Сабрины нет ни малейшей надежды на то, что Дункан обратит на нее внимание. Но как приятно было бы знать, что будущая жена шотландца благороднее и искреннее лондонской барышни!

Нет, Сабрина вовсе не стремилась помочь Офелии, но и отказать сразу не могла. Кроме того, Офелия действительно не раз выручала ее в столице, и она ей многим обязана. Но прежде чем согласиться, Сабрина должна кое-что прояснить.

— Ты действительно желаешь выйти за него или просто стараешься погасить скандал?

Вопрос, казалось, удивил Офелию. И то, что она задумалась, прежде чем ответить, не слишком утешило Сабрину.

— Конечно, желаю, — призналась она наконец. — Говорю же, я его толком не рассмотрела. Если бы в глаза не бросился этот смехотворный килт, все было бы по-другому. Теперь, когда уже слишком поздно, я поняла, что дикарь, собственно говоря, хорош собой.

— Но такая возможность существовала с самого начала, — возразила Сабрина.

— Не совсем, — покачала головой Офелия. — Моя мать давно знала лорда Невилла и всегда сожалела, что он такой невзрачный. Поэтому никто не питал особых надежд на то, что внук окажется хоть немного презентабельнее. Какая горькая ирония в том, что Дункан унаследовал внешность от шотландских предков, которых я так искренне презирала… то есть не столько их, сколько неотесанных северных вандалов с их дикарскими обычаями и манерами!

Сабрина была вынуждена принять эти доводы, но не потому, что соглашалась с Офелией. Кто знает, какие они, эти шотландцы! Англичане так редко бывали в тех краях! Нет, она не протестовала, поскольку понимала: часто люди влюбляются потому, что их тянет друг к другу с первой встречи. Если Офелия изменила мнение о Дункане, этого вполне достаточно, чтобы стать ему хорошей женой. Она лгала и интриговала, попав в паутину чужих замыслов, и была в отчаянии. Но теперь, обнаружив, что зря потратила столько усилий, готова подчиниться воле родителей.

Поэтому Сабрина и шагала по дороге в Саммерс-Глейд, хотя предпочла бы идти в противоположном направлении. О, как же ей было не по себе! Не оттого, что она симпатизировала Дункану, а узнав Офелию получше, с трудом ее терпела. Но при обычных обстоятельствах она ни за что не сделала бы ничего подобного. Разве можно вмешиваться в чужую жизнь, пытаться устроить чью-то судьбу? А вдруг все закончится несчастным браком и возненавидевшие друг друга супруги будут во всем винить неудачливую сваху?

Пришлось уговаривать себя, что делает одолжение… нет, платит старые долги. И чем скорее она выполнит требуемое, тем быстрее разожмется стиснувший горло невидимый узел, тем скорее отхлынет желчь, заполнившая рот невыносимой горечью.

Несчастный Дункан чувствовал себя донельзя измотанным к тому времени, как в Саммерс-Глейд начали прибывать первые гости. С самого утра ему пришлось покорно сидеть и выслушивать споры относительно сегодняшней программы. Милые родственники проявили столько пыла, что Дункан твердо уверился: будь они хоть немного моложе, дело дошло бы до драки. Казалось, не существовало такого предмета, по которому они могли бы прийти к общему мнению. Стоило одному предложить что-то, другой тут же принимался горячо возражать.

Но как только дом наполнился людьми, Дункан вместе с Арчи стал переходить из комнаты в комнату и слушать, как дед расписывает достоинства многочисленных невест. Потом за дело взялся Невилл, не поленившийся углубиться в историю рода каждой из вышеуказанных особ и точно определить вес их семей в обществе. В конце концов у Дункана закружилась голова от обилия фактов, которых никто на его месте не сумел бы запомнить: слишком много женщин собралось на бал. Он решительно отказался слушать дальше, поэтому старики то и дело присылали ему записочки, а дворецкий, приносивший их, едва не сбивался с ног.

Дункан стал задаваться вопросом, что стало со старым испытанным способом вступать в брак, столько лет верно служившим людям? Разве не принято сначала познакомиться с невестой, получше ее узнать, может, даже влюбиться, прежде чем делать предложение?! Ну не глупо ли жениться только потому, что у девицы смазливое личико или ее предки — сплошь титулованные аристократы?

Он уже видел самую красивую и знал, что такие не всегда становятся хорошими женами и верными подругами. Арчи, разумеется, утверждал, что не все девицы так глупы и бесчувственны, как Офелия Рид, поэтому по-прежнему ставил привлекательность превыше всех других качеств. Невилл же соглашался, что эта самая красота часто идет рука об руку с тщеславием и бессмысленной гордостью, и настаивал на знатности и благородном происхождении. Дункан, со своей стороны, был втайне уверен, что оба его деда бесконечно противоречат друг другу исключительно ради того, чтобы лишний раз сцепиться.

Однако на этот раз выбор был более чем богат. И поскольку он действительно согласился жениться — должно быть, в приступе временного умопомешательства, — честно разглядывал девиц, чтобы выбрать подходящую из пятидесяти или более приглашенных барышень. Дункан не признавался себе, что и в день приезда гостей, и на следующее утро тайком высматривал знакомые сиренево-фиалковые глаза. Но безуспешно. Их обладательницы нигде не было видно.

Нужно признать, он не думал о незнакомке как о возможной невесте, просто в ее обществе он ощущал себя легко и просто, как со старым другом. Уж очень хотелось пошутить, посмеяться, вернуть чудесное настроение, как во время их встречи на холме. Эта девушка умудрилась

заставить его забыть о грусти. Может, ей это снова удастся. Дункан крайне нуждался в подобном собеседнике.

Интересно, почему она не приехала? Если она разгуливала пешком, значит, живет где-то поблизости, а кого и приглашать в первую очередь, если не соседей? Придется спросить Невилла, в чем тут дело.

Впервые после своего появления в Саммерс-Глейд Дункан отправился на поиски деда. Нет, они, разумеется, разговаривали за столом или встречаясь в коридоре, — сухо, сдержанно, немногословно, как чужие люди, каковыми они, в сущности, и являлись. Но Дункану было не по себе в присутствии Невилла. Горечь и тоска о прошлом никак не покидали его, поэтому он и старался избегать деда.

Невилл, как всегда, сидел в гостиной, где проводил большую часть дня. Маркиз появлялся лишь в столовой и на несколько часов спускался вечером вниз, а все остальное время предоставлял гостей самим себе. Дункан полагал, что за долгие годы одиночества Невилл отвык от больших компаний и чувствует себя неуютно в светском обществе, многолюдье его раздражает. Недаром его прозвали отшельником. Это определение как нельзя лучше подходило старику.

Что ж, он не слишком потревожит старика. Справится о соседке с фиалковыми очами-аметистами и сразу уйдет.

Маркиз клевал носом, сидя в кресле после сытного обеда. Застигнутый врасплох стуком Дункана и неожиданным вопросом, он растерянно поморгал, прежде чем заверить:

— По соседству нет благородных девиц, которые годятся тебе в жены, иначе я, разумеется, пригласил бы всех хотя бы потому, что они могут жить у себя дома и приезжать только по вечерам. И без того чертовых комнат не хватает!

Но Дункан сразу отмел предположение, что девушка может оказаться простолюдинкой: слишком правильная у нее речь и никакого стеснения в общении с внуком маркиза, как обычно бывает у не очень образованных людей.

— Та, о ком я говорю, дворянка, — возразил он.

— Вероятно, она приехала вместе с теми наглецами, которые явились сюда по требованию девчонки Рид и вылетели из дома по моему приказу. Фиалковые глаза, говоришь? — Невилл покачал головой. — Не знаю ни одной женщины с такими необычными приметами. Но если ты увлекся этой девушкой, я возьму на себя труд выяснить, кто она.

— Нет, я просто с удовольствием поболтал с ней. Она заразила меня своим неподдельным весельем, в чем я крайне нуждался. — Последнее замечание сорвалось с его губ невольно, но мужчины смутились и замолчали.

Ругая себя за болтливость: уж если он хочет уязвить кого-то, нужно по крайней мере делать это обдуманно, — Дункан попрощался и пошел вниз.

Ругая себя за болтливость: уж если он хочет уязвить кого-то, нужно по крайней мере делать это обдуманно, — Дункан попрощался и пошел вниз.

Жаль, конечно, что та девушка не объявилась. Да и к гостям ему совсем не хочется спешить. Они и без него прекрасно развлекаются.

Услышав стук в парадную дверь, Дункан, почти радуясь отсрочке, пошел открывать. Дворецкий куда-то запропастился: видно, ищет его, чтобы передать очередные инструкции. Шотландец усмехнулся, представив, как бедняга мечется по всему дому.

Но он почти пожалел, что сам решил встретить гостя, когда молодой человек, возникший на пороге, бесцеремонно осмотрел его и воскликнул:

— Господи, да вы, судя по волосам, и есть тот самый знаменитый варвар! Не ожидал так скоро познакомиться. Вас что, приставили открывать двери?

Дункан, с величайшим трудом разбиравший протяжный английский выговор, ухватился за единственное понятное слово, которое, к сожалению, слишком часто слышал в последнее время. В его нынешнем настроении и состоянии немного было нужно, чтобы довести дело до взрыва. Еще чуть-чуть — и он врезал бы незнакомцу кулаком в челюсть.

— Кажется, вы назвали меня варваром?

— Я? И не думал! Вы не так расслышали. Скорее уж варварски красивым, а впрочем, все это так, болтовня. Главное, что вы вот уже две недели как главный on-dit в Лондоне. Все только о вас и говорят.

Дункан сообразил, что незнакомец обронил какое-то иностранное слово, причем явно имевшее отношение к нему, поэтому сразу потребовал объяснений:

— Что такое on-dit?

— Предмет сплетен, мой дорогой друг, самых горяченьких сплетен, из тех, что могут за секунду уничтожить репутацию человека. Я знаю из самых надежных источников — хотя как можно сказать наверняка, когда имеешь дело со слухами, — что именно ваша дорогая невеста, то есть бывшая невеста, и распустила их.

Дункан не раз уже слышал, что столичное общество о нем злословит. Разве девушка на холме не упоминала, что слышала о шотландском дикаре? Правда, на нее он не смог обидеться. Не то что на этого грубияна. Сейчас Дункану приходилось сдерживаться изо всех сил. Да и противник ему попался достойный. Почти такого же роста, как сам Дункан, хотя и не столь широкоплечий, мужчина был атлетически сложен и безупречно одет. Поверх прекрасно сшитого фрака накинуто дорожное пальто. И хотя в дороге костюм должен был бы измяться, он, однако, идеально обрисовывал стройную фигуру. Светловолосый, как большинство англичан, с голубыми глазами, лет двадцати пяти, незнакомец держался властно и чуть надменно, словно сделал огромную честь Дункану, удостоив того своим присутствием. Правда, последнему было все равно, кто перед ним: пусть хоть член королевской семьи. Шотландцу не нравились ни манеры гостя, ни он сам. Тоном необычайно спокойным и тихим, хотя все, кто знал Дункана, назвали бы его зловещим, он учтиво осведомился:

— Не потрудитесь ли в точности повторить, что именно говорят обо мне?

— Всякую чушь, на которую любой, у кого в голове хоть капля мозгов, не обратил бы ни малейшего внимания, — отмахнулся незнакомец. — Женщины — что с них возьмешь! Вот хотя бы моя сестра…

Он небрежно кивнул в сторону девушки с волосами того же оттенка, что у него самого. Барышня вовсю командовала слугами, которые деловито выгружали сундуки, числом не менее полудюжины, из громоздкого дормеза. Дункан мысленно отметил, что малышка весьма

привлекательна, но не успел он сказать что-то, как поздний гость добавил;

— Пришлось тащить ее сюда силой. Вопила и брыкалась всю дорогу в полной уверенности, что вы вооружены дубиной и к обеду переодеваетесь в медвежью шкуру. Уж эта Мэнди! Любой вздор принимает за чистую правду, а ведь должна была бы понять: все эти выдумки имеют целью немного развлечь общество и скрасить неизбежную скуку тех, кто имел несчастье родиться аристократом.

— Но почему вы все-таки приехали, если она противилась?

— Как? Пропустить заманчивую возможность увидеть знаменитого анахорета Невилла Теккерея? Ну уж нет! Все столько лет гадали, что с ним сталось, а многие мои знакомые вообще в глаза его не видели. Кроме того, мою младшую сестричку только что выставили на брачный аукцион, если понимаете, о чем я говорю, так что родители настояли на ее приезде сюда. Они твердили, что нельзя игнорировать столь блестящее собрание. Не то чтобы они рассчитывали именно на вас, дорогой друг, просто хотели, чтобы она как можно чаще показывалась в свете, пока продолжается сезон, а ваш покорный слуга согласился выступать в роли компаньона и опекуна.

Дункан понемногу стал понимать речь незнакомца, хотя втайне и жалел об этом. Уж лучше бы он вообще ничего не слышал. Обращение «дорогой друг» Дункан нашел чересчур фамильярным и, вообразив, что англичанин решил унизить его, вспылил:

— Если вы еще не заметили, могу пояснить: я не друг вам и тем более не «дорогой», поскольку не имел чести знать вас раньше. И учтите, я укладывал людей на пол и за меньшие оскорбления.

— Неужели? — равнодушно обронил гость, но изумленный Дункан тут же услышал смешок, который затем превратился в искренний хохот. Немного успокоившись, англичанин продолжил:

— Небольшой совет, друг мой. Учитесь отличать намеренные оскорбления, из тех, которыми вас пытаются вывести из себя, от обычных, хотя, может, и несколько вычурных, оборотов речи. Уверен, это избавит вас от лишних трудов и спасет от печальной участи немало невинных носов.

Дункан ненавидел, когда его выставляли дураком, и поэтому сразу взрывался как порох:

— Ну, ваш нос еще далеко не в безопасности, парень. Кстати, а кто вы такой?

Улыбаясь во весь рот и, очевидно, не принимая всерьез угрозы Дункана, англичанин ответил:

— У меня имеется несколько титулов, но я терпеть не могу их перечислять. Называйте меня Рэйфом, старина.

При последних словах дверь с шумом захлопнулась перед одним из наиболее высокородных молодых лордов королевства, наследником герцогства, обладателем огромных богатств, самым завидным женихом Англии и мечтой каждой светской мамаши. И все же дверь перед ним закрылась.

Если бы Дункан все это знал, он сделал бы то же самое. Шотландец от души надеялся, что их первая встреча будет последней. Оба еще не знали, что им предстоит стать лучшими друзьями.

Глава 17

— Как, мисс Сабрина, это вы?! — с неподдельным удивлением воскликнул Ричард Джейкобс. — Раньше, совершая прогулки, вы никогда не забирались так далеко. Что-то стряслось?

Сабрина улыбнулась дворецкому лорда Невилла, чтобы немного его успокоить. Она хорошо знала Ричарда и его семью, как, впрочем, и всех в округе, включая господ и слуг. Сабрина тоже была известна всем соседям. Она подолгу гуляла и, будучи особой дружелюбной, вступала в беседу со всеми, кого встречала. Кроме того, она выросла здесь, а в такой небольшой общине трудно с кем-то не познакомиться… если не считать лорда Невилла, конечно.

Сабрина улыбнулась дворецкому лорда Невилла, чтобы немного его успокоить. Она хорошо знала Ричарда и его семью, как, впрочем, и всех в округе, включая господ и слуг. Сабрина тоже была известна всем соседям. Она подолгу гуляла и, будучи особой дружелюбной, вступала в беседу со всеми, кого встречала. Кроме того, она выросла здесь, а в такой небольшой общине трудно с кем-то не познакомиться… если не считать лорда Невилла, конечно.

Сабрина, смутившись, покраснела. Ричард, разумеется, пронюхал, что ее не пригласили. Он всегда гордился, что ни одна новость не обойдет его стороной.

Чтобы немного освоиться, она не сразу перешла к делу, а сначала спросила:

— Как поживает ваша прелестная жена? Надеюсь, ей лучше?

— О, гораздо лучше, мисс. Пожалуйста, поблагодарите вашу тетушку Элис за рецепт. Кашель сразу прекратился.

Сабрина могла продолжать болтовню до бесконечности, но ощутив, как запылали щеки, собралась с мужеством и сообщила о цели своего прихода:

— Обязательно поблагодарю. И со мной ничего не случилось. Просто меня попросили передать несколько слои лорду Дункану с глазу на глаз.

Она так и не поняла, почему дворецкий красноречиво поднял глаза к небу.

— Господи, опять! С прошлого вечера от меня постоянно требуют одного и того же! Молодой лорд уже видеть меня не может, и я его в этом не виню. — Подавшись вперед, он прошептал:

— Это все его дедушки — шотландец и лорд Невилл. Тянут молодого лорда каждый к себе, не дают ни минуты покоя!

— Значит, его второй дед тоже здесь?

— Иисусе, конечно… такой громкоголосый джентльмен! Но что творится, когда они сидят в одной комнате… лорд Невилл и лорд Арчибальд… Поверите, не слишком эти двое ладят, если понимаете, о чем я! Какой позор! Разве родственникам не пристало действовать заодно, в интересах внука?! Им следовало бы лучше ладить между собой.

Сабрина сочувственно кивнула и неохотно вернулась к прежней теме:

— Если лорд Дункан занят, не стоит его беспокоить. Я могу прийти в любое время, поскольку не думаю, что поручение настолько уж срочное. Но если все-таки у него есть свободная минутка, а больше времени разговор не займет, я бы хотела выполнить просьбу и забыть о ней.

— Разумеется, мисс Сабрина. Постараюсь немедленно найти его. Пожалуйста, войдите…

— Нет! — невольно вырвалось у девушки. — То есть… у вас и без меня полон дом гостей, а погода такая чудесная, что я предпочитаю подождать во дворе.

Погоду можно было назвать чудесной лишь с огромной натяжкой: небо затянуло тучами и каждую минуту угрожал разразиться ливень. Но все знали, что Сабрина любит свежий воздух и никогда не пропускает своих ежедневных прогулок. Дождь ли, снег, зной, сушь — она все равно проводила добрую часть дня вне дома. Поэтому Ричард ничуть не удивился, когда услышал, что она находит день прекрасным, и, кивнув, ретировался. При этом он, чтобы не показаться грубым, оставил дверь приоткрытой.

Сабрина, боясь, что кто-то из гостей, проходивших по вестибюлю, заметит ее, немного отступила. Она надеялась, что Дункану будет не до нее. С другой стороны, ей не терпелось поскорее выполнить неприятную миссию. Волнение не слишком благоприятно сказывалось на желудке: он явно протестовал, а тошнота накатывала приступами.

Прошло пять минут. Потом еще пять. Еще немножко — и ее вывернет наизнанку. Нет, она не в силах вынести подобного напряжения. Пожалуй, ей лучше немедленно отсюда убраться.

Но тут она услышала шаги за спиной и резко повернулась, как раз в то мгновение, когда Дункан начал:

— Дворецкий сказал, что вы… — Он осекся, узнав собеседницу. Лицо его осветилось изумлением и чем-то похожим на восторг. — Вы! — воскликнул Дункан. — Значит, вы действительно живете поблизости?!

— Да. Наш коттедж недалеко от дороги по пути в Оксбоу, в двадцати минутах ходьбы отсюда.

— Наш? Вы, надеюсь, не замужем?! Сабрина удивленно моргнула, но тут же, что-то сообразив, засмеялась:

— Нет, что вы! Просто я живу с двумя незамужними тетушками.

Дункан нахмурился:

— Значит, вы поселились здесь недавно, раз мой дед не пригласил вас на этот бал?

Сам того не ведая, он затронул весьма скользкую тему, но девушка предпочла не вдаваться в подробности относительно того, почему лорд Невилл их проигнорировал. Дункан слишком много хочет знать о ней, но при этом до сих пор не спросил, что привело ее сюда.

Она коротко пояснила:

— Я никогда не встречалась с лордом Невиллом. Мы действительно не знакомы.

— Что же, тогда… — улыбнулся Дункан, — позвольте мне послать вам запоздалое приглашение…

Сабрина подняла руку, чтобы остановить поток слов. Неужели она действительно надеялась

избежать неприятного разговора?

— Боюсь, вы не так меня поняли. Вашему деду не приходилось меня видеть, но это не означает, что он не знает о моем существовании. Можно с уверенностью сказать — он считает меня неподходящей гостьей для столь пышного собрания.

Когда она закончила тираду, щеки ее ярко пылали. Но Дункан понимающе кивнул и, к удивлению девушки, заметил:

— Поэтому вы все-таки приедете — по моей просьбе, как бы ни бесился старик. Черт с ним!

— Нет, я никак не могу! Позвольте мне выполнить поручение, и я немедленно уйду.

Дункан едва заметно скривил губы, словно собираясь возразить, но лишь вздохнул:

— Так и быть. В чем же состоит это поручение? Теперь, когда следовало выложить все начистоту, язык отказывался ей повиноваться. От ее щек, казалось, можно было свечи зажигать. Сабрина в отчаянии отвела взгляд, остро сознавая, что Дункан ждет…

Но тут ей на глаза попался угол конюшни, расположенной сбоку от дома.

— Как странно видеть экипажи, а не коней, которые разбрелись по всему двору! — выдавила она. — Однако их не так много, как можно было ожидать от такого большого собрания. Наверное, некоторых отпустили попастись?

— Отпустили?.. — начал он, но представив штук пятьдесят пасущихся экипажей, зашелся от смеха.

Сабрина не нашла ничего веселого в сказанном, но воспользовалась его хорошим настроением, чтобы выпалить:

— Леди Офелия хотела бы поговорить с вами наедине. Она предложила встретиться в зале гостиницы Оксбоу, чтобы без помех извиниться за свою… ошибку.

Наконец-то ей удалось застать Дункана врасплох. Недаром он смотрел на нее, как на сумасшедшую! Но, нужно отдать ему должное — самообладание вернулось к нему очень быстро.

— Скорее уж чтобы снова меня оскорбить, — помрачнев, как туча, буркнул он.

— Честное слово, она заверила, что искренне сожалеет о случившемся. Вы повидаетесь с ней?

— Нет.

Как ни странно, при этом безапелляционном ответе смущение Сабрины исчезло. Но она чувствовала, что не исполнит до конца своего долга, если не попытается вступиться за Офелию.

— Это окончательный ответ или можно все-таки вас переубедить?

— Мое «нет» означает «ни за что и никогда». Так и зарубите себе на носу.

— О Господи, а я-то считала, что этот тип давно уже устарел. Вышел из моды.

— Какой еще тип? — раздраженно осведомился Дункан. — Что вы несете?

— Тип людей, не поддающихся уговорам. Я думала, что всегда есть возможность урезонить таких. Кстати, если дать уклончивый ответ, то не придется смущаться в случае изменения мнения.

— Может, это и верно, но значительно больше времени экономишь, честно высказав, что у тебя на уме.

— Неужели так трудно выслушать раскаявшуюся грешницу? — вздохнула готовая сдаться Сабрина.

— Трудно? Вовсе нет. Просто пустое это дело. Она снова покраснела до корней волос, сознавая, что потерпела полное поражение.

— Простите. Мне следовало понять, что вам приходится развлекать гостей и сейчас не время беспокоить вас из-за подобных пустяков. До свидания, Дункан Мактавиш. Рада была снова встретиться с вами.

— Подождите.

К тому времени, как короткий приказ был отдан, девушка уже успела пробежать половину двора, так что Дункану пришлось почти кричать. Она повернулась, не уверенная в том, что воображение не сыграло с ней злую шутку и что он действительно окликнул ее. Но Дункан направился к ней с видом человека, которому предстоит угоститься зеленым виноградом.

— Так и быть, я согласен, но при одном условии, — объявил он.

— Конечно, — удивленно пролепетала Сабрина. — Все, что угодно.

— Вы соберете вещи и вернетесь сюда еще до сегодняшнего ужина.

Девушка широко раскрыла глаза:

— Вы приглашаете меня на ужин?

— Нет, на чертов бал и на все то время, сколько бы ни продлились праздники.

При этом тон у него был такой ворчливый, что Сабрина невольно улыбнулась. Подумать только, он идет на уступки, лишь бы добиться своего!

— Я… мне ни к чему собирать вещи. Я живу совсем рядом.

— Значит, вы придете?

— Но тетушкам придется меня сопровождать. Я не могу идти в гости одна, это неприлично.

— Приводите кого вам будет угодно, только не ее. Сабрина кивнула:

— Но вы поговорите с Офелией? Когда?

— Через час. Однако если она опоздает, я ждать не буду. А позже вы объясните, почему согласились ей помочь, — бросил он и, резко повернувшись, направился к крыльцу.

Сабрина, пораженная успехом своей миссии, поспешила домой, желая поскорее принести Офелии хорошие новости. Ее долг уплачен. Какое облегчение, что больше не придется выполнять столь неприятные поручения!

Она была уже на полпути к холму, где впервые встретила Дункана, когда ее окликнул запыхавшийся дворецкий лорда Невилла. Бедняга тяжело дышал и едва сумел выговорить:

— Вечером за вами заедет экипаж сэра Невилла.

— В этом нет необходимости, — возразила девушка. — У нас есть своя карета.

— Да, мисс, но, насколько я знаю, молодой хозяин желает убедиться, что вы обязательно будете к вечеру.

Сабрина в который уже раз покраснела. Джейкобс, конечно, ошибается, но как приятно это слышать!

Глава 18

Дункан до сих пор не мог поверить, что так и не спросил имени девушки. Мало того, осознал это, только когда Невилл спросил, кто она. Дункан ужасно смутился, что бывало с ним крайне редко. Перед этим он в третий раз отправился на поиски деда, ожидая яростных протестов, а то и ссоры, когда признается, что пригласил в Саммерс-Глейд девицу незнатного происхождения. Он решил, что Сабрина не дворянка, поскольку та сказала, что сэр Невилл считает ее общество неподходящим для своих гостей, и упомянула, будто живет в коттедже со своими тетками. Но все это не имело для Дункана никакого значения. Девушка ему нравилась, особенно восхищали ее чувство юмора и склонность к тонким шуткам. Она в считанные минуты умудрялась вывести его из уныния и вернуть хорошее настроение. Кроме того, он не собирался жениться на ней, так что деду не стоит беспокоиться.

Но Дункан обманывал себя. Он прекрасно знал, что высокородные лорды и леди оскорбятся, если среди них появится кто-то не из высшего общества, причем не как служанка, а как равная им по положению гостья. Невилл наверняка будет возражать именно против этого, поэтому спор с дедом неизбежен.

Однако и тут Дункан просчитался. О каких раздорах может идти речь, если он даже не может сказать, кто эта девушка! Пожалуй, следовало упомянуть, что она из простых, но пусть лучше Невилл сам все обнаружит. Кстати, вот превосходная возможность узнать, как старик поведет себя в подобной ситуации. Дункан собственными глазами увидит, кто перед ним: аристократ старой школы, иначе говоря, невозможный сноб, или современный дворянин, понимающий, что титул еще не делает человека.

Вероятно, все-таки нужно было ввязаться в свару, чтобы немного ослабить овладевшее им напряжение, становившееся с каждой минутой все сильнее по мере того, как Дункан приближался к гостинице. Он отвлекся лишь на несколько мгновений, пытаясь сообразить, где может стоять этот «придорожный коттедж», но по пути заметил только большой особняк и несколько ферм.

Может, она живет в другой стороне или прямо на окраине городка? Там вдоль узких улочек теснилось немало коттеджей. Но Дункан тут же вернулся мыслями к предстоящему свиданию,

тем более что времени на поездку ушло совсем немного.

Просто невероятно, как это он согласился встретиться с Офелией Рид. Ведь еще вчера он надеялся, что больше никогда в жизни не увидит негодницу. Что ей понадобилось? Хочет снять с души тяжкий груз? Облегчить больную совесть? Но все ее извинения ни к чему. Она успела показать себя в истинном свете. Никакими мольбами не загладить нанесенных оскорблений. И если верить этому Рэйфу, Офелия сама распустила идиотские слухи о «дикаре».

Его бывшей невесты еще не было. Правда, Дункан приехал за пять минут до назначенного часа, но женщине, страстно желающей загладить вину, не мешало бы явиться пораньше, чтобы не разминуться с обиженным женихом. Теперь ему придется ждать, а по его мнению, даже пять минут — слишком долгий срок.

Она вошла с черного хода. Значит, прибыла заранее и хотела произвести впечатление? Действительно эффектный ход.

Офелия выглядела поистине неотразимой в белом меховом капоре и длинной голубой бархатной ротонде с пелериной, отороченной таким же мехом. Дункан едва не ослеп от ее красоты, особенно когда она с сияющей улыбкой медленно направилась к нему, позволяя как следует рассмотреть ее. В самом деле, этот наряд придавал ей почти неземное очарование. И не один Дункан не мог отвести от нее глаз. Немногочисленные посетители уставились на девушку, открыв рты. Дункан был не столь очарован ею, но и ему пришлось напомнить себе, что при такой внешности душа у нее черная. Конечно, так сразу не скажешь, но стоит ей открыть рот, и волшебство мгновенно пропадает.

Улыбка Офелии стала чуть натянутой, когда она заметила, что Дункан по-прежнему в килте. Он надел его намеренно. Если у Офелии осталась хоть капля здравого смысла, значит, она сообразит, что таким способом Дункан дает понять — все ее старания бессмысленны.

— Вижу, вам передали мою просьбу! — вместо приветствия воскликнула она.

— Да, но почему именно эта девушка согласилась вам помочь? — поинтересовался Дункан. Он не хотел допытываться об этом сейчас, поскольку намеревался вытянуть правду у самой незнакомки с фиалковыми глазами, и теперь с облегчением вздохнул, не получив ответа от Офелии. Не стоит ее отвлекать. Пусть выскажется откровенно, и он сможет спокойно уйти. Главное — все время помнить об этом.

— Почему нет? — пожала плечами Офелия. — Многие за честь почитают услужить мне.

Дункан ничего не ответил. Да и как говорить, когда изо всех сил сдерживаешь смех? Как много сказала о ней одна-единственная фраза! И какая ирония заключается в том, что надменная девица даже не осознает этого. Да, это не просто бездумный эгоизм и самодовольство, а такая бездна тщеславного самолюбования, что Дункан не находил слов для его описания.

Его молчание выбило Офелию из колеи. Поставило на место. Напомнило" о том, что ей придется извиняться. Хотя… вряд ли она собиралась сказать что-то особенное, просто искала предлог для встречи. Разве создания, подобные Офелии Рид, способны раскаиваться? Абсолютно невозможный поступок для человека, который, как ему кажется, не может ошибиться ни в чем.

И пока Офелия собиралась с мыслями, Дункан, видя, что она молчит, пожал плечами и отошел. Он даже не посчитал это грубостью по отношению к такой особе, как она. Незаслуженные оскорбления раз и навсегда заставили Дункана отнести Офелию к разряду людей, не стоящих

его внимания. Будь она мужчиной, наверняка стала бы его злейшим врагом.

Его решительность побудила ее ринуться вперед.

— Подождите! Куда вы?! — В голосе Офелии впервые прозвучало смущение.

Дункан замедлил шаг и, не оборачиваясь, бросил:

— Я пришел сюда не для того, чтобы стоять и глазеть на ваши прелести, красотка, подобно остальным болванам в этой комнате. Хотите что-то сказать — милости прошу.

Офелия мило покраснела.

— Я собиралась объяснить, почему была не слишком приветливой при первой встрече.

— Значит, англичане так это называют? Не слишком приветлива? Постараюсь не забыть об этом в следующий раз, когда соберусь кого-то оскорбить.

— Дело не в этом, — запротестовала Офелия. — Я была шокирована!

— Как сейчас? — скептически осведомился он. — Но чем же? Моим шотландским диалектом? Или костюмом? Вы, я полагаю, такого не ожидали?

Офелия тяжело вздохнула:

— Пожалуйста, попытайтесь понять. Я была уверена, что мы совсем друг другу не подходим.

— И что я дикарь?

— Ну… да, я этого опасалась. Но теперь осознала, как была глупа. Вы совсем не похожи на дикаря.

— На вашем месте я не был бы так уверен в этом, — усмехнулся он, намеренно вернувшись к почти неразборчивому шотландскому выговору.

— Беда в том, что я жестоко ошибалась. Дункан чувствовал, что других слов извинения не дождется. Да Офелия такого слова, как «простите», просто не знает, ведь в ее представлении она всегда права и никому не причинила зла.

— Итак, вы ошибались. Прекрасно. Это все, что вы собирались мне сообщить?

Его желание поскорее распрощаться было очевидно, и только такая эгоистичная особа, как Офелия, не смогла этого заметить.

— По правде говоря, я думала, мы можем все начать заново! — выпалила она. — Ну, понимаете… просто забыть о первой встрече, словно ее никогда и не было.

— И мы по-прежнему обручены? Офелия встрепенулась и одарила Дункана ослепительной улыбкой;

— Совершенно верно. Не правда ли, блестящая идея?! Неужели она не поняла, что он просто шутит? Похоже, нет. Она совершенно серьезна! Поразительно! Неужели действительно воображает, будто он способен выбросить из памяти то, как бесцеремонно его унизили перед незнакомыми людьми? Все, сказанное ею тогда, предназначалось не столько для него, сколько

для ее потешающихся над ним приятелей. Осмелься на такое мужчина, Дункан одним ударом сбил бы его с ног и отомстил за обиду. Но что делать с женщиной? Еще тогда пришлось ретироваться с поджатым хвостом, и он ей этого никогда не простит.

Правда, есть еще кое-какие причины, почему он не женится на ней. И он привел вторую:

— Мне не хотелось бы постоянно добиваться внимания собственной жены.

— Простите?

Дункан ничуть не удивился ее вопросу. Столь эгоцентричные люди, как его бывшая невеста, чересчур заняты собой и пропускают всякую критику в свой адрес мимо ушей.

Что ж, больше ему тут делать нечего. Дункан выслушал ее. Она даже не извинилась как следует. По понятиям Дункана, он сделал все что мог.

— Прощайте.

Офелия ошеломленно смотрела ему вслед. Мужчины никогда не покидали ее первыми, разве что по настоятельному требованию с ее стороны. Как это случилось?

Ведь ему следовало бы ноги ей целовать в благодарность за то, что изменила о нем мнение!

Свидание прошло совсем не так, как ожидала Офелия. Она дала ему еще одну возможность жениться на ней, так почему он не обратил на это внимания? Нет, кажется, Дункан Мактавиш и в самом деле варвар, иначе чем можно объяснить, что он оказался настолько глуп, чтобы сообразить, какое сокровище потерял?!

Глава 19

В довершение ко всему Офелия еще не знала, что Сабрину пригласили на бал. Она боялась опоздать на свидание и умчалась, как только узнала о согласии Дункана повидаться с ней. Офелия даже не расспросила приятельницу о подробностях беседы с шотландцем, не удивилась, что Дункан уступил. Сабрина подозревала, что лондонская кокетка восприняла это как должное — уж чересчур высокого мнения та была о себе.

Но она тут же устыдилась своих недобрых мыслей и попыталась выкинуть их из головы.

К сожалению, Сабрина поздно осознала, как ужасно нарушила правила этикета, приняв приглашение Дункана, в то время как в ее собственный дом приехала гостья. Кроме того, нельзя оставлять Офелию одну. Хилари либо Элис придется ее развлекать, а это приведет к новым проблемам, ведь обеим тетушкам наверняка захочется посетить дом Невилла, особенно теперь, когда они наконец получили приглашение.

Но, может, Сабрина зря беспокоится? Офелия, вероятнее всего, помирится с Дунканом, помолвку возобновят, и в Саммерс-Глейд устроят настоящий праздник. Отчего же эта мысль так ее угнетает? Ведь она своими глазами видела, как ведут себя мужчины в присутствии Офелии. Дункан наверняка не исключение. Несравненная красота мисс Рид приводила их в такое оцепенение, что они напрочь теряли здравый смысл и были готовы на все, лишь бы заслужить улыбку прекрасной дамы.

Но, может, Сабрина зря беспокоится? Офелия, вероятнее всего, помирится с Дунканом, помолвку возобновят, и в Саммерс-Глейд устроят настоящий праздник. Отчего же эта мысль так ее угнетает? Ведь она своими глазами видела, как ведут себя мужчины в присутствии Офелии. Дункан наверняка не исключение. Несравненная красота мисс Рид приводила их в такое оцепенение, что они напрочь теряли здравый смысл и были готовы на все, лишь бы заслужить улыбку прекрасной дамы.

Она долго оттягивала разговор с тетушками в полной уверенности, что на бал поедут все вместе, молчала до той минуты, когда вернулась Офелия. Громко хлопнув дверью, та взлетела по лестнице в свою комнату и при этом едва не сорвала с петель вторую дверь. Не составило труда догадаться, что встреча прошла не настолько гладко, как ожидала Офелия. Сабрине пришлось идти каяться тетушкам. Их реакция ее не удивила. Она, разумеется, должна ехать, по крайней мере сегодня. Племяннице представилась долгожданная возможность, которую она не имеет права упустить, тем более что уже приняла приглашение, несмотря на присутствие незваной гостьи. Не будь Офелии… и так далее, и тому подобное… Но Сабрине придется мягко объяснить молодому хозяину, что снова приехать в Саммерс-Глейд у нее не будет возможности, пока их гостья не решит вернуться домой.

Сабрина искренне забавлялась невысказанной, недостаточно явной надеждой на то, что Офелия уберется — и чем скорее, тем лучше.

— Я побуду с Офелией, — предложила Элис, безуспешно пытаясь скрыть тоскливый вздох сожаления о том, что ей придется пропустить столь грандиозное событие. — И дам знать, дорогая, куда ты отправилась, если она, разумеется, спросит. Но какой смысл объясняться с бедняжкой, сыпать ей соль на раны, если она не заметит твоего отсутствия?

Хилари, немного подумав, хладнокровно объявила:

— Не пойму, почему Офелия должна обижаться из-за пустяков? Подумаешь, всего один вечер! А если уж придется все открыть… ничего страшного! Должна же она понять, что Сабрина от волнения просто забыла о ее приезде.

У Сабрины было наготове более правдоподобное объяснение, но вряд ли Офелия захочет, чтобы о нем узнали тетушки. Недаром Сабрина не рассказала им о своей неудачной попытке свести молодых людей. Но если понадобится, она шепнет Офелии, что Дункан согласился на свидание только при условии приезда Сабрины в Саммерс-Глейд. И каким бы ни оказался исход их встречи, Офелия получила шанс вернуть жениха только потому, что Сабрина согласилась поехать на бал. Конечно, такое открытие будет не очень лестным для Офелии, поэтому лучше молчать до последнего. И как надеялись тетушки, мисс Рид вряд ли заметит отсутствие молодой хозяйки, особенно если проведет остаток вечера взаперти, злясь на весь мир. Остается надеяться…

Сабрине и Хилари удалось выскользнуть из дома до появления Офелии в гостиной, так что они до самого возвращения не ведали, что пришлось вынести Элис. Зато, прибыв в Саммерс-Глейд, они совершенно забыли о существовании своей гостьи. Такого количества блестящих леди и джентльменов они не видели даже в Лондоне. С каждой из пятидесяти приглашенных девушек приехали опекуны, родители, компаньонки, братья, сестры и даже кузены, так что в дом маркиза слетелись не менее двухсот человек. Сабрина никак не могла понять, где они все разместились. Конечно, дом большой, но пятидесяти спален в нем наверняка нет, не говоря уж о двухстах. Хилари, хорошо знакомая с местными обычаями, усмехнулась и пояснила:

— Радуйся, что нам не пришлось открыть свой дом для незнакомых людей, как некоторым

соседям.

Сабрина и в самом деле увидела нескольких живших поблизости знакомых, у которых не было дочерей. Значит, их пригласили, только чтобы попросить приюта для тех, кому не хватило места! Должно быть, и гостиница в Оксбоу переполнена.

— Кроме того, — добавила Хилари, — только самым важным гостям предоставили отдельные комнаты. Помню, мне как-то пришлось делить постель с шестью девушками, а отцу, сопровождавшему меня и Элис, и вовсе не повезло. Его поместили в каморку вместе с девятью другими джентльменами. Но когда устраиваешь праздники, длящиеся неделями, иного выхода нет.

— Вы приехали!

Сабрина обернулась и оказалась лицом к лицу с Дунканом. Улыбка, появившаяся во время разговора с теткой, по-прежнему освещала ее девушки.

— А вы заподозрили, что я откажусь?

— Да, особенно если учесть, чем закончилась устроенная вами встреча. Поневоле усомнишься!

— О какой встрече идет речь, дорогая? — удивилась Хилари.

Сабрина каким-то образом ухитрилась придать своему лицу беззаботное выражение и уклончиво объяснила:

— Ничего особенного, тетя Хилари. Могу я представить Дункана Мактавиша?

Дункан отвесил учтивый поклон, как подобает истинному джентльмену. Собственно говоря, он и выглядел настоящим аристократом в своем темно-синем фраке, красиво оттенявшем его глаза.

— Вы совсем не похожи на деда, молодой человек, — заметила Хилари и тут же добавила со свойственной ей откровенностью:

— Лично я считаю это чрезвычайно удачным обстоятельством… для вас, разумеется.

Дункан рассмеялся, но тут в разговор вмешался хозяин дома:

— Неужели? Позвольте узнать ваше имя, мадам. Хилари приподняла брови, вопросительно разглядывая пожилого джентльмена:

— Не узнали меня, Невилл? Неудивительно: прошло более двадцати лет.

— Это вы, Хилари Ламберт?

— Разумеется.

— После нашей последней встречи вы немного поправились, леди, — усмехнулся Невилл.

— А у вас такой вид, словно вы сошли со смертного одра! Ну, что еще новенького расскажете?

Сабрина поднесла ладонь ко рту, желая оказаться где-нибудь в темном уголке и нахохотаться вволю. Дункан с недоумением рассматривал спорщиков, пронзавших друг друга гневными

взглядами.

— Значит, вы все-таки знаете эту девушку? — спросил он наконец.

— Какую еще девушку? — хмуро пробурчал дед. — Надеюсь, ты не считаешь эту перезрелую пташку девушкой?

— Вероятно, он имеет в виду мою племянницу, старый болван, — услужливо подсказала Хилари.

Это дерзкое замечание заставило Невилла обратить внимание на Сабрину, которой неизвестно по какой причине было теперь не до веселья. Хилари всегда была остра на язык, но сегодня ее язвительность перешла все границы. Разве можно оскорблять хозяина?

Однако маркиз, ничего не замечая, с нескрываемым любопытством уставился на девушку.

— Ну и ну! — выдохнул он. — Будь я проклят, они действительно фиалковые. А я думал, мальчик сочиняет! — И тут на него вдруг снизошло озарение:

— Господи Боже, да ведь вы тоже Ламберт!

Сабрина, разумеется, знала, почему шокирован маркиз, но, к сожалению, как и ее тетки, иногда страдала излишней прямотой.

Сабрина, разумеется, знала, почему шокирован маркиз, но, к сожалению, как и ее тетки, иногда страдала излишней прямотой.

— Да, вы правы. Подумать только, что я еще при этом жива!

Невилл покраснел. Сабрина тоже залилась румянцем, поняв, что нагрубила пожилому человеку. Дункан, видя все это, нахмурился.

— Прошу извинить нас, — пробормотал он, увлекая Сабрину в соседнюю комнату.

Там тоже было полно народа, поскольку помещение оказалось огромной бальной залой, где сегодняшним вечером вместо танцев был устроен буфет для желающих подкрепиться. Дункан все же сумел отыскать укромное местечко, где их никто не мог подслушать. Бедняга был совершенно сбит с толку разыгравшейся на его глазах сценой, и Сабрина прекрасно его понимала.

— Может, объясните, что тут происходит? — приказал он, как только остановился и отпустил ее руку. Она притворно поморщилась:

— А это обязательно?

Вместо ответа он угрюмо уставился на Сабрину и не отводил взгляда, пока она снова не поморщилась — на этот раз искренне.

— Так и быть, — со вздохом сдалась она. — Но история показалась бы еще интереснее, если бы вы услышали ее от посторонних. Уверены, что не хотите расспросить деда? Он наверняка допустил бы несколько пикантных преувеличений для пущего эффекта. Как, впрочем, и большинство других людей.

— Кажется, я расслышал в вашем голосе нотки горечи? — допытывался Дункан.

Сабрина, недоуменно моргнув, улыбнулась:

— Вы только что раскрыли мою тайну.

— Не может быть! Я пока жду страшных разоблачений.

— Нет, все уже вышло наружу. Вот только что. Дункан драматически приложил ладонь ко лбу:

— Должно быть, у меня не в порядке с головой, потому что я не понял, в чем тут секрет.

— О, как вы можете быть таким забывчивым, ведь сами только что сказали, будто распознали нотки горечи в моем голосе. Это и есть моя тайна. Остальное… — Она небрежно отмахнулась. — Остальное известно всему свету, так что нет никакого смысла скрывать.

Дункан снова многозначительно воззрился на собеседницу, словно давая понять — на это раз никакие глупости не улучшат его настроения. Чтобы подчеркнуть это, он пояснил:

— Стоит ли напоминать вам, что я совсем недавно присоединился к почтенному здешнему обществу и могу не знать самых простых и всем известных вещей?

— В таком случае позвольте изложить вам вкратце печальную историю моего рода, хотя, поверьте, это не так уж интересно. Ламберты, мои ближайшие родственники, славятся тем, что умирают не естественной смертью, а уходят из жизни добровольно. Это и дало повод окружающим утверждать, что в жилах членов моей семьи течет дурная кровь и что я, несомненно, пойду по той же кривой дорожке. По правде говоря, некоторые просто понять не могут, почему я до сих пор жива, и даже полагают, что я давно на том свете, а вместо меня они видят…

— Призрака?

— Совершенно верно. Кажется, я уже упоминала об этом.

Дункан кивнул;

— Пожалуй, мне бы хотелось услышать более подробный вариант, объясняющий, почему вы немного расстроены таким положением дел.

— Не расстроена, Дункан. Иногда я даже нахожу это довольно забавным, как в тот день, когда бедняжка леди Марлоу, отнюдь не отличавшаяся худобой, завизжала на весь дом, прежде чем свалиться в обмороке при виде вашей покорной слуги. И если не все услышали ее вопли за шумом голосов, многие почувствовали нечто вроде землетрясения, когда она рухнула на пол. Какой-то джентльмен даже сделал комплимент хозяину дома, похвалив архитектора, соорудившего удивительно прочный пол, способный выдержать столь серьезное испытание: к сожалению, леди была на редкость грузной, и… О, не сдерживайтесь. Я же вижу, что вам смешно.

Дункан в самом деле усмехнулся, но тут же взял себя в руки, стараясь принять серьезный вид, но так и не смог. Эта девушка обладала талантом без особых усилий развеять самые мрачные мысли, так что Дункан почти забыл о своей просьбе узнать «более подробный вариант». Зато Сабрина торопилась поскорее покончить с неприятной исповедью и вволю насладиться единственным вечером в Саммерс-Глейд.

— Скандал разгорелся из-за моего прадеда Ричарда, покончившего с собой. Никто так и не

узнал, что послужило причиной, но так или иначе он застрелился, а жена, не в силах вынести бремя трагедии, последовала его примеру. В то время его единственная дочь, моя бабушка, была уже замужем и успела родить двух девочек — тех самых теток, с которыми я теперь живу. Она пережила гибель родителей, но после появления на свет моего будущего отца каким-то образом умудрилась упасть с балкона. Тетушки уверяли, что это был несчастный случай, но окружающие так не считали. Поэтому и возникли слухи о дурной крови, которые распространились по всей округе, когда умерли мои родители.

— Мне очень жаль…

— Мне тоже, особенно потому, что я не успела их узнать. Была слишком маленькой, чтобы запомнить их. Но они отнюдь не торопились отправиться на тот свет, просто им не повезло — отравились чем-то несвежим. Даже доктор, прибывший слишком поздно, чтобы помочь им, подтвердил это. Но ведь интереснее шептаться о том, что злосчастные Ламберты приняли яд. И теперь, хотя мои тетки до сих пор пребывают в полном здравии и ясном рассудке и не собираются бросаться с обрыва вниз головой, я, по мнению соседей, просто обязана совершить головокружительный прыжок на камни, чтобы подтвердить их теорию.

— Не могу представить, будто вы способны настолько близко принять к сердцу какие-либо неприятности, возненавидеть белый свет и покончить с презренной жизнью.

— Господи, вы, кажется, только что назвали меня беспечной, легкомысленной дурочкой!

— Ничего подобного я не говорил, — возразил Дункан.

— Меня смертельно оскорбили.

— Черта с два.

— Во всяком случае, мне представилась редкая возможность обидеться, — хмыкнула Сабрина.

Дункан взорвался таким громким смехом, что несколько гостей обернулись в их сторону. Некий джентльмен, шествующий по залу с тарелкой в руках — у Невилла не оказалось двухсот стульев, и кое-кому не на что было сесть, — ленивой походкой приблизился к ним. Сабрина почти физически ощутила, как напрягся Дункан, и расстроилась, что все ее попытки развеселить его потерпели неудачу.

— Вот и вы! А это кто? — обратился к Дункану незнакомец. — По-моему, мы не встречались.

Он вопросительно взглянул на Мактавиша, очевидно, ожидая, что тот представит его, но Дункан вдруг покраснел, а Сабрина запоздало сообразила, что так и не сказала ему своего имени. И прежде чем Дункан успел признаться в своем неведении, Сабрина, не желая смущать его еще больше, поспешно назвалась:

— Сабрина Ламберт.

Молодой человек сначала удивился, но тут же расплылся в восторженной улыбке:

— Ходячее привидение?! Вот это сюрприз! Рад познакомиться! Я так расстроился, не застав вас в Лондоне! Поверьте, я искренне желал увидеть молодую леди, способную так ясно показать окружающим их собственный идиотизм.

Сабрина улыбнулась, поняв, что впервые встретила человека, не верившего слухам о

Ламбертах.

— Позвольте же узнать, кто вы.

— Рэйфел Лок, к вашим услугам. Счастлив увидеться с вами.

— И помешать разговору, — добавил Дункан. Но Рэйфел ничуть не был задет, словно ожидал подобной реплики.

— Да бросьте, старина! Неужели искренне думаете, будто можете безраздельно завладеть самой интересной дамой в этой комнате?

— Кажется, вам поручили присматривать за сестрой? — сухо напомнил Дункан.

Рэйфел возмутился:

— Господь с вами! Драгоценная малышка окружена целой стаей глупо хихикающих подружек. Не дай Бог нам с вами очутиться поблизости! Пожалейте меня! Кроме того, это вы должны набраться храбрости и пойти на штурм птичника. В конце концов, это вам предписано искать невесту, а как сделать верный выбор, если избегать возможных кандидаток, как чумы?

— А если я уже принял решение?

— О, только не это! Моя дражайшая сестрица этого не переживет.

— Наоборот — будет вне себя от радости.

— Собираетесь просить ее руки?

— Черт возьми, да уберетесь вы, сэр?! Рэйфел ухмыльнулся, крайне довольный, что сумел вывести Дункана из себя, и на прощание не преминул объявить:

— Прекрасно, в таком случае пойду отыщу старого шотландца, претендующего на роль вашего второго деда. Чрезвычайно забавно послушать, что он рассказывает о вас, — нужно же хорошенько вооружиться для очередной схватки.

Немало времени прошло после ухода Рэйфела Лока, прежде чем с лица Дункана сбежала краска. Сабрина хотела было утешить его, но побоялась еще больше обозлить. Ей нелегко было свыкнуться с мыслью, что именно она может стать яблоком раздора, за обладание которым боролись оба мужчины.

Она долго обдумывала это обстоятельство и в итоге решила, что ей, должно быть, просто померещился интерес, проявленный к ее скромной персоне сразу двумя джентльменами. К тому времени Дункан достаточно успокоился, чтобы спросить:

— Вы слышали о нем раньше?

— Нет, а должна была? Дункан пожал плечами:

— Старина Невилл в восторге от его приезда. Вроде бы он сын герцога.

— Значит, его сестра — самая подходящая для вас партия, — улыбнулась Сабрина.

— Вы так считаете? Мне она показалась слишком… легкомысленной. Вот видите, теперь я

произнес это слово. Ее брат такого же мнения, но я, возможно, еще решу жениться на ней — назло ему.

— О Боже, так вы действительно терпеть его не можете?

— Еще бы! Иначе почему у меня кулаки так и чешутся от нетерпения поближе познакомиться с его челюстью?!

Глава 20

Сабрина веселилась чересчур беспечно, чтобы понять причину своего замечательного настроения, крывшуюся в постоянном присутствии Дункана. Он не отходил от нее. Наполнил тарелки закусками, нашел в музыкальном салоне два свободных стула, и они мирно поужинали, а потом присоединились к игравшей в карты компании. Сабрина сочла своей обязанностью рассказать ему правила, причем оба понимали друг друга с полуслова и не дали противникам ни малейшего шанса выиграть. У девушки кружилась голова от счастья. Она давно так не смеялась.

Когда же до Сабрины дошло, что Дункану в качестве почетного гостя, в честь которого и давался бал, следовало бы уделять побольше внимания остальным присутствующим, она пренебрегла чувством долга и не указала ему на ошибку. Вероятно, на нее напал внезапный приступ эгоизма, и ничего тут не поделаешь.

Сабрина решила, что, поскольку она не питает никаких иллюзий по поводу отношения Дункана к ней, можно и побаловать себя… на этот раз. Правда, она ничуть не заблуждалась и в мотивах его внезапной симпатии к ней. Слишком часто Дункан смеялся на протяжении всего вечера, чтобы не понять: ему просто приятно ее общество. И в их отношениях нет ничего романтического. Она умеет развеселить его, развлечь. С ней легко и приятно беседовать.

Для нее эта ночь была волшебной. Самые фантастические грезы стали реальностью. Но все, даже светлые сны, имеет конец. Подошел к завершению и этот вечер в Саммерс-Глейд.

Заметив тетушку, подходившую к ним с перекинутыми через руку накидками, Сабрина повернулась к Дункану;

— Мне пора.

Он не протестовал, но лишь потому, что был уверен в их завтрашней встрече.

— В таком случае увидимся утром.

— Не выйдет, — вздохнула Сабрина, сожалея о том, что приходится объясняться с ним. Она как могла оттягивала неприятный разговор, но Дункан насупился. Жаль, что такая восхитительная ночь кончается едва ли не ссорой… — Я так удивилась, когда вы меня пригласили, что совершенно забыла о нашей гостье. Видите ли, к нам приехали из Лондона, и мне не следовало бы вообще приезжать сюда. Так не принято. Кроме того, моя гостья знает, что я не была приглашена заранее. Я не могу поступить невежливо и покинуть ее во второй раз.

— Значит, вы не хотели приезжать…

Сабрина покачала головой, давая понять, что он ошибается. Дункан наверняка и сам видит полную нелогичность подобных заявлений.

— Вздор! — воскликнула она. — Я прекрасно провела время и с радостью посетила бы ваш дом снова. Если гостья покинет нас до окончания праздника, тогда, пожалуй…

— Привозите ее с собой, — перебил он.

— Ах, Дункан, не лучше ли сначала спросить, кто именно у меня гостит…

— Если это не Офелия… — При виде ее изменившегося лица он осекся и помрачнел как туча. — Будь я проклят, — прорычал он, — с чего ей взбрело в голову явиться к вам?

Хоть это, слава Богу, оказалось легко объяснить.

— Ее семья принимала нас в Лондоне, поэтому Офелия и решила, что имеет право на ответное гостеприимство.

— А бегать по ее поручениям тоже входит в обязанности хозяйки?

— Нет, это возврат старого долга, — объяснила Сабрина, не обращая внимания на его ворчливый тон. — Она взяла меня под свое крыло, можно сказать, ввела в общество, значительно облегчив мое там появление. Я не могла отказать ей в просьбе, хотя и согласилась весьма неохотно. Я чувствовала себя обязанной Офелии, но зато теперь нас ничто не связывает.

— В таком случае не обращайте на нее внимания или снова оставьте с теткой, как сегодня.

— Неужели вы думаете, что я способна на такую грубость?

Дункан долго молчал, прежде чем вздохнуть:

— Нет, конечно, нет. И я отпущу вас, чтобы не посчитали меня избалованным ребенком, закатывающим истерики, когда не получает желаемого!

— Что вы, ни за что на свете! — рассмеялась Сабрина. — Разве что шотландским дикарем…

— Вот и идите себе, — парировал он с ухмылкой.

— Может, мы снова встретимся как-нибудь во время прогулки, — пообещала она на прощание.

— Особенно если вы в ближайшее время отделаетесь от этой назойливой особы.

Дункан проводил их с теткой до выхода и подождал, пока дворецкий усадит их в карету. Экипаж отъехал, и Ричард позволил себе вольность заметить:

— Милая девушка наша мисс Сабрина.

— Наша? Вы давно ее знаете?

— Да, она почти всю жизнь прожила здесь.

— Она часто гуляет по окрестностям? — допрашивал Дункан.

— Каждый день в любую погоду, — ответил Джейкобс. — Обычно по утрам, но иногда выходит ближе к полудню.

Дункан кивнул, решив пораньше отправиться к холму, но внезапно понял, что часа или двух в ее обществе ему будет недостаточно. Но родственничков хватит удар, если он исчезнет на весь день, в то время как должен усердно искать жену.

После чудесно проведенного вечера — первого со дня приезда в Англию — Дункан отправился спать, раздираемый противоречиями.

А в это время, сидя в экипаже, уносившем их в «Коттедж на излучине», старое название, оставшееся от тех времен, когда особняк еще был частью герцогского поместья, Хилари перебирала в уме подробности праздника. Сабрина почти не слушала тетку, занятая своими воспоминаниями, но в ее сознание вдруг ворвались слова:

— Ты ему нравишься.

Сабрина испуганно встрепенулась, не требуя объяснений, поскольку достаточно хорошо знала тетку, чтобы понять смысл ее слов.

— Да, но не в том смысле, как ты думаешь, — вздохнула она.

Хилари, немедленно оскорбившись за племянницу, возмутилась:

— Почему это «не в том смысле»?

— Посмотрим правде в глаза, тетя Хилари. Если поставить меня подле таких красавиц, как Офелия или Аманда Лок, все сразу увидят серенькую мышку рядом с роскошными розами. Лорд Невилл собрал в своем доме сливки английской аристократии, чтобы внук смог найти достойную пару. Вы сами видели, что там присутствовали совсем не те дебютантки, что приехали в Лондон, надеясь найти мужа. Эти молодые дамы прекрасно знают себе цену. Им нет нужды выходить на брачный рынок. Они самые завидные невесты Англии и достойны высоких титулов и богатства.

— Чушь! Какое отношение это имеет к тому неоспоримому факту, что ты ему нравишься?

— Мы стали друзьями, только и всего, — возразила Сабрина. — Он наверняка выберет себе невесту из самых прекрасных…

— Но и ты не замшелая старая дева, дорогая, хотя и вечно принижаешь себя.

Сабрина промолчала. Конечно, приятно слышать такое, но не следует обольщаться на свой счет, иначе голова закружится и она начнет надеяться на то, чему не суждено сбыться.

— Поверь, я сразу бы поняла, если бы мужчина интересовался мной… как женщиной. Клянусь, тетя Хилари, Дункан не видит во мне будущую жену. Скорее, уж друга, который всегда может дать хороший совет относительно одной из юных прелестниц, из которых ему предстоит выбирать.

— Время покажет, — обронила Хилари, не желавшая отказываться от своих выводов.

Сабрина, не собираясь спорить, в свою очередь, осведомилась, чтобы уйти от неприятной темы:

— Объясни лучше, почему ты так жестоко обошлась с бедным лордом Невиллом?

— Да… нечего тут объяснять. Старая вражда, взаимная неприязнь, только и всего, — пробормотала Хилари, вынужденная защищаться.

Остаток пути она упорно молчала.

Глава 21

На следующее утро Сабрина спала очень долго, поэтому, когда Элис пришла будить ее и жизнерадостно упомянула, что экипаж уже ждет и времени почти не осталось, не успевшая прийти в себя девушка не поняла, о чем толкует тетушка. Кроме того, Элис, очевидно, спешила сама, поскольку тут же выбежала из комнаты, прежде чем Сабрина успела спросить, о каком экипаже идет речь.

Однако торопиться Сабрина не стала. Вспомнив о вчерашнем вечере, она с улыбкой потянулась и вновь, как накануне, стала смаковать каждую мелочь, каждое слово, сказанное Дунканом. Недаром она полночи не могла заснуть, думая о нем.

Но тут на пороге показалась Хилари.

— Все готово, дорогая, — объявила она, — мы только тебя и ждем. Поскорее, пожалуйста.

Дверь снова закрылась, и Сабрина, всерьез заинтересовавшись происходящим, откинула одеяло и выбежала в коридор, чтобы догнать Хилари, уже успевшую подойти к лестнице.

— Готово? К чему? Я что-то забыла? Куда нам нужно сегодня ехать?

Хилари нахмурилась:

— Разве моя безмозглая сестрица не сказала? Она должна была разбудить тебя и все объяснить. Знай я, что этим кончится, лучше бы сама все сделала!

— Правда, она упомянула об экипаже…

— Значит, все-таки сказала, — разочарованно протянула Хилари, поняв, что лишилась повода для очередной стычки с Элис. — В таком случае что ты стоишь? Кучер ждет уже целый час!

Нет, понять ничего невозможно!

Сабрина выглянула из окна спальни, выходившего на фасад дома. У парадного входа стояла карета лорда Невилла, которая, по расчетам Сабрины, должна была мирно пребывать на каретном дворе маркиза. Какой ужас! Очевидно, Дункан забыл сказать кучеру, что тот сегодня не понадобится! И теперь из-за его глупой оплошности тетки уверены, что все, включая Офелию, приглашены в Саммерс-Глейд. Что еще они могли вообразить? Сабрина должна была растолковать Дункану, что не сможет гостить у него, пока мисс Рид живет в их доме, а если он все-таки прислал карету, значит, просит приехать всех.

Может, залезть в кровать и спрятаться от всех на целый день? Или хорошенько стукнуть Дункана зонтиком по голове за такую забывчивость? Неплохо бы, но кто носит зонтики в это время года?

Страшно представить, как он разозлится, когда увидит Офелию. Но кто же тут виноват, кроме

него самого?

И почему угрызения совести не дают ей покоя? Наверное, потому, что в глубине души она знала: он обязательно свалит вину на нее. И все из-за того, что Офелия вздумала явиться сюда.

Ничего не придумав, Сабрина наспех натянула лучшее утреннее платье, сознавая при этом, что особенно оно ее не украсит, зато придаст мужества. Нужно успеть предупредить теток так, чтобы Офелия не услышала. Пусть симпатия к гостье успела поостыть, не стоит ранить ее чувства, объясняя, что никто не думал посылать ей вожделенное приглашение на праздник.

Остальные уже стояли в передней, так что Сабрине не удалось поговорить с тетушками. Любая попытка отвести одну из них в сторону, несомненно, вызвала бы расспросы. Она даже не успела сделать шаг в сторону Хилари:

Офелия немедленно схватила ее за руку и подтолкнула к карете. Очевидно, ей не терпелось вновь испытать свои чары.

Офелия немедленно схватила ее за руку и подтолкнула к карете. Очевидно, ей не терпелось вновь испытать свои чары.

Поездка оказалась настоящей мукой для Сабрины, которая живо представляла, чем может закончиться их появление. Дункану ничего не стоит захлопнуть перед ними дверь. А ведь она могла бы предотвратить несчастье, честно поведав всем правду. Уж Дункан не задумается ранить чувства Офелии!

К счастью, именно нетерпеливость Офелии дала Сабрине возможность предостеречь тетушек. Едва экипаж остановился в Саммерс-Глейд, Офелия первой спрыгнула на землю. Сабрина судорожно стиснула руку Хилари и прошептала:

— Нам не следовало приезжать. Дункан ее не приглашал.

Но Хилари, небрежно похлопав ее по руке, спокойно ответила:

— Должно быть, передумал, дорогая. Кучер сообщил, что ему приказано привезти всех, включая наших гостей, если таковые еще не уехали.

Сабрина мгновенно потеряла способность двигаться и соображать и еще долго сидела на месте, пораженная, так что вошла в дом позже остальных. Она не знала, что и думать. Конечно, приятнее всего было бы считать, будто Дункан снова уступил ради очередного свидания с ней. Но она, кажется, опять замечталась. Пора вернуться к реальности. Не известно, что произошло между этими двумя в гостинице. А вдруг Дункан передумал и решил вернуть Офелию, но пока не хочет, чтобы та об этом узнала? В этом случае он мог воспользоваться Сабриной как идеальным предлогом для примирения с бывшей невестой.

Офелия, со своей стороны, очень быстро забыла о Ламбертах. Когда Сабрина появилась в передней, Офелия уже исчезла, наверняка отправившись на поиски лондонских друзей. Очевидно, ей не терпелось показать, что она снова на коне. Мисс Рид привыкла быть в центре внимания. А то обстоятельство, что она опять здесь, в доме отвергнутого жениха, заставит сплетников закрыть рты.

Что ж, она добилась своего. Вернулась в свою стихию, заняла подобающее ей положение в свете. И неудивительно, что за самое короткое время затмила красотой остальных девиц. Сабрина даже в своем лучшем сиреневом платье по сравнению с ней была просто уродиной.

Ничего не поделаешь, придется смириться и по возможности развлекаться, как сумеет. Правда, вчерашнее никогда не повторится. Теперь, с появлением Офелии, Дункан, не отходивший накануне от Сабрины, поймет, за кем ему следует ухаживать. Сабрине придется мужественно перенести этот удар. В конце концов, она к этому готова, не так ли?

Ламберты прибыли как раз к завтраку. Хилари и Элис уже поели, но Сабрина, ощутив голод, побрела в утреннюю столовую, где были накрыты столы. Те из гостей, кто встал позднее обычного, накладывали еду на тарелки, прежде чем отправиться на поиски свободных стульев. Среди них были и Рэйфел Лок с сестрой Амандой.

— Одна! Наконец-то! — воскликнул он, заметив Сабрину.

— Наконец-то?

— Видите ли, я весь вечер пытался сообразить, каким способом вырвать вас из лап дикаря, а вот теперь вы здесь и свободны от его назойливого присутствия.

Она покраснела, но не от смущения. От гнева.

— Я просила бы не называть его дикарем! Он вовсе не такой, и вы это знаете.

— Знаю, конечно, — усмехнулся Рэйфел. — Но как еще его уязвить? Должен же я найти его ахиллесову пяту!

— А зачем это вам? — дерзко спросила Сабрина.

— Ну… во-первых, он ужасно забавен, когда злится на меня. А во-вторых, представьте, он мне нравится. И в-третьих: нужно же научить шотландца держать удар и достойно отвечать нападающим, поэтому я и решил стать его наставником и посвятить в тонкости английского юмора.

— Боже, а я-то считала, что вы всего лишь неудачно оттачиваете на нем свое остроумие! — задорно воскликнула она.

Рэйфел громко засмеялся, что привлекло к ним внимание всех присутствующих, и его сестры в том числе.

— Не будешь ли так добр поделиться, что тебя развеселило в столь ранний час? — осведомилась она, деликатно подавляя зевок.

— Хотя бы то, что ты, похоже, не выспалась и забыла попросить горничную застегнуть верхние пуговки…

Бедняжка взвизгнула, съежилась от стыда и, повернувшись к нему спиной, приказала:

— Ну что ты стоишь! Немедленно действуй! Рэйфел продолжал беззвучно смеяться, очевидно, решив окончательно доконать сестру. Хорошо еще, что Сабрина, пожалев девушку, шепнула ей на ухо:

— Он шутит. Вы чудесно одеты и выглядите изумительно.

Мэнди проворно повернулась и обожгла брата разъяренным взглядом.

— Негодяй, — прошипела она, прежде чем величественно удалиться.

Сабрина покачала головой. Ничего не скажешь, Рэйфел просто неотразим, как и его сестра, но при этом неисправимый забияка, задира и любитель дразнить людей. Правда, это не так уж плохо. Она и сама не прочь иногда пошутить, но при этом старается развеселить, а не раздражать людей чрезмерным ехидством.

— Видите? — пожаловался он с улыбкой, заметив ее неодобрительный взгляд.

— Вы зло пошутили над сестрой, — упрекнула она.

— Возможно, — согласился Рэйфел. — Зато немного встряхнул Мэнди. Нельзя же, чтобы девушка, занятая ловлей женихов, выглядела сонной курицей! Чем скорее она пойдет к алтарю, тем скорее я смогу сложить с себя обязанности опекуна.

— Значит, вы действовали в ее интересах? — с притворной наивностью осведомилась Сабрина.

— Разумеется! Боже, только не говорите, что считаете меня коварным демоном! Это разобьет мне сердце, клянусь, разобьет!

— Если вам необходима замена, сердце и почки лежат вон на том блюде.

— Вот это язычок! — ахнул Рэйфел. — К счастью для вас, дорогая, меня не так легко обескуражить. Вероятно, потребуется несколько лишних дней, чтобы убедить вас выйти за меня. — И беспечно пожав плечами, он добавил:

— Когда вы поймете, что мы идеально подходим друг другу, сразу сдадитесь.

Сабрина улыбнулась, по достоинству оценив шутку:

— Мы абсолютно разные! Можно подумать, вам это не известно!

— Ничего подобного, — настаивал он. — Мы оба происходим от герцогов.

— Да, только на моем семействе лежит тень скандала, — напомнила Сабрина.

— А мой род просто обожает скандалы. Можно сказать, питается ими.

— Интересно, на какой стол поставили это блюдо сегодня?

Рэйфел снова расхохотался, привлекая взоры остальных гостей. У Сабрины на душе стало чуть легче, хотя она все еще не поняла, почему скучающий аристократ выбрал собеседницей именно ее, ничем не примечательную простушку? Если он немедленно не отойдет, злые языки заработают с новой силой.

Ах, не все ли равно? Лок просто скучает и хочет убить время. А всякий, кто попытается связать ее имя с таким человеком, как он, будет выглядеть в глазах общества полным идиотом, так стоит ли об этом беспокоиться?

Глава 22

— Я слышала это собственными ушами от его сестры, — упрямилась Эдит Уорд. — Он любит защищать несправедливо обиженных и оскорбленных. А кто лучше Сабрины подходит под такое описание?

— Не возражаю стать на время несправедливо обиженной, если это поможет снискать его дружбу, — заметила Джейн.

— У тебя не получится, дорогая, — возразила Эдит. — Ты для этого слишком хорошенькая.

Джейн вспыхнула, но тут же разочарованно поморщилась, хотя в другое время была бы в восторге от комплимента.

— Ах, — вздохнула она, — какое это имеет значение? Он мгновенно забудет обо всех, едва увидит Офелию.

Обе подруги старались пролить бальзам на раны Офелии, изнемогавшей от зависти с той минуты, как она увидела Сабрину, покидавшую столовую вместе с красавцем Рэйфелом Локом. Потрясенное выражение прелестного личика было достаточно явным признаком того, что за этим последует.

Мейвис, однако, пришла в восторг от такого поворота событий. Впервые она осознала, что в мире все-таки существует справедливость, когда Офелия попала в вырытую ею же самой яму и жених едва ли не публично отрекся от глупой и тщеславной невесты, а лондонские кумушки принялись с наслаждением смаковать скандальные подробности произошедшего. Мейвис никогда еще не была свидетельницей столь быстрого падения. И для нее стало настоящим ударом сегодняшнее появление Офелии в Саммерс-Глейд. Значит, она все-таки получила приглашение, вернув себе положение королевы сезона!

Одно хорошо: теперь Офелия своими глазами увидит успех Сабрины. Поймет, что ее замыслы навсегда погубить будущее ни в чем не повинной девушки провалились.

А ведь Офелия еще не знала, кто такой Рэйфел Лок. Ни одна из девушек не была знакома с ним до вчерашнего вечера. Правда, Аманду они знали и немедленно осадили ее, выведывая подробности о брате. Действительно ли он и есть тот самый наследник герцогского титула, недавно вернувшийся домой после многолетнего пребывания за границей?

Узнав всю подноготную Рэйфела, барышни уже отточили коготки, готовясь к удачной охоте, но прибытие Офелии положило конец всем их чаяниям. Скорее всего Лок тоже падет к ее ногам, как остальные глупцы, исключая Дункана Мактавиша, за что Мейвис им искренне восхищалась. Эдит и Джейн придерживались того же мнения и в два голоса поведали Офелии о новом возможном поклоннике. Сын герцога, несказанно богат, хорош собой и идеально подходит ей, если, разумеется, она окончательно порвала с бывшим женихом.

Не успели они договорить, как появился предмет их обожания, и — подумать только — едва ли не под руку с Сабриной! Сразу видно, что они не случайно столкнулись в дверях, нет, наоборот — эта милая парочка весело смеется, направляясь на поиски незанятых стульев.

Разумеется, все три девушки знали, что Сабрине каким-то образом удалось заинтересовать Дункана Мактавиша, не отходившего от нее весь прошлый вечер. Перед этим Эдит и Джейн даже шутливо поспорили, кому из них удастся обворожить его теперь, когда помолвка разорвана. Но все это было до того, как они увидели, что Дункан не сводит глаз с Сабрины.

К чести подруг нужно заметить, что им в голову не пришло упомянуть об этом в присутствии Офелии. Наоборот, обе молились, чтобы она ничего не узнала от посторонних. Поэтому они ушам не поверили, когда Мейвис ни с того ни с сего презрительно фыркнула:

— Несправедливо обиженная? Отвергнутая? Черта с два! Я постоянно твердила вам, что

Сабрина необычайно обаятельна и умеет привлечь мужчину, но все вы только смеялись! Теперь видите, как я была права? Самые завидные женихи ловят каждое ее слово!

Офелия встрепенулась и обратила хищный взор прищуренных голубых глаз на дерзкую приятельницу:

— Кого ты имеешь в виду?

— Твоего Дункана, конечно, — скучающе бросила Мейвис, втайне наслаждаясь происходящим.

Джейн и Эдит в полном отчаянии едва не ломали руки. Мейвис с трудом сдерживала торжествующую улыбку. Удар оказался даже более точным, чем она могла рассчитывать. Ведь Мейвис понятия не имела о том, что Офелия провела остаток дня и ночь, запершись в своей комнате, пытаясь сообразить, почему Дункан во время встречи вел себя совсем не так, как должен был, по ее расчетам.

— Разве Сабрина не упоминала, что он не отходил от нее весь вечер? — продолжала Мейвис.

Поскольку Офелия даже не знала, что Сабрина была вчера в Саммерс-Глейд, открытие подействовало на нее самым ужасающим образом. К несчастью, она никогда не умела хорошо скрывать свои чувства, и, хотя старалась выглядеть беззаботной и равнодушной, лицо ее исказилось почти уродливой гримасой.

— Сабрина не из тех, кто охотно делится секретами, — процедила она.

— И тем более успехами. Жаль, — добавила Мейвис. — Интересно бы узнать, что они нашли таким забавным, потому что смеялись весь вечер.

— Говори что хочешь, Мейвис, — вмешалась Эдит, все еще пытавшаяся предотвратить взрыв, хотя знала, что после откровений Мейвис это дело безнадежное. — Это еще не означает, что какой-то мужчина вздумает сделать ей предложение. Или ты забыла о ее дурной крови?

— Да разве мне позволят забыть? — ехидно усмехнулась Мейвис. — Правда, она выглядела счастливой и удивительно живой, несмотря на все дурацкие сплетни.

— Вспомни, кто рассказал об этом нам, — умоляюще пробормотала Джейн, мужественно встав на защиту Офелии.

— Помню, прекрасно помню, кто с таким удовольствием распустил злобные слухи и вновь заставил всех заговорить о забытом скандале.

Офелия вздрогнула, словно получив пощечину. В некотором смысле так все и было. Не осталось никакого сомнения — Мейвис пыталась оскорбить ее. Сама Мейвис была на седьмом небе оттого, что наконец решилась на такой поступок. И ее слова попали прямо в цель. От красоты Офелии мало что осталось в эту минуту. Даже самые прелестные черты, искаженные яростью, теряют свое очарование.

Эдит ахнула. У потрясенной Джейн отнялся язык.

— Злобные? — пролепетала, заикаясь, Офелия. — Ты… назвала… меня…

— О, пожалуйста, не устраивай сцен, иначе тебя снова могут вышвырнуть из этого дома, — перебила Мейвис с сияющей улыбкой. — Правда, это к лучшему, тогда мы получим

возможность как следует повеселиться и хорошо провести время в обществе приличных людей.

Она повернулась и отошла, сознавая, что окончательно порвала со старыми подругами. Но вспомнив, что всегда симпатизировала Эдит и Джейн, особенно если те не вели себя как безмозглые дурочки в присутствии Офелии, на секунду остановилась:

— Когда вы очнетесь и поймете, что она вам не подруга? Поверьте, она не задумываясь ударила бы вас кинжалом в спину, если бы это помогло ей достичь цели, и не испытывала бы при этом ни малейших угрызений совести.

— Когда вы очнетесь и поймете, что она вам не подруга? Поверьте, она не задумываясь ударила бы вас кинжалом в спину, если бы это помогло ей достичь цели, и не испытывала бы при этом ни малейших угрызений совести.

И с этими словами девушка спокойно отошла, хотя знала, что после случившегося остается только сложить вещи и уехать. Наверняка Офелия придумает про нее какую-нибудь гадость и не преминет рассказать всем знакомым. Но Мейвис отчего-то это было безразлично.

— Ну и ну… — выдохнула Джейн, не зная, как реагировать на мятежные речи бывшей приятельницы.

— И не говори! — поддержала Эдит.

— А я ничуть не удивляюсь, — заявила Офелия, взяв себя в руки, хотя внутри все кипело. — Она такая лгунья! Я поймала ее на вранье… о, не менее пяти раз, но из вежливости не стала обличать. Бедняжка, она просто не способна говорить правду. Это что-то вроде болезни, и притом неизлечимой. Тут уже ничем не поможешь.

Глава 23

— Садитесь, Арчибальд, и выслушайте меня. У нас неприятности.

Шотландец устроился напротив письменного стола в гостиной Невилла и окинул хозяина скептическим взглядом. Он терпеть не мог, когда за ним посылали дворецкого, как за провинившимся мальчишкой. Кроме того. Арчи плохо спал ночью, еще не успел позавтракать, а в комнате было чертовски жарко. Неужели у него мало своих бед?

— У нас? Каким это образом? Единственное, что есть у нас общего, — это парнишка, а он делает именно то, о чем его просили. Кстати, вы умудрились собрать здесь настоящий цветник! Знай я, что в Англии живут такие красавицы, сам приехал бы погостить после кончины моей дорогой женушки, и кто знает, может, нашел бы свою половину.

— Сделай вы это, и не было бы причин спорить из-за Дункана, — проворчал Невилл.

— А кто спорит? Я думал, мы наконец согласились поделить наследников.

— Вряд ли решение было таким уж справедливым, но сейчас не время обсуждать это, — отмахнулся Невилл. — Похоже, вы не заметили, что вчера Дункан лично пригласил на праздник некую Сабрину Ламберт, с которой и провел весь вечер.

— С той маленькой пышечкой? Милашка, ничего не скажешь, но отнюдь не красавица, так что

нет нужды расстраиваться — в конце концов он выберет самую смазливую из всех.

— Не понимаю, почему вы придаете такое значение внешности? — с усталым вздохом обронил Невилл. — Красивое лицо далеко не самый верный признак идеальной жены, как мы сами увидели на примере девчонки Рид.

— Ошибаетесь, — жизнерадостно возразил Арчи. — Слушать дражайшую супругу совершенно не обязательно, мало того, можно хоть всю жизнь пропускать глупые речи мимо ушей, зато видеть ее придется каждый день, с утра до вечера, так что за прелестное личико можно простить пустую голову.

Невилл поднял взгляд к небу, но все же заметил:

— Дункан, должно быть, так не считает, поскольку выказал определенный интерес именно к этой девице. Возможно, ему нравится ее общество, он сам это признал. Она умеет его рассмешить. Если это все, значит, я зря волнуюсь.

Арчи с недоумением нахмурился:

— Что-то я вас не понимаю, старина. Если вам все равно, женится он на красотке или нет, к чему завели эту песню? Может, девица недостаточно высокородна?

Невилл снова вздохнул;

— Внешность Сабрины Ламберт не имеет никакого значения, Арчибальд. Если хотите знать, я нахожу ее достаточно привлекательной. Все дело в ее глазах. Они совершенно необычные.

— Необычные? Что-то я не заметил.

— Еще бы заметить, если вы смотрите только на пышные груди и раскрашенные лица и не замечаете тонкости черт, не говоря уж об уме и остроумии девиц, — кисло ответил Невилл.

Арчи только усмехнулся:

— Просто я не подходил к девчонке настолько близко, чтобы заглянуть ей в глаза. Значит, вам не нравится ее происхождение?

— Нет, не в этом дело. Ее прадед Ричард был герцогом, дед — графом. Да и отец унаследовал бы титул, переживи он своего родителя, но этому не суждено было случиться. Если на то пошло, знатностью происхождения она превосходит почти всех девиц, собравшихся в этом доме. Беда в том, что она воспитывалась у сварливых старых дев-тетушек…

— Так вот что не дает вам покоя! — перебил Арчи со смешком. — Рад сообщить, что сразу после свадьбы возвращаюсь домой и вам одному придется их терпеть.

— Слава Богу и за малые милости, — с нескрываемым облегчением произнес Невилл. — Но с ее именем связан давний скандал, который вновь всплыл на поверхность.

Арчибальд, разом став серьезным, подался вперед:

— Что еще за скандал?

— Не из тех, каким следует придавать значение, поскольку я лично знал Ричарда Ламберта и видел, как тот обращается с оружием. Неуклюжий медведь — иначе не скажешь. Черт возьми,

да он едва не прострелил мне ногу, когда мы охотились вместе. Вполне вероятно, он случайно пустил в себя пулю, вовсе не имея намерений покончить с собой, как утверждают сплетники. Но вот его жена — дело другое. Редкая дурочка. Не сомневаюсь, она действительно рассталась с жизнью по собственной воле, когда поползли неприятные слухи. У безмозглой идиотки не хватило мужества опровергнуть их и посмеяться кумушкам в лицо.

— По-моему, тут нет ничего позорного, — не согласился с Невиллом Арчи. — Всякое бывает.

— Верно, но на этом неприятности не закончились. Дочь последовала примеру матери, а следующими были ее сын и невестка, родители Сабрины. Понимаете, о чем я, Арчибальд? И это в то время, когда мы так отчаянно нуждаемся в наследнике, который продолжит оба наших рода! Неужели хотите на собственном опыте проверить, есть ли правда в грустной истории девушки?

— А Дункан знает?

— Думаете, он делится со мной? Понятия не имею, хотя, возможно, он и слышал сплетни. Но повлияют ли они на его решение?

Арчибальд задумчиво свел брови:

— Вполне вероятно, никоим образом, а если именно вы начнете этот разговор — ни за что и никогда. Невилл раздраженно поджал губы:

— Кажется, мы уже обсуждали это раньше? Вам приятно думать, что мальчик заупрямится и будет стоять на своем назло мне, но я о нем лучшего мнения. Однако во всем, что касается брака, он скорее всего послушает вас, так что постарайтесь узнать, известна ли ему печальная история семьи Ламберта, заодно дайте мальчику понять, что эта девица не из тех, на ком женятся.

На этот раз Арчи кивнул, хотя не преминул добавить:

— Вполне возможно, она, как вы сказали, всего лишь забавляет его.

— Да, и все могло бы обойтись, если бы не внезапный приезд мисс Офелии Рид.

— Черта с два! — перебил Арчи. — Неужели…

— Мало того, она сейчас гостит у Ламбертов, — в свою очередь, вставил Невилл, — и несмотря на это, Дункан пригласил всех. Он либо, к вашему восторгу, сражен красотой леди Рид и решил простить ей оскорбление и жениться, либо питает самые серьезные намерения относительно барышни Ламберт. Выбирайте, что вам по душе, Арчибальд. Я в ужасе и от того и от другого.

— А что я? — огрызнулся Арчи. — Вполне возможно, Дункан не знал, кто гостит у Ламбертов, и сам удивится, увидев, кого они привезли, а следовательно, постарается избавиться от назойливых баб.

Невилл, усмехнувшись, покачал головой:

— Все это только предположения. Сабрина Ламберт наверняка рассказала ему обо всем вчера вечером. Хоть она и пария, изгой в приличном обществе, все же не настолько глупа, чтобы не понять, какие последствия может иметь появление мисс Рид в обществе молодых леди, из которых Дункан должен выбрать себе невесту.

— О Господи! — с отвращением пробормотал Арчи, вставая. — Я немедленно найду его и узнаю, как обстоят дела. От всех этих предположений у меня чертовски разболелась голова.

Глава 24

Этим утром Дункан постарался не спускаться вниз, верный решению, принятому прошлой ночью. Вчера он твердил себе, что утром все предстанет перед ним в новом свете, и поэтому допоздна ворочался с боку на бок, прежде чем послать лакея к кучеру и передать отмененный ранее приказ ехать к Ламбертам и привезти всех, включая их гостью. Только после этого он с облегчением сомкнул глаза. Пробудившись же, понял, что совершил глупость, и настроение от этого мгновенно испортилось.

Впустить Офелию Рид в дом деда по любой, даже самой веской причине было огромной ошибкой. Она вообразит, будто таким образом он дает ей понять, что все прощено и забыто.

Он мог найти другой способ каждый день видеться с Сабриной, пока не разъедутся гости, а если его отсутствие заметят, что ж, ему все равно. Никто не обязывал его торчать в Саммерс-Глейд двадцать четыре часа в сутки. Зачем же он сотворил такую глупость?!

Но в глубине души Дункан прекрасно сознавал, почему поступил именно так. Приезд Сабрины означал, что она будет с ним целыми днями и всегда окажется рядом, если ему вздумается поговорить, посмеяться, спросить совета в важном деле, которое ему предстоит завершить в следующие две недели, не говоря уж о том, что один только вид этой девушки успокаивает его. Ради этого Дункан был готов мириться с любыми неудобствами, которые наверняка вызовет появление Офелии. Ничего, он легко справится со всеми неприятностями.

Однако Дункан не учел отношения общества к его поступку. Не сообразил, как будет выглядеть в глазах посторонних приезд бывшей невесты, особенно после того, как он грубо разорвал их помолвку.

Это и пришлось ему понять, когда Арчи ворвался в его комнату и стал допытываться, не изменил ли он мнения относительно мисс Рид. Дункан отвечал деду весьма вразумительно, но затруднился с объяснением, когда дед спросил о его намерениях по отношению к Сабрине. Правда, особых намерений у него и не было, просто ему нравилась компания Сабрины, но Арчи вряд ли способен был такому поверить.

Дед действительно не поверил.

— Дружба? — фыркнул тот. — Мужчины не дружат с женщинами. Неслыханно!

— Но почему?

— Потому что страсть и нежные чувства препятствуют дружеским отношениям, вот почему! И если ты скажешь мне, что ни разу не думал о ней как о женщине, я назову тебя наглым лжецом!

Дункан, ничуть не обидевшись, рассмеялся:

— Можешь называть меня, как тебе угодно! Но, честно говоря, я столько смеюсь в ее присутствии, что времени не хватает думать о чем-то еще!

Арчи, разумеется, не устроило подобное объяснение, но Дункан так и знал, что дед его не поймет. Просто он не способен видеть ничего, кроме «естественного порядка вещей» между мужчиной и женщиной.

Дункан все же попытался объяснить деду:

— Представь, что имеешь очень хорошего друга, возможно, самого лучшего, который живет поблизости. Ты устраиваешь праздник и хочешь, чтобы друг разделил с тобой твою радость. Что тут такого?!

— Но заметь, что у твоего друга есть другие дела и обязанности. Скажем, в его доме кто-то гостит.

— Можно легко разрешить затруднения, пригласив и его гостя. И ничего тут сложного.

— Только не в том случае, если эта самая гостья — злобная змея с ядовитым жалом, которая может легко испортить любой праздник.

Дункан вздохнул — трудно оспаривать такое утверждение, если учесть, что речь идет об Офелии Рид. Но он тут же рассмеялся. Хоть в чем-то Арчи прав!

— Не стоит заранее волноваться насчет Офелии. Пока ничего не случилось. И будь уверен, мои отношения с Сабриной — чисто дружеские. Поговори с девочкой, и сам поймешь, почему я от нее не отхожу. Она настоящая волшебница. Стоит ей улыбнуться — и ты сразу забываешь о бедах и неприятностях.

Но Арчи, ничуть не убежденный уверениями внука, продолжал хмуриться:

— Главное, чтобы ты не забыл, с какой целью приглашены остальные девушки.

— Я без споров согласился найти себе жену, но не желаю, чтобы меня подгоняли, и скажу сразу: если за эти дни я не смогу сделать выбор, не собираюсь выслушивать ваши стенания. Не смейте меня донимать нытьем. В конце концов, это моя, а не ваша жизнь решается!

— Но трудно ожидать, чтобы ты влюбился с первого взгляда, — проворчал Арчи. — Для того чтобы возникла любовь, требуется время.

— Я говорю не о любви, а о симпатии. Взаимной привязанности. Невеста должна мне по меньшей мере понравиться! Безразличие и равнодушие — плохое начало семейной жизни!

— Разумеется, но вряд ли ты отыщешь достойную супругу, если все время будешь проводить с друзьями. А что скажут остальные девушки, если им не известно, кто она для тебя? Они посчитают, что ты уже нашел свою судьбу, а им рассчитывать не на что. Многие попросту сложат вещи и отправятся домой.

Дункан поморщился. Что тут возразишь? И как спорить с дедом, приводящим неопровержимые доводы?

— Да, я на один вечер отвлекся от охоты за женой, чтобы немного повеселиться, — проворчал он. — Ты и этого для меня пожалел?!

— Нет, если это всего лишь вечер. Но гости приехали к нам не навсегда, праздник не может продолжаться вечно. А более удобной возможности встретить лучших невест Англии тебе не

представится. В жизни не видел столько хорошеньких девушек! Ничего не скажешь — старый Невилл собрал здесь первых красавиц со всей страны, чтобы облегчить тебе задачу. И я прошу лишь о том, чтобы ты не тратил время зря.

Дункан молча кивнул, однако, спустившись вниз, неосознанно принялся искать глазами Сабрину. К его прискорбию, он тут же столкнулся с Офелией, вернее, это она столкнулась с ним, преградив дорогу, так что он был вынужден остановиться или грубо протиснуться мимо.

Он, не колеблясь, выбрал бы последнее, поскольку вчера сказал ей все, что намеревался, а если она не поняла, тем хуже для нее. Но она была в обществе двух девушек, в его же памяти были еще свежи наставления Арчи.

Дункан уже встречал ее спутниц, но имен их не помнил, поскольку за два дня был представлен более чем сотне гостей. Ничего не скажешь — хорошенькие девушки, стоило бы узнать их получше, значит, следует быть учтивее.

Он, не колеблясь, выбрал бы последнее, поскольку вчера сказал ей все, что намеревался, а если она не поняла, тем хуже для нее. Но она была в обществе двух девушек, в его же памяти были еще свежи наставления Арчи.

Дункан уже встречал ее спутниц, но имен их не помнил, поскольку за два дня был представлен более чем сотне гостей. Ничего не скажешь — хорошенькие девушки, стоило бы узнать их получше, значит, следует быть учтивее.

Но он мгновенно забыл об этом, едва с губ Офелии сорвались слова:

— Вы, вероятно, знакомы с моими лучшими подругами, Эдит и Джейн?

Дункан вовсе не желал узнавать получше всякого, кто считался другом Офелии Рид. Правда, Сабрина была исключением, но она, похоже, вовсе не стремилась назваться приятельницей Офелии. Наоборот, упоминала о неких обязательствах перед ней.

— Вот как… — бросил он, не глядя на Офелию, и, вежливо кивнув, обогнул девушек. — Прошу извинить меня, леди, но я еще не завтракал.

— Он ужасно…

Последовала пауза, в продолжение которой Джейн пыталась придумать замену слова «грубый», как нельзя лучше подходившего к поступку Дункана.

— ..резкий, не так ли? — нашлась она наконец, глядя вслед удалявшемуся шотландцу.

— Национальная черта, я полагаю, — скучающе заметила Офелия. В душе она радовалась, что он не остался. Все видели, что она с ним говорила, а большего пока и не требовалось.

— Ты согласишься, если он снова попросит выйти за него и обратится к тебе, а не к твоему отцу? — поинтересовалась Эдит.

Офелия сделала вид, что раздумывает;

— Пока не решила. Не забывай, есть еще и лорд Лок. Вот это партия! Не сравнить с Мактавишем!

— Еще бы! — воскликнула Джейн. — Тем более что вы еще не встречались. Но это можно легко

исправить. Если Сабрина еще с ним, она тебя ему представит.

Куда девался рассеянно-равнодушный вид Офелии!

— Я не нуждаюсь в представлениях! — прошипела она. — И мне не нужна помощь Сабрины! Познакомлюсь с Рэйфелом Локом, когда мне будет угодно… возможно, этим вечером. Вы, кажется, сказали, что он собирается танцевать?

— Да, что-то в этом роде.

— Превосходно. Хорошо, что я догадалась захватить с собой новое бальное платье!

— Ах, дорогая Офелия, вряд ли сегодняшнее событие можно назвать настоящим балом! Здесь, в деревне, на такие вещи смотрят гораздо проще, — предупредила Джейн.

— Вздор! Бал есть бал, где бы его ни давали. И я хочу быть во всеоружии во время первой встречи с Рэйфелом Локом.

Джейн попыталась было что-то возразить, но поймала взгляд Эдит и благоразумно передумала. Они все еще считали Офелию своей подругой, им лестно было греться в лучах ее славы, но обеим было не по себе от того, как злобно набросилась она на Мейвис, с которой они дружили много лет! Кроме того, предсказания Мейвис тяжким грузом легли на сердце. Несмотря на некоторое легкомыслие, девушки были не так глупы, чтобы не видеть правды в словах бывшей приятельницы. Так что если Офелии не терпится вырядиться под рождественскую елку — это дело ее. Если она будет чувствовать себя неловко под скептическими взглядами окружающих, это тоже ее дело. Пусть потом не говорит, что ее не предостерегали. Но она, как всегда, не слушает никого, кроме себя.

Глава 25

К тому времени как Дункан покончил с завтраком, у него появился законный повод гордиться собой. Он захватил тарелку и принялся методично обходить комнату за комнатой, то и дело останавливаясь, чтобы поздороваться, сказать комплимент или посетовать на разразившуюся бурю, грозившую снести дом.

Если кто-то из гостей и собирался сегодня на прогулку, то, очевидно, изменил планы. Но даже если бы погода и выдалась тихой, все равно мало кто хотел выходить на холод. В Саммерс-Глейд и без того было достаточно развлечений.

Карточные игры были в самом разгаре. За большинством столов играли на деньги: любимое развлечение аристократов. Из гостиной слышался смех: там представляли шарады в лицах. В бильярдной, где стояли два стола, толпились пожилые джентльмены, включая Арчи. Невилл еще не появлялся. В музыкальном салоне хорошенькая молодая девушка развлекала группу дам. Внимание Дункана привлекли красноватые отблески в волосах певицы, но поскольку только глухой мог выдержать пронзительный визг, который она издавала, шотландец предпочел побыстрее удалиться.

Он задержался бы в гостиной, но там царила Офелия. Жаль, потому что среди девушек он увидел и Аманду Лок, с которой хотел бы познакомиться поближе. Неприязнь к ее брату еще не причина, чтобы сбрасывать со счетов одну из самых смазливых малышек в этом цветнике.

Дункан успел обойти едва ли не весь дом, когда вдруг понял, что так и не нашел Сабрину. Он не успел побывать только в бальной зале, пустовавшей днем, и в кабинете Невилла, где обычно работал управляющий поместьем, получивший отпуск на время празднеств. Тетка Сабрины сидела в музыкальном салоне рядом с какой-то дамой, по виду своей ровесницей, но мисс Ламберт и там не было.

А что, если она не приехала? Какая жестокая ирония:

Дункану придется теперь терпеть присутствие Офелии, а вот общества Сабрины — награды за тяжкие муки — он отчего-то лишился! Но почему она решила остаться дома, если ее родные вместе с гостьей соблаговолили явиться?!

Прежде чем расспросить тетю Сабрины, Дункан проверил оставшиеся помещения. Оказалось, что кабинет заперт: довольно мудрая, по его мнению, предосторожность. В бальной зале было темно и пусто, по крайней мере на первый взгляд. Но тут Дункан уловил легкое движение как раз в тот момент, когда дверь почти закрылась. Он присмотрелся. Сабрина стояла в дальнем конце залы у застекленной балконной двери. Она была почти неразличима на фоне сиреневых обоев, почти такого же оттенка, как ее платье.

Сабрина услышала шаги и, не оглядываясь, поняла, что это Дункан. За вчерашний день она научилась распознавать его походку. Сердце забилось сильнее: так с ней бывало каждый раз, когда он подходил ближе. Но почему он здесь? Наверняка не по той же причине, что она. В этом Сабрина была уверена.

Как только началась буря, она постаралась найти укромное местечко, чтобы спокойно созерцать первобытную ярость природы, разыгравшейся с неукротимой силой. Она с детства любила грозы и ураганы, и если многие девушки в страхе прятались при первых раскатах грома и вспышках молнии, то она находила их успокаивающими, а если бы позволили, выбежала бы под дождь.

Но это было невозможно, по крайней мере сегодня. Оставалось только смотреть в сад — высокие двери позволяли без помех обозревать едва не всю округу. Кроме того, в бальной зале никто не приставал к ней с разговорами. Но она ничего не имела против компании Дункана. Приятно разделить с ним свои впечатления и чувства!

— Прекрасно, правда? — прошептала Сабрина, когда он остановился за спиной, думая, что придется ему объяснять, что именно она имеет в виду.

Но он, кажется, все понял без слов.

— Хотите взглянуть поближе? Сабрина улыбнулась, но с сожалением покачала головой:

— Вряд ли моим тетушкам понравится, когда на всеобщее обозрение предстанет их мокрая, растрепанная, промерзшая племянница, тем более что близится обеденный час, а времени вернуться домой и переодеться не осталось.

Дункан, улыбнувшись в ответ, взял Сабрину за руку, открыл дверь и увлек ее на балкон, под дождевые струи, а сам поднял голову к небу, наслаждаясь неистовым буйством урагана.

Господи, помоги ей! В это мгновение она окончательно поняла, как любит этого человека.

Дункану показалось, что, поддавшись безоглядному порыву, он внезапно сошел с ума. Но при виде Сабрины он оцепенел. Восторг, неудержимая радость, светившиеся на ее лице,

преобразили простую, ничем не примечательную девушку в волшебную красавицу. И хотя волосы ее тут же промокли и прилипли ко лбу беспорядочными прядями, его как магнитом притягивали ее поразительные глаза. Тяжелая капля повисла на ресницах, прежде чем скользнуть по щеке, задержаться в ямочке и поползти по задорному маленькому подбородку.

И тут взгляд Дункана упал на влажные соблазнительные губы, нежно улыбавшиеся ему…

Он сжал ладонями это милое личико и припал к ее губам. Еще один порыв, о котором он ничуть не жалел.

Дождь обжигал холодом, но Дункан ощущал лишь жар этих сладких уст и тепло прижимавшегося к нему тела. На вкус она оказалась настоящей амброзией, свежим дыханием лета в разгар зимней безнадежности.

Где-то вдалеке громыхнул гром, и Дункан инстинктивно притянул Сабрину еще ближе. Небеса рассекла молния, и он, раздвинув языком губы Сабрины, проник внутрь. Окружающее внезапно исчезло, остались только они, гроза и… страсть, внезапно вспыхнувшая между ними.

Немного придя в себя, Дункан едва не согнулся под тяжестью стыда, смущения, угрызений совести и еще чего-то вроде страха. Это Арчи виноват в том, что заставил его увидеть в Сабрине женщину. Как же теперь жить, ведь этот дурацкий поцелуй может стоить ему такой драгоценной дружбы?!

Он опустил руки и отступил, слишком растерянный, чтобы взглянуть на нее. Скорее уйти, прежде чем она произнесет роковые слова, которые навсегда разорвут отношения между ними! Но сначала он должен извиниться. Нельзя оставить ее в уверенности, что он на самом деле такой варвар, как о нем судачат!

— Этого не должно… — Дункан едва не застонал. Впервые в жизни он не мог найти слов. — Прости, девочка. Не знаю, почему я это сделал, но обещаю — больше такого не повторится.

Глава 26

Когда Дункан ушел, Сабрина долго стояла как в тумане, не в силах прийти в себя после поцелуя Дункана. Только через некоторое время она сообразила, что дрожит от холода, но отправилась не в комнаты, а в конюшню — поискать кучера, который их привез. К счастью, он оказался на месте, согласился отвезти Сабрину домой и подождать, пока она переоденется. Тетушкам лучше не знать, как она промокла, тогда не придется ничего объяснять. Да и что тут можно объяснить, когда Сабрина сама не поняла, как все это произошло.

Дункан потряс ее своим поцелуем до глубины души, а потом поклялся, что этого больше не повторится. Что ей теперь думать? Неужели это лишь досадная случайность, минутное помешательство, следствие того, что они оказались на улице в грозу? Бури успокаивали ее, зато его, очевидно, возбуждали. Еще бы — гнев матери природы во всем ее великолепии! И верно, в беспощадной буре было нечто примитивное, способное разжечь плотские , страсти в любом мужчине.

Но сейчас Сабрина жалела, что он сделал это. Узнав, как чудесны, как волнующи его поцелуи, она не сможет больше жить спокойно, как прежде, когда ничто не тревожило ее сердца. Правда, по сравнению с тем ошеломляющим открытием, что она имела глупость влюбиться в

Дункана, все ее волнения ничего не стоят.

Сабрина уже ничему не удивлялась. Следовало давно догадаться, что с ней творится, но она упрямо пыталась отмахнуться от очевидного. Наверное, потому, что знала, каким несчастьем окажется для нее любовь к Дункану. Ей не на что надеяться. Она никогда не получит его, и страшно подумать, что с ней станется, когда он поведет к алтарю другую! Если бы им хотя бы не приходилось так часто видеться… Но, к несчастью, они живут по соседству, а значит, она будет встречать не только Дункана, но и его жену, а позже — и детей.

Сабрина опоздала к обеду, но ничего страшного не произошло: как и за завтраком, не все подходили к столам одновременно, а кроме того, у нее просто не было аппетита: противоречивые эмоции раздирали ее, не оставляя места более простым ощущениям.

Она медленно побрела в гостиную, где сидели тетушки. Они уже поели и рассеяно осведомились о том, как провела день племянница и где успела найти новое платье. Сабрина ловко вышла из положения, пробормотав что-то о необходимости переодеваться к обеду. Тетушки не стали ее расспрашивать, очевидно, придя к собственным заключениям, как и ожидала Сабрина. Ей не пришлось лгать. Зато они поспешили сообщить ей весьма интересную новость. Элис опередила Хилари, радостно воскликнув:

— Офелия решила переехать сюда и уже послала к нам за своими вещами.

Но Сабрина удивилась не тому, что Офелия, получив приглашение, собирается обосноваться в Саммерс-Глейд.

— Неужели здесь еще остались свободные комнаты?

— Ни одной, но здесь гостят ее подруги, которые и предложили разделить с ней постель.

— Представить не могу, зачем ей тесниться здесь, когда у нас она жила в отдельной спальне, а до Саммерс-Глейд — десять минут езды, — вставила Хилари.

Зато Сабрина хорошо понимала мотивы Офелии:

— Живя здесь, она не пропустит ничего важного. Она не добавила, что Офелия не могла жить без восхищения поклонников, обожателей, подруг, которые смотрели ей в рот, ловя каждое слово. Недобрые мысли лучше держать при себе.

Элис сообщила племяннице:

— Все считают, что, поскольку ее пригласили, значит, ссора между Ридами и Теккереями улажена. Уверяют даже, что Дункан передумал и снова сделает ей предложение. Как, по-твоему, не стоит объяснить, что Офелия тут только потому, что пригласили тебя, а она просто гостила в это время у нас?

Сабрина подавила горестный вздох. Ей абсолютно безразлично все, что говорят об Офелии, но открыть людям глаза и потом мучиться оттого, что по ее вине кто-то сделается всеобщим посмешищем? Ни за что!

— Вероятно, пожелай лорд Невилл, чтобы гости узнали правду, он все рассказал бы сам. Нам вряд ли стоит вмешиваться в подобные дела. Пусть остальные думают, что хотят. Вы не хуже меня знаете, что так и будет, — заметила она и, желая поскорее уйти от щекотливой темы, сказала:

— Вероятно, пожелай лорд Невилл, чтобы гости узнали правду, он все рассказал бы сам. Нам вряд ли стоит вмешиваться в подобные дела. Пусть остальные думают, что хотят. Вы не хуже меня знаете, что так и будет, — заметила она и, желая поскорее уйти от щекотливой темы, сказала:

— Я слышала, сегодня вечером устраиваются танцы. Это правда?

— Разумеется, — подтвердила Элис. — Но совсем ни к чему спешить домой и гладить бальные платья. Наверняка никаких особых торжеств не ожидается. Все будет очень просто.

— Так и должно быть, — кивнула Хилари. — При таком количестве гостей совершенно невозможно подготовиться к назначенному времени. Можешь представить, что творится, когда восемь женщин в одной спальне требуют вынуть восемь бальных туалетов, а восемь горничных пытаются одеть своих хозяек? Немыслимо! Ничего не выйдет, кроме ужасной толкотни и громких скандалов!

Живо вообразив мечущихся дам и запуганных горничных, Сабрина улыбнулась:

— Должно быть, это весьма забавно.

— Ты уже знакома с лордом Арчибальдом Мактавишем, дорогая? — осведомилась Элис.

— Нет, но я слышала, что он приехал, — отозвалась Сабрина. — А ты?

— Пока нет. Надеялись увидеть его сегодня.

— Это она надеялась, — поправила сестру Хилари. — Вбила себе в голову, что вдовый Мактавиш ищет новую жену. Сабрина насмешливо приподняла брови:

— Как, тетя Элис, ты решила выйти замуж? Элис вспыхнула и бросила негодующий взгляд на Хилари:

— Разумеется, нет. Но мне пришло в голову, что теперь, когда его внук перебрался в Англию, он останется совсем один в суровых шотландских горах.

— Но мы не знаем, как он живет, — возразила ей сестра. — Может, в его доме полно родственников!

— Если верить Дункану, там никто не обитает, кроме хозяина, — настаивала Элис, злорадно усмехаясь. Наконец ей удалось взять верх над Хилари!

Сабрина решила задушить ссору в самом зародыше, прежде чем она разгорится с настоящей силой, а заодно удовлетворить свое любопытство.

— Ты говорила с Дунканом? — удивилась она.

— Да, сразу после обеда, хотя и недолго. Бедный мальчик чем-то расстроен. Спросил, где ты, а я не смогла ответить. Видимо, как раз в это время ты уехала домой переодеться.

— Наверное, — неловко пробормотала Сабрина и тут же попыталась скрыть смущение, небрежно спросив:

— Он сказал, зачем ищет меня, или хотел узнать просто так, от нечего делать?

— Не сказал, но разве так уж странно, что он старается проводить с тобой время? Тебе не мешало бы найти его и узнать, в чем дело.

— Верно, — поддержала Элис Хилари. — Тут нет ничего странного, ведь что ни говори, а ты его соседка.

Сабрина с подозрением уставилась на тетушек, почувствовав неладное.

— Если для него это действительно важно, он сам подойдет ко мне. А пока не советую вам строить несбыточные планы. Дункан видит во мне только друга. Соседям следует поддерживать приятельские отношения, знаете ли.

Глядя вслед племяннице, Элис заметила:

— Обратила внимание, как она старательно это подчеркивала?

— Даже слишком, — согласилась Хилари. — Все равно она ему нравится.

— Я-то вижу, да вот она не хочет, — вздохнула Элис, задумчиво нахмурившись.

— Не можешь же ты винить ее за это после неудачного дебюта в Лондоне?

— Ну какая это неудача! Просто…

— Настоящая беда!

— О, Хилари, хоть раз в жизни не нужно спорить, особенно теперь, когда так много поставлено на карту! Если Сабрина воображает, будто Дункан всего лишь хочет быть ее другом, значит, не заметит никаких намеков на более пылкое чувство с его стороны. Нам следует убедить ее, что у нее есть шансы на прекрасную партию.

Глава 27

Офелия почти не смутилась, увидев, что она единственная из всех дам надела бальное платье. Правда, она непременно переоделась бы, если бы поняла это чуть раньше, но была уже на полпути к бальной зале. Кроме того, девушка была слишком занята, высматривая Рэйфела Лока, чтобы обращать внимание на наряды окружающих.

Но минутная неловкость туг же прошла при мысли о том, как великолепно она выглядит. Все остальное значения не имеет. Она будет сиять, словно солнце, как и следует быть. Краса других женщин поблекнет на фоне ее собственной.

Офелия еще так и не встретилась с наследником Локов, а увидев, что Мейвис не собирается уезжать, ужасно обозлилась. Этой предательнице следовало бы убраться восвояси. Но как бы Офелия ни пыталась очернить бывшую подругу, та все-таки осталась. Ничего, она еще добьется, чтобы Мейвис умчалась домой, рыдая и поджав хвост!

Но тут она неожиданно увидела Рэйфела, что-то говорившего Сабрине. Как? Опять?! Невыносимо! Что находят в этой простушке Дункан и Рэйфел? Что их привлекает? Разумеется, не внешность! Мейвис утверждает, что Сабрина остроумна. Какая чушь! Вернее всего их притягивает нечто запретное, то, чего они не в силах добиться от других девушек… Да, именно

так! Кто бы подумал, что эта маленькая деревенская мышка окажется такой распутницей? А почему нет? Все равно у нее нет никаких шансов найти мужа, так что репутация не должна ее волновать!

Офелия подобралась поближе, надеясь, что ее не остановит очередной поклонник. На этот раз ей повезло, и она без помех сумела подойти к парочке. Мимолетно улыбнувшись Сабрине, она одарила лорда Лока застенчивым взглядом, который делал ее чрезвычайно привлекательной. Офелия знала это, поскольку часами стояла перед зеркалом.

— По-моему, я еще не имела удовольствия познакомиться с джентльменом, — обронила она. — Не окажешь мне честь, Сабрина?

— Разумеется, — кивнула Сабрина с лукавой улыбкой. — Леди Офелия, позвольте представить вам Рэйфела Лока, наследника славного семейства Локов, последнего из длинной линии герцогов, будущего обладателя этого титула… Если какая-нибудь женщина не пристрелит его раньше за склонность к бессовестному флирту.

Как ни странно, лорд Лок, вместо того чтобы оскорбиться, как ожидала Офелия, громко рассмеялся. Но что еще ему оставалось? Не мог же он показаться грубым при знакомстве с Офелией? Должно быть, бедняга унижен до глубины души столь дерзким нарушением этикета. Что подтолкнуло Сабрину молоть подобный вздор?!

— Не верю ни единому слову, — прощебетала Офелия, снова завладев вниманием Рэйфела.

— О, все это чистая правда, по крайней мере в той части, что касается флирта. Но насчет «бессовестного»… Это уж слишком. Заверяю, я умею ухаживать за дамами и притом вполне безвреден!

О, как он галантен! Как это мило с его стороны! Ему следовало бы поставить Сабрину на место, как сделала бы Офелия. Она уже хотела вмешаться, но в этот момент Сабрина собралась их покинуть, а поскольку именно этого и хотелось Офелии, та придержала язык.

— Прошу прощения, — извинилась Сабрина, — но, похоже, моих тетушек нужно срочно выручать.

Рэйфел, уже успевший познакомиться с ее родственницами, взглянул туда, где они стояли, и энергично запротестовал:

— Но им ничего не грозит! Милые дамы мирно беседуют!

— Вот именно, — усмехнулась девушка. — Если бы вы знали их лучше, то поняли бы, что временами их просто необходимо спасать от них самих. Даже на балах и праздниках они и пяти минут не могут провести спокойно, чтобы не поссориться. Не важно, из-за чего. Стоит одной сказать слово, как другая немедленно бросается в атаку.

— Что ж, если вам захотелось играть роль ангела примирения, ничего не поделаешь, — преувеличенно тяжело вздохнул Рэйфел. — Но учтите — я запомнил, как ловко вы уклонились от моего приглашения на танец. Будьте уверены, так просто я не сдаюсь!

Сабрина, покраснев, все же ускользнула. Офелия едва не фыркнула, но вовремя сдержалась. Деликатность — вот главное качество хорошо воспитанной дамы! Но она мысленно поклялась себе сделать все, чтобы эти двое не смогли потанцевать!

Наконец-то она осталась одна с Рэйфелом, причем в достаточном отдалении от других гостей. Значит, можно свободно разговаривать, без опасения, что их подслушают. И будущий герцог ведет себя именно так, как подобает аристократу! Голубые глаза медленно скользят по ней, не пропуская ни единой детали туалета, ни малейшей черточки. Офелию ничуть не смущал подобный осмотр. Она давно привыкла, что мужчины беззастенчиво рассматривают ее. По правде говоря, она ожидала этого с самого начала!

— Вы поразительно красивы, — констатировал наконец Рэйфел, но отнюдь не благоговейно, а просто с некоторым изумлением. — Но вы, наверное, слышите подобные комплименты часто и почти не обращаете на них внимания.

Это было чистой правдой, но как можно признаться в таком?! Скромность и еще раз скромность — вот вторая заповедь дамы!

— Напротив, женщина никогда не устает слушать похвалы, особенно от красивых джентльменов вроде вас.

Рэйфел сразу насторожился, Офелия поняла, в чем дело, лишь когда он без обиняков заявил:

— Боюсь, на этот раз, леди, вам не удастся одержать победу. Мужчины моей семьи предпочитают выбирать жен сами, а не выступать в роли добычи охотниц за мужьями.

Офелии следовало бы обидеться, но сейчас было не до того. У нее иная цель.

— О, лорд Лок, о чем вы? Надеюсь, вы не считаете, будто я стремлюсь выйти за вас только потому, что нахожу красивым? Поверьте, я такого же мнения о многих мужчинах, а если они превозносят меня, считаю должным вернуть комплимент, причем без всякой задней мысли.

— Превосходно! — оживился Рэйфел. — Рад это слышать. Искренне рад.

Вот теперь ему не мешало бы сконфузиться, хотя бы для приличия, но, очевидно, собственные ошибки ничуть его не смущали. Он скептически ухмыльнулся. Но какая разница, все равно ему не уйти. Он женится на ней, это уже решено. Офелия поняла, что Рэйфел Лок самая подходящая для нее партия. Молод, очень красив, богат и к тому же сын герцога! Чего еще желать? Но она не потерпит его дружбы с Сабриной. Любовница она ему или нет, ей придется посторониться. Офелия об этом позаботится!

— Вам не стоит быть столь неосторожным, — заговорщически прошептала она.

— Неосторожным? Но в чем? Умоляю, откройте секрет!

— Понимаю, соблазнить Сабрину вовсе не так уж трудно, но неужели вы совсем не заботитесь о ее репутации, выставляя напоказ ваши отношения?

Реакция Рэйфела оказалась вовсе не такой, как ожидала Офелия. Любой мужчина незамедлительно заверил бы, что между ним и Сабриной ничего нет. И не важно, правда это или ложь, все равно так поступил бы истинный джентльмен. Ну а потом… он избегал бы Сабрины, лишь бы подозрения не подтвердились, и, уж во всяком случае, близко не подошел бы к ней на людях.

Рэйфел Лок вдруг отпрянул от Офелии, словно обжегшись, и ошеломленно уставился на нее. По его щекам медленно разливалась краска. Судя по исказившемуся лицу, он разозлился до такой степени, что быстро пошел прочь. Однако, что-то сообразив, так же торопливо вернулся

и с гневным изумлением прошипел:

— Господи, до чего же вы мерзкая сплетница! Я уже слышал это, но поверить не мог, что женщина способна быть столь злобной змеей! К моему прискорбию, это оказалось правдой! Но предупреждаю, леди Офелия, если вы еще раз попытаетесь очернить Сабрину в глазах света, особенно подобной гнусной ложью, я уничтожу вас. Надеюсь, вы поняли? Я сделаю все, чтобы вас больше никогда не принимали в приличном обществе. И никакая красота не спасет вас, дорогая, клятвенно обещаю это.

После этих слов он удалился окончательно, держась неестественно прямо. Нужно отдать Рэйфелу должное — во время яростной тирады он ни разу не повысил голоса, но сама мысль о том, что он посмел говорить с ней подобным образом, даже угрожать… да еще и защищать такое ничтожество, как Сабрина, была поистине невыносима. Что ж, теперь она не удостоит его и взглядом! Глупец собственными руками разрушил свое счастье, упустив шанс получить идеальную жену!

Значит, остается Дункан Мактавиш.

Офелия сокрушенно покачала головой. Ей не очень хотелось выходить за него, но он не так ужасен, как она боялась. Просто отличается от других своим выговором, цветом волос, непредсказуемостью… но все же он довольно красив, и другие женщины считают его завидным женихом. Следовательно, упускать Мактавиша не стоит.

Но как же тяжело иметь дело с этим тупым шотландцем! Подумать только, он даже не сообразил, что вчера она перед ним извинялась! Ей придется быть вдвойне терпеливой, чтобы снова не задеть его гордость! Но все же он хотел, чтобы она вернулась, это очевидно, иначе ее бы здесь не было. Он лишь притворяется, что равнодушен, лелеет обиду, а сам пытается сообразить, как вернуть невесту, не показывая, что готов ее простить.

Так и быть, Офелия поможет ему, притворившись, что их ссора забыта. Конечно, было бы куда забавнее позволить Мактавишу страдать — он того заслуживает, ведь не покаялся перед ней сразу. Но здесь собралось чересчур много молодых хорошеньких девиц, которым необходимо дать понять — у них нет ни малейшего шанса. Офелия не желает больше ловить кокетливые взгляды, бросаемые в сторону Дункана! Пусть не смеют строить ему глазки!

Что же до истории с Сабриной… Дункан просто хотел заставить Офелию ревновать, поскольку наверняка знал, что она об этом услышит. Словно можно завидовать такой, как Сабрина! Смешно! Но теперь Офелия по крайней мере поняла, что у Дункана на уме.

Глава 28

Теперь, когда гости прожили в Саммерс-Глейд несколько дней и Дункана представили всем, а некоторым и по два раза, они более не сторонились «чужака». Постепенно Дункан стал своим в светском обществе.

Глава 28

Теперь, когда гости прожили в Саммерс-Глейд несколько дней и Дункана представили всем, а

некоторым и по два раза, они более не сторонились «чужака». Постепенно Дункан стал своим в светском обществе.

Уже вечером он обнаружил, к чему это привело. Теперь он не мог перейти из комнаты в комнату без того, чтобы его на каждом шагу не остановил очередной гость, жаждущий поболтать. Дункан стал с тоской вспоминать время, когда все опасливо обходили его стороной.

Выражение дружеских чувств продолжалось до самой ночи. Он пытался добраться до бальной залы, где рассчитывал найти Сабрину и исправить свой грубый промах, но не все гости хотели танцевать, и многие разбрелись по всем комнатам. Им ничего не стоило притащить его в гостиную, чтобы уладить ссору или впутать в спор, который, по их мнению, было невозможно разрешить без него. Не желая показаться грубым, хотя и едва сдерживаясь, Дункан учтиво кивал, что-то говорил и застревал на каждом шагу, так что прошло добрых два часа, прежде чем он наконец добрался до бальной залы. Но и тут все пошло не так, как он ожидал.

Дункан сразу заметил стоявшую в другом конце комнаты Сабрину. При этом взгляд его равнодушно скользнул поверх головы Офелии, которая, разумеется, не пропустила такой, по ее мнению, оплошности. К сожалению, и здесь нашлись люди, жаждавшие услышать мнение Дункана по тому или иному предмету, так что к тому времени, как ему все-таки удалось приблизиться к Сабрине, раздражение выплеснулось наружу.

— Вот и вы, — ворчливо приветствовал он. Сабрина со своей обычной проницательностью сразу поняла причину его дурного настроения.

— Не привыкли к такому успеху в обществе? — засмеялась она.

— Дело не в этом. В Шотландии мы не привыкли болтать попусту, ради того, чтобы дать работу языку. Уж если говорить, так о вещах серьезных!

— Понятно, — кивнула она, по-прежнему улыбаясь. — Должно быть, вам трудно выносить мою трескотню, ведь до сих пор наши беседы были довольно легкомысленны.

Дункан, покраснев до корней волос, постарался исправить положение:

— Я вовсе не имел в виду…

— Ах, лучше молчите, Дункан, — мягко упрекнула она. — Вы отлично знаете, что я шучу.

Дункан вздохнул. Она права, ему следовало бы привыкнуть к ее манере поддразнивать собеседника. Но он ожидал большей сдержанности, а может, и обиды после того, что произошло на балконе. Внезапно он подумал, что не может представить по-настоящему разгневанную, кричащую на него Сабрину, со сверкающими глазами, искаженным лицом… Как, должно быть, чудесно видеть эти фиалковые очи, исполненные жаркой страсти…

Дункан поспешно отвернулся, чтобы она не поняла, о чем он думает. К сожалению, при этом его взгляд упал на Офелию. В значении улыбки, которую та ему послала, ошибиться было невозможно. Мисс Рид тут же направилась к ним. Дункан мгновенно сообразил, что пока он рядом с Сабриной, у Офелии остается благовидный предлог подойти.

— Я еще вернусь, — бросил он Сабрине, поспешно исчезая среди гостей.

Однако это произошло не так скоро, как ему хотелось бы. Кроме того, он с запоздалым сожалением осознал, что не имеет никакого смысла бегать от Офелии только потому, что

самый ее вид ему ненавистен. Нельзя скрываться от человека, живущего в твоем доме. Лучше с самого начала дать ей понять, чтобы держалась подальше от него, если уж она не желает замечать его подчеркнутого равнодушия.

— Похоже, я кругом виноват перед вами, — признался он через некоторое время Сабрине, стоявшей у стола с закусками.

— Ну… не кругом, — усмехнулась она, — только по семи пунктам, если быть точной.

Что еще за странные пункты? И судя по серьезному лицу, на этот раз она не шутит.

— Ну и ну! Что еще я успел натворить?

— Во-первых, даже не подумали пригласить меня танцевать. Во-вторых, попросить прощения за то, что посчитали, будто вам есть за что извиняться. В-третьих, нельзя так удивленно пялить глаза, когда кто-то вас дурачит, потому что этот «кто-то» в самом деле посчитает вас… ну, сами понимаете кем.

— И что тогда? — удивился Дункан, отказываясь понять причудливый ход ее мыслей.

— Что? Да то, что глаза могут в самом деле выкатиться и упасть прямо на пол! Не дай Бог, еще разобьются! — без малейшего намека на улыбку пояснила девушка.

Именно потому, что она с неподдельной наивностью взирала на Дункана, смех, вырвавшийся из его груди, неожиданно для него самого оказался таким громким. Но его ничуть не заботили пристальные взгляды окружающих. Опять она умудрилась несколькими словами снять накопившееся за день напряжение, успокоить растревоженную душу.

— Когда-нибудь я расспрошу о последних четырех пунктах.

— Прекрасно, мне необходимо больше времени, чтобы дать волю фантазии. Знаете, я способна быть ужасно, просто ужасно глупенькой, если захочу.

Дункан широко улыбнулся:

— Но я все же извинюсь за то, что бросил вас одну на балконе, а не проводил домой и не подождал, пока вы переоденетесь. Такой неучтивости нет прощения. Я чересчур поздно понял это, но, когда вернулся в бальную залу, вас уже не было.

— Какой вздор! Можно подумать, для этого мне нужно было ехать в Лондон! Вы, кажется, забыли, что я живу буквально за углом! Именно поэтому вы были так расстроены сегодня? — И в ответ на вопрошающий взгляд Дункана, она пояснила:

— Тетушкам так показалось.

— Ну, да, они в чем-то правы. Любому на моем месте было бы не по себе. Видите ли, мои престарелые родственники надеются, что я найду себе жену в самое ближайшее время, и день и ночь твердят об этом. Фактически выхода у меня нет: либо разочаровать их, либо страдать всю жизнь, оттого что когда-то принял поспешное решение. Так что победителей в этом споре не будет. Мне безразличны чувства Невилла, но не хотелось бы обидеть Арчи. Правда, он ужасно настырный, но разве можно сказать это в лицо старому упрямому шотландцу?!

— Да, в хороший переплет вы попали, — отозвалась Сабрина задумчиво. — Но возможно, если

бы вы не старались так отчаянно принять это важное решение, оно далось бы вам легче.

— Конечно, и сегодняшний день выдался солнечным, — иронически вторил Дункан.

Поскольку дождь лил как из ведра, Сабрина сочла должным пожурить собеседника:

— Не стоит быть таким скептиком, это не столь уж плохой способ. Я не раз замечала, что чем меньше мучаюсь какой-то проблемой, тем скорее нахожу ответ. Разумеется, это бывает далеко не всегда, но я тем не менее стараюсь тревожиться, когда случаются неприятности. Иногда кое-что устраивается без всяких усилий с моей стороны. Жаль только, что не все.

— Для философа вы слишком молоды.

— Вы так считаете? — притворно удивилась она. — Это лишь детская логика, которую большинство взрослых предпочитают забыть, едва достигнув совершеннолетия.

— Для философа вы слишком молоды.

— Вы так считаете? — притворно удивилась она. — Это лишь детская логика, которую большинство взрослых предпочитают забыть, едва достигнув совершеннолетия.

Дункан весело хмыкнул. Ах, его новообретенный друг — настоящее сокровище. Кроме того, ей очень идет простое синее платье, оттеняющее необычный цвет глаз, в которых так и пляшут веселые искорки. Она упомянула о танцах в шутку, но Дункан в самом деле хотел танцевать с ней и вдруг понял почему — ему не терпелось коснуться ее.

Он вздохнул. Нет, нужно выбросить из головы подобные мысли. Он совершенно не интересует Сабрину в этом смысле. Ее глаза ни разу не загорелись страстью. Она считает его своим приятелем. Ничего себе приятели При каждом удобном случае готов наброситься на нее! Если он не возьмет себя в руки, не справится с внезапным увлечением, то непременно отпугнет Сабрину. И как бы ему ни хотелось украсть у нее поцелуй-другой, он не пожертвует тем, что ценил превыше всего на свете, — их отношениями.

Но потанцевать с Сабриной он может, тут нет ничего страшного. Пусть она и не говорит этого вслух, все же наверняка надеется, что он покружит ее по зале. Всего один танец, а потом ему придется заняться поисками жены.

Глава 29

— Вы выйдете за меня, Сабрина?

Наверное, он специально дожидался, пока они поплывут в танце, чтобы задать свой ошеломляющий вопрос. Понимал, что иначе она просто уйдет и бросит его одного, как он того заслуживал. Даже сейчас она споткнулась и едва не упала. В конце концов, это не смешно! Брак — не предмет для шуток, во всяком случае, откровенных.

— Не говорите вздора, — выговорила она, собравшись с силами. — Вы прекрасно знаете, что мы друг другу не подходим. Кроме того, ваша семья не примет такую невесту! Можно подумать, вам и без меня это не известно!

— Если других возражений у вас нет, можно назначать день свадьбы.

Сабрина возвела глаза к потолку. Опять он дурачится. Жаль только, что она не может разделить с ним веселье. Нет, если бы он говорил серьезно, она была бы невероятно польщена. Но чтобы такой завидный жених обратил внимание на невзрачную дурнушку, да еще и с пятном на имени! Старый скандал обрел новую жизнь, и большинство семейств, особенно те, которые гордились безупречным прошлым и знатными предками, наверняка вычеркнули ее из списка возможных кандидаток в жены для своих сыновей.

Кроме того, сегодня днем Сабрина, придя к печальному заключению, что ее любовь безответна, решила никогда не выходить замуж. Идти к алтарю с другим — несправедливо по отношению к будущему мужу, даже если им станет Рэйфел Лок, заслуживший наказание за то, что так легкомысленно относится к столь важному предмету, как брак.

— Почему вы мне не верите? — допытывался Рэйфел, не дождавшись ответа.

— Я не слепая, Рэйф, и знаю, что далеко не красива, — смущенно пробормотала она. Но Рэйфел, отмахнувшись, объяснил:

— Какое это имеет значение? Лучше вас я никого не встречал и предпочитаю жениться на девушке, которой искренне восхищаюсь, чем на чопорной надменной леди, которая все свое свободное время проводит перед зеркалом!

— Признаюсь, — рассмеялась Сабрина, — что не очень люблю зеркала. Но если бы и поверила вам, все равно сказала бы «нет».

— Почему?

Как объяснить ему, не открыв правды? Сабрина решила вместо этого пойти в атаку:

— Вы ничуть не опечалены моим отказом. А это самое верное доказательство, что ни о какой любви не идет речи.

— Ну… в общем, верно, зато вы мне очень нравитесь, и, думаю, любовь со временем расцветет пышным цветом. Она презрительно фыркнула:

— Глупости! К чему надеяться на то, чего может никогда не произойти, вместо того чтобы дождаться настоящего чувства? Зачем жениться таким молодым, да к тому же не по любви, если никто вас не принуждает?

Рэйфел бросил на нее уязвленный взгляд:

— Неужели так уверены, что не полюбите меня?

— Поскольку я не дала ни малейшего повода сомневаться в полном равнодушии к вам, неужели вы до сих пор не поняли, что мои чувства отданы другому?

— Вот как?! Значит, собираемся признаться в любви какому-то счастливчику?

Сабрина с подозрением уставилась в торжествующее лицо Рэйфела. Уж очень он возликовал! С чего бы это?!

— О чем вы? Надеетесь на слезную исповедь, которая…

— Ну-ну, только не говорите того, о чем позже пожалеете. Поверьте, я надеюсь, что двое симпатичных мне людей очнутся и увидят истину, пока не поздно.

Сабрина впервые увидела, каким серьезным может быть Рэйфел Лок. Он словно снял обычную шутливую маску и стал еще привлекательнее.

— И кто же эти люди?

— Вы, разумеется, и тупоголовый горец, — просто ответил он.

Сабрина мучительно покраснела. Господи, когда он успел проникнуть в ее чувства? Ведь она сама догадалась только сегодня днем. Неужели ее тайну так легко раскрыть? Может, она слишком пристально смотрит на Дункана? Чересчур нежно улыбается? Страшно подумать, что и другие заметили… Или все потому, что она столько времени провела с Дунканом накануне? Если это так, значит, все это только предположения Рэйфела, но она себя не выдаст!

— Ошибаетесь, — бросила она. — Мы с Дунканом лишь приятели.

Лок ничего не ответил, но скептическая улыбка говорила сама за себя. Его продолжительное молчание вынудило Сабрину объясниться. Рэйфел, очевидно, ей не поверил, хотя это было чистой правдой, по крайней мере во всем, что касалось Дункана. Ее собственные безответные чувства в расчет не брались.

— В толк не возьму, с чего вы это взяли? — добавила она. — Дункан жаловался мне, как трудно выбрать жену среди тех девушек, что съехались сюда. Я собиралась посоветовать ему присмотреться к вашей сестре. Чудесная девушка. Это наверняка вас обрадует, тем более что вы симпатизируете Дункану.

— Да, — усмехнулся Рэйфел, — и именно поэтому я ни за что не навязал бы ему свою сестрицу. Поверьте, она в первый же месяц сведет его с ума.

— Чушь, — возразила Сабрина. — Вы обожаете сестру. Да и как иначе, ведь она просто очаровательна! Неотразима! Может, это ваши постоянные издевки так на нее влияют и из-за этого она кажется глупее, чем есть на самом деле?

— Возможно, — улыбнулся Рэйфел, — но вряд ли дело в этом. Пусть он сейчас танцует с ней… — Лок кивнул в сторону державшейся поблизости пары, — но поверьте человеку, который разбирается в таких вещах: моя младшая сестрица ничуть его не интересует.

— А что же, спрашивается, заставляет вас думать, будто его привлекаю я?

— Возможно, то, что он постоянно ищет вас взглядом. Или то, что он явно злится на меня из-за того, что я танцую с вами. Посмотрите на эту хмурую физиономию! Офелия здесь, хотя Дункан видеть ее не может. Но все же он пригласил ее, ибо без нее вы бы не приехали! Это еще одно доказательство моей правоты.

Сабрина ошеломленно уставилась на него.

— Ошибаетесь, — вздохнула она. — Вы ведь не знаете всех обстоятельств.

— Каких именно?

— Разве вы еще не поняли? Такой уж у меня талант — производить на некоторых людей совершенно неожиданный эффект. И я усердно его совершенствую.

— О чем вы? — с недоумением нахмурился Рэйфел.

— Со мной легко. Я способна шутить и смеяться, пока все, что тревожит людей: заботы, беды, раздражение, гнев и тому подобное — не рассеется, как мрачный туман. Поразительно, какие чудеса может творить обыкновенный каламбур! Лучшее лекарство от неприятностей? Вспомните, как страдал Дункан, оттого что был вынужден уехать из родных мест и жить в чужом доме. Кроме того, оба деда донимают беднягу, вынуждая поскорее выбрать жену. И честно говоря… — Она перешла на шепот:

— По-моему, он не очень любит лорда Невилла. Я, разумеется, не имею права спрашивать, в чем тут причина, но, судя по некоторым замечаниям, так оно и есть.

— И что вы хотите этим сказать? Сабрина укоризненно покачала головой:

— Можно подумать, вы не поняли! Дункан постоянно расстроен, сердится, а я могу заставить его на время забыть о неприятностях, вот и все. Как считаете, часто вы прибегали бы к помощи друга, если бы знали, что наутро вас ждет гильотина?

Рэйфел негромко рассмеялся:

— Не в бровь, а в глаз! Придется мне уложить вас в сундук и захватить при отъезде с собой.

— А вот у Дункана есть преимущество! Не нужно ему никого укладывать, потому что я живу рядом! В случае необходимости он всегда может приехать и попросить совета.

— При условии, что вы всегда будете к его услугам. Но если вы вздумаете выйти замуж и уехать? Об этом он подумал?

— Нет, да и зачем, когда он уверен, что я последую по стопам тетушек и останусь старой девой?

— Господи, какая глупость! — воскликнул Лок. — Неужели вы действительно уверены, что тот дурацкий скандал помешает умному, хорошему человеку жениться на вас, если он действительно влюбится?

— Разумеется, помешает, ведь основная цель брака — иметь наследников, а если верить сплетникам, я не проживу достаточно долго, чтобы родить сына.

Рэйфел презрительно усмехнулся:

— Можно подумать, вы собираетесь по собственной воле отправиться на небо! Да кто этому поверит, когда вы так и искритесь радостью жизни? Вы и меланхолия — вещи несовместные!

Сабрина удивилась:

— Да, но почему вы так уверены, что, кроме нас двоих, найдется еще кто-то, обладающий хоть толикой здравого смысла?

— Что ж, тут вы правы, особенно если взглянуть на это с вашей точки зрения. Правда, согласись вы выйти за меня… не всерьез, заметьте, а только для того, чтобы посмотреть, как поведет себя Дункан… Что скажете?..

— Думаю, он первым поздравит меня и пожелает счастья, если вообразит, что именно этого я хочу.

— Не согласен, — покачал головой Рэйфел. — Скорее всего он потеряет рассудок от ревности,

недаром исходит злостью, видя, что я танцую с вами. Ну как, хотите все выяснить?

— Вы сами не знаете, что говорите. Кроме того, и между друзьями может быть ревность. Неужели сами не испытывали ничего подобного, когда лучший друг, забыв о вас, веселился с приятелями? Ревность не всегда верный признак любви, скорее наоборот. Зависть временами принимает самые различные формы.

— Конечно, — нетерпеливо бросил он, — но все же почему бы не попробовать? Ни вашей репутации, ни моей это не повредит, а позже вы объясните всем, что передумали и не хотите выходить за меня.

— Дело в том, что какой-то молодой человек может заметить меня и сделать предложение, но этого не произойдет, если в глазах окружающих я буду вашей невестой. Правда, вряд ли такое случится, но все же некоторая возможность существует, и я не хочу ее терять из-за глупого недоразумения.

Рэйфел со вздохом повел ее прочь от танцующих.

— Подумайте о моем предложении, Сабрина. Сами знаете, никому это не повредит, и к тому же вы наверняка будете приятно удивлены результатами.

Глава 30

Подумать?! Вечер для Сабрины превратился в пытку. Какое искушение! А вдруг Рэйфел не ошибся и Дункан просто не понял, что любит ее? Достаточно вспомнить о том поцелуе. Дункан смутился и расстроился, но почему же в таком случае поцеловал ее, если их связывают чисто дружеские отношения?

Но здравый смысл все же взял верх. Она не сможет принять предложение Рэйфела. Это настоящий обман, пусть и во благо Дункана. Сабрина не способна на подобные поступки. Хотя в устах Рэйфела все и звучит логично, но эта логика не по ней. Притворство и хитрые игры не в ее натуре.

Окончательно Сабрина отбросила эти мысли после разговора с Офелией.

— Заметила, как он пытается заставить меня ревновать? — промурлыкала она. — Конечно, это ужасно глупо с его стороны, но нельзя же так прямо и выложить бедняге все, что я думаю! Он ни за что не признается, как и всякий на его месте!

Офелия ухитрилась подобраться так бесшумно, что ее неожиданная реплика испугала Сабрину. Несколько мгновений она молчала, пытаясь прийти в себя. Обычно она сразу включалась в разговор, но поскольку совсем недавно говорила с Рэйфелом именно о ревности, та же тема, но в других устах ненадолго сбила ее с толку.

— Кто именно? — выпалила она, мгновенно пожалев о собственной неосторожности. Как жаль, что нельзя вернуть спорхнувшее с губ слово. Теперь она выдала себя с головой. И много бы дала за то, чтобы последующей беседы никогда не было.

— Как кто? Дункан, разумеется, — спокойно пояснила Офелия. — Да ты, кажется, удивлена?

Сабрина вовсе не удивилась, но Офелия, похоже, ожидала от нее именно этого и, не обращая ни на что внимания, добавила:

— Надеюсь, ты не считаешь, что он уделял тебе столько внимания, потому что влюбился с первого взгляда? Дорогая, а я-то думала, ты сообразительнее!

— Ничего такого мне в голову не приходило, — вскинулась Сабрина и поморщилась от звуков собственного голоса. Кажется, она оправдывается? Как жалко, должно быть, она выглядит со стороны! — Мы с Дунканом просто друзья.

— Можешь думать все что угодно, это лишь показывает, насколько ты наивна. Заверяю: он притворяется. Надеется, что я замечу ваше воркование и сгорю от ревности.

Удар попал в цель, на что, очевидно, и рассчитывала Офелия. Пусть Сабрина недостойна звания жены и супруги, но она заслуживает хотя бы дружбы. Однако ехидная блондинка намекает на то, что Дункан не подружился бы с ней, не имей при этом скрытых мотивов.

— Вряд ли дружба может вызвать ревность, не находишь, Офелия? — возразила она.

— Разумеется, — нетерпеливо бросила та. — Но он надеется, что я подумаю, будто между вами что-то большее, чем просто дружба, или ты еще не поняла?

— Вряд ли дружба может вызвать ревность, не находишь, Офелия? — возразила она.

— Разумеется, — нетерпеливо бросила та. — Но он надеется, что я подумаю, будто между вами что-то большее, чем просто дружба, или ты еще не поняла?

— Вероятно, не поняла, — ' — сухо процедила Сабрина. — Я воображала, что все дело в ревности.

Офелия, как ни странно, покраснела, но все же упрямо стояла на своем:

— Поверь, я просто не хотела стать причиной ненужных переживаний, дорогая, на случай если ты ошиблась в истинных намерениях Дункана. Но если ты так уверена, что это только дружба, надеюсь, не расстроишься, если он женится на мне?

— Нет, конечно, — выдавила Сабрина, хотя едва удержалась от того, чтобы не добавить: «Всего лишь искренне пожалею несчастного».

Но этого Офелия от нее не дождется.

— Вот и прекрасно, — улыбнулась мисс Рид, задумчиво сведя брови. — Пожалуй, стоит предупредить и Аманду Лок. Он успел то же самое проделать и с ней, заметила? Она, естественно, предположит, что Дункан в самом деле ею интересуется — не то что некоторыми…

Сабрина начинала уставать от плохо скрытых оскорблений, которые могли бы показаться утонченными только тем, у кого, подобно Офелии, в голове пусто. К" этому времени она достаточно хорошо успела узнать тактику лондонской кокетки, но было неприятно сознавать, что та считает ее чересчур глупой или доверчивой, чтобы уловить смысл гадостей, которые бросают ей в лицо…

— Я вполне сознаю свои «недостатки», — негромко перебила она Офелию. — И вижу также,

что у Аманды Лок их вовсе нет. Так что при всем уважении к тебе, Офелия, должна сказать: интерес Дункана к ней может оказаться вполне искренним.

Офелия самоуверенно засмеялась, и этот смех словно ударил Сабрину в сердце.

— Может, но этого не случится.

— Откуда тебе знать? — возразила Сабрина. Офелия небрежно отмахнулась:

— Ах, ты совсем не знаешь жизни. Да и откуда тебе набраться опыта? Ведь ты не была вчера в гостинице, иначе видела бы своими глазами, как ужасно он жалел, что разорвал помолвку. Это сквозило в каждом его слове, в каждом поступке! Но я уверена, он исправит ошибку, как только залечит раненую гордость! И все из-за нескольких неосторожных слов, которые вырвались у меня при всех. Но скоро ему надоест меня наказывать, и мы помиримся. Как глупы мужчины! Вот и этот не придумал ничего лучшего, чем заставить меня ревновать! На меня это не действует, но пусть будет уверен в обратном.

Горло Сабрины словно перехватило тугой веревкой.

— Так ты уверена, что Дункан снова сделает тебе предложение?

— Абсолютно. Не знаю, почему мужчины всегда стараются поквитаться с женщинами, когда речь идет об оскорбленном самолюбии. Дункан ничем не отличается от остальных. Наша повторная помолвка — лишь вопрос времени, Сабрина.

— А если окажется, что ты питаешь пустые надежды? — вырвалось у Сабрины так неожиданно, что она не поверила собственным ушам. Ведь перед ней Офелия Рид, королева лондонского сезона, самая прекрасная и желанная дебютантка на брачном рынке, редкая жемчужина, какие появляются раз в сотни лет! Неудивительно, что она обиделась.

Дерзость Сабрины была вознаграждена негодующим взглядом и раздраженным ответом:

— Что ты понимаешь! За тобой никто никогда не ухаживал! Как бы тебе получше объяснить? Ну, во-первых, не забывай о страстном поцелуе, которым он одарил меня в гостинице, прежде чем уйти! Он, разумеется, не собирался так явно выказывать свои чувства, но просто не сумел с собой справиться. К счастью, никто этого не заметил, иначе я была бы скомпрометирована и ему пришлось бы так или иначе на мне жениться. Мне не хотелось бы вынужденного брака, поэтому я никому ни о чем не сказала бы, не будь ты так тупа, что пришлось заговорить об этом!

Вероятно, именно от смущения Сабрина разозлилась еще больше — ощущения, совершенно ей не знакомые, — и оттого она не задумываясь заявила:

— Избавь меня от подобных уроков. Заверяю, что с гораздо большим удовольствием стану пребывать в невежестве до конца дней своих.

— Ни за что, — проворковала Офелия. — Я с удовольствием стану твоей наставницей, дорогая. Кроме того, в мою пользу говорит тот факт, что Дункан то и дело поглядывает на меня, когда думает, будто я этого не замечаю.

— Это вряд ли может служить доказательством…

— Я еще не закончила, — грубо прервала ее Офелия, но тут же закашлялась и елейно пропела:

— Все это вместе с поцелуем лучше всяких слов говорит о его истинных чувствах ко мне. Но не забывай еще и о стремлении заставить меня ревновать. Теперь ты поняла, почему я думаю, что Дункан желает помириться со мной? Он вспылил и в ярости расторг помолвку. Правда, не мне его судить, тогда я и сама мечтала о том же. Теперь Дункан сожалеет, но гордость не позволяет ему в этом признаться, отсюда и его глупое притворство.

— Я сказала бы, что притворяется не он, а ты, когда прикидываешься моей подругой. И если кого и следует предостеречь, так только тебя одну. Дункан поцеловал и меня, но не думаю, чтобы это что-то значило. Утверждают, будто он и на меня посматривает украдкой, но я не настолько глупа, чтобы придавать этому значение. А вот его увлечение Амандой Лок, вполне возможно, приведет к новой помолвке. Она, несомненно, станет хорошей женой Дункану Мактавишу. Теперь же, поскольку ты ясно дала понять, что не слишком любишь меня, постарайся впредь обойтись без «дружеских» бесед. Держись, черт возьми, от меня подальше, за что буду тебе крайне благодарна!

Глава 31

Сабрина за всю свою жизнь не совершила столько поступков, противных своей натуре, как сегодня вечером. Должно быть, всему виной была неведомая ей прежде ярость, заставившая отыскать накидку и покинуть Саммерс-Глейд, ничего не сказав тетушкам. Правда, она попросила мистера Джейкобса передать им, что уезжает домой. Стыд и унижение погнали ее по зимней дороге до самого коттеджа, не дав дождаться экипажа.

Поверить невозможно, что она наговорила все это Офелии! А ведь Сабрина никогда не отвечала оскорблением на оскорбление. Пусть Офелия заслуживала каждого резкого слова, но разве это повод жертвовать своими принципами?

Нужно было просто повернуться и отойти. Этого было бы вполне достаточно, чтобы дать Офелии понять, насколько Сабрине опротивела ее грубость. Но нет, она дала волю гневу и тем самым опустилась до уровня Офелии.

Сабрина предпочла бы не возвращаться в Саммерс-Глейд, по крайней мере пока там гостит Офелия, но не знала, как объяснить теткам свой «каприз». Наверное, лучше сказать правду. Нет, Хилари станет во всем винить себя, потому что мать Офелии — ее давняя подруга. Еще вздумает сообщить леди Мэри о непристойном поведении дочери, и Сабрину будет мучить совесть. Пожалуй, лучше пощадить тетушку, скрыв все случившееся.

Сабрине очень хотелось поверить Рэйфелу и забыть обо всем, что наговорила Офелия, но не получалось. В поцелуе Дункана не было особого пыла, остроту ощущениям придавало буйство стихий. Этот поцелуй скорее показался ей сладостным, восхитительным, нежным, но голова у нее не закружилась. А вот Офелию он целовал страстно, хотя и не желал того. Следовательно, он сделал это против воли, что и говорило о его истинных чувствах.

Сабрина ни на минуту не усомнилась, что Офелия сказала правду о случившемся в гостинице. Дункан хотел ее вернуть, но все еще был слишком сердит, чтобы это признать. Да и могло ли быть иначе? Офелия так красива, что любой мужчина готов на все ради того, чтобы ее получить. Однако вряд ли Дункан использует Сабрину, чтобы заставить Офелию ревновать. Аманду — вполне возможно, но не ее. Их дружба крепка и искренна, Сабрина не ошиблась в нем. И в себе тоже.

Но все рассуждения не приводили ни к чему хорошему. Боль становилась все острее. Как тяжело сознавать, что любимый увлечен другой женщиной, пусть красивой, но ничтожной, которая и волоска его не стоит! Она знала, что рано или поздно придется пережить это, но почему так скоро?

Вслед за мучительными размышлениями пришли слезы — горькие слепящие слезы, такие обильные, что Сабрина помчалась куда-то, не разбирая дороги. Только споткнувшись о корень, она остановилась, вытерла ладонью глаза и поняла, что сделала круг и снова находится почти рядом с Саммерс-Глейд. Именно поэтому экипаж, выехавший со двора, так быстро ее нагнал.

— Какого дьявола ты вытворяешь? — услышала Сабрина, еще до того как Дункан спрыгнул с козел и впихнул ее в карету.

Внутри было темно. Мактавиш взял первый попавшийся экипаж, в который успели запрячь лошадей, — тот самый, что должен был отвезти домой Сабрину и тетушек в конце вечера. Во мраке Дункан не видел ее слез, и следующий вопрос прозвучал так же гневно, как и первый:

— Что стряслось? Отчего ты сбежала как ошпаренная?

— Ничего.

— Ничего? Именно поэтому ты так расстроилась, что не подождала кучера?

— Мне нравится гулять…

— Бегом?!

— Сегодня холодно…

— Говори правду, Сабрина, и никаких уверток! Я видел тебя с Офелией. Что она тебе наговорила?

— Дункан, прошу, отвези меня домой. Если не хочешь, чтобы я брела во тьме, просто отвези меня домой.

Должно быть, он расслышал, как дрожит голос, потому что осторожно поднес палец к ее щеке и, почувствовав предательскую влагу, сжал Сабрину в объятиях с такой силой, что едва не раздавил.

— Прости, девочка, — пробормотал он. — Можешь не рассказывать, если не хочешь. Ох, ну и бесчувственная же я скотина!

Он честно старался загладить свою резкость, снимая губами слезы с мокрых щек, и сам не заметил, как принялся целовать ее. Сабрина, естественно, и не подумала возражать. Да и можно ли было противиться поцелуям Дункана, пусть и подаренным из сочувствия, дружбы или…

Страсть и гнев — совершенно поразительные эмоции, способные возникнуть в мгновение ока и лишить разума, полностью завладев при этом человеком. Непроглядный мрак обострял ощущения, наполнял нежностью каждое прикосновение, и чувствам, возникавшим при этом, оказалось невозможно противостоять.

Сабрина и не пыталась. Она отчетливо сознавала, что должно произойти, уже происходит, но

ничуть не заботилась о последствиях. Ах, какая разница, все равно она решила никогда не выходить замуж! Зато человек, которого она любит, открывает перед ней чудесный мир, дает возможность хотя бы одним глазком взглянуть на волшебство супружеских отношений… Разве можно отказаться? Ни за что! Она с радостью примет все, что он готов ей дать, включая несколько украденных минут исступленных ласк, когда ее мечты ненадолго станут явью.

Правда, Сабрине до сих пор не верилось, что она не спит. Все это просто не может быть реальным, вероятно, это грезы. Но так или иначе, а она насладится ими до самого донышка.

Ее волосы, растрепавшиеся от бега на ветру, разметались по плечам, и Дункан запустил в них пальцы, чтобы ближе притянуть раскрасневшееся личико Сабрины. Его язык то мучил, то поддразнивал, играя на ее ощущениях, подстрекая вступить в запретную игру, а в следующие мгновения дерзко врывался в ее рот и обжигал. Сабрина была до глубины души взволнована эмоциями, которые пробуждал в ней Дункан.

Дыхание становилось прерывистым, но Сабрина мысленно сказала себе, что в столь необычный момент ей просто некогда думать о таком ничтожном обстоятельстве, как необходимость дышать. Она забыла обо всем. Воздух свободно проник в ее легкие, только когда Дункан стал покрывать поцелуями ее шею, и она, трепещущая, охваченная неземным восторгом, снова потеряла голову.

Он распахнул накидку, которую Сабрина не застегнула, перед тем как вылететь из дома, и припал губами к ямочке между ключицами. Слишком высокий, чтобы добраться до заветного местечка, он опустился и стал перед ней на колени. Горячие губы скользнули вниз, к границе, очерченной скромным вырезом. И хотя груди были надежно прикрыты тканью, Сабрина дрожала от возбуждения. Никогда, никогда не испытывала она ничего подобного!

Она было вцепилась в плечи Дункана, но потом нерешительно дотронулась до его волос… снова отняла руки, словно не зная, что с ними делать, хотя больше всего на свете хотела привлечь любимого к себе.

В экипаже становилось все теплее. Оба заметили это одновременно, поскольку он сбросил сначала свой плащ, потом снял с нее накидку, и она позволила ему проделать все это. Однако желанного эффекта это не дало: платье Сабрины было из толстой ткани с длинными рукавами, поэтому неудивительно, что оно вместе с его рубашкой последовало за накидкой.

О Боже, чего бы она ни дала за свечу или лунный свет, но ей опять не повезло. Как жаль, что больше ей не удастся увидеть полуобнаженного мужчину, а придется, как раньше, довольствоваться созерцанием статуй. Но это совсем не то, что чувствовать под пальцами гладкую теплую кожу, которую хочется не только погладить, но и рассмотреть. Наверное, и Дункан, хочет представить, какова она на самом деле, потому что старается осязать ее всю: руки, плечи, шею… грудь…

Она потрясение охнула, когда широкие ладони накрыли налитые полушария, едва прикрытые тонкой материей рубашки. Но жар, исходящий от него, казалось, прожигал ее. Дункан впился губами в ее губы, продолжая ласкать упругую плоть, и словно огненная стрела пронзила все ее существо. Крохотные язычки пламени разбегались во все стороны, грозя испепелить Сабрину. Протяжный стон удовольствия сорвался с ее губ. И все же это было ничто по сравнению со смерчем ощущений, подхватившим ее, когда Дункан уложил ее на сиденье и принялся наставлять в искусстве любви.

Карета с гербом маркиза была просторной и роскошной, с мягкими бархатными подушками и

наглухо закрытыми окнами: совсем как небольшая спаленка с узкими кроватями. Правда, не в такой обстановке мечтала Сабрина лишиться невинности, но оба просто обезумели. То, чему суждено было случиться, произойдет, и не важно, где именно!

Единственное, чего боялась Сабрина в глубине души, так это того, что он вдруг вздумает остановиться. Придет в себя, как после того поцелуя на балконе, или она проснется и обнаружит, что грезила наяву. Страх придавал еще больший накал бушевавшим в ней эмоциям. Она хотела бы медленно смаковать каждое мгновение их близости, но приходилось спешить, чтобы познать все. ВСЕ.

Если бы Дункан просто объяснил, что собирается любить ее, она немного успокоилась бы и наслаждалась. Но Сабрина подозревала, что он действует под влиянием минутного порыва, вот-вот здравый смысл возьмет верх, и сказка кончится. Она не сможет предотвратить это, потому что в своем невежестве не знает, как заставить его поспешить, а словами такое выразить невозможно. Стоит ей открыть рот, и магия куда-то улетучится, сменившись холодной реальностью.

Руки продолжали лепить ее восхитительный образ перед мысленным взором Дункана: оглаживали талию, бедра, скользили по ногам, вниз, потом вверх, так что нижние юбки приподнялись до пояса. Но Сабрина едва это заметила, ведь его горячие ладони согревали ее. Каждым прикосновением он словно придавал новые формы ее щиколоткам, коленям, ступням. Когда он успел снять ее туфли?

Дункан массировал маленькие ступни, каждым дерзким касанием покоряя ее, не оставляя неизученным ни одной частички кожи. Не то что она, страшившаяся лишний раз до него дотронуться.

Неужели все шотландцы таковы? Нет, это глупые мысли. Англичане так же смелы, просто настолько щепетильно следуют этикету, что, должно быть, просят разрешения поцеловать тебя или коснуться коленки…

И тут, прежде чем она поняла, что происходит, случилось это. Его рука опустилась на бугорок внизу живота, надавила, а губы снова прижались к ее губам, заглушая стоны. Или протесты? О, нет, разве можно протестовать против того, что чувствуешь сейчас? Только поражаться новым ощущениям, хотя она самонадеянно считала, что уже познала все.

Однако Дункан по-прежнему не спешил, как бы она этого ни хотела. У нее закружилась от счастья голова, когда он сел рядом и обнял ее. Ах, этот пьянящий мужской запах, так непохожий на ароматы розовой воды, пудры и пряностей, царившие в доме, где живут одни женщины! Стальные мускулы, поросль жестких волос на груди, всеподавляющее присутствие мужчины. Теперь Сабрина казалась себе совсем крошечной, тяжесть тела, придавившего ее к подушке, бархатистая твердая плоть, медленно наполняющая ее… Все это было восхитительно.

Она вскрикнула, но не столько от внезапной боли, сколько от удивления, и Дункан тут же постарался утешить ее, осыпая поцелуями, клянясь, что иного выхода не было, что больше он никогда не обидит ее.

Сабрина, разумеется, поверила ему, поскольку боль уже прошла и осталось только непривычное ощущение чего-то огромного внутри. Стоило ему начать двигаться, как иные, приятные ощущения захлестнули ее. Они искушали, нарастая и нарастая, унося ввысь, к ослепительной вершине экстаза, шокирующе острые, необычайно сладостные… Она уже не помнила себя.

Поцелуи Дункана стали нежными, легкими. Он сам пережил неповторимые моменты, хотя Сабрина этого не заметила, уносимая потоком блаженства. Казалось, ей надо было стыдиться своего распутного поведения, но нет, она чувствовала лишь пьянящую усталость, которая бы погрузила ее в сон, если бы не поцелуи Дункана.

Он помог Сабрине одеться, что оказалось весьма кстати, поскольку ее глаза сами собой закрывались. Длинный день с его непредсказуемыми поворотами событий утомил ее. Самый необычный, поразительный, потрясающий и прекрасный день в ее жизни. Однако она уже не держалась на ногах и не могла осмыслить все подробности произошедшего.

На этот раз Дункан не извинялся за то, что сделал. И вообще предпочел об этом не упоминать.

— Поговорим утром, — обронил он, прежде чем сесть на козлы и довезти ее до дома, на что ушло всего несколько минут. Сабрина сама не понимала, как ухитрилась не заснуть.

Дункан проводил Сабрину до двери, коснулся губами ее припухших губ и велел немедленно ложиться спать. Тетушек еще не было дома. Скорее всего они вернутся через несколько часов, ведь бал так рано не закончится. Спать? Она, похоже, уснула еще до того, как голова коснулась подушки, потому что так и не вспомнила, каким образом добралась до постели.

Глава 32

Сабрина пробудилась с улыбкой на губах, все еще переживая восхитительные подробности сна. Ну, разумеется, это сон. Разве такой мужчина, как Дункан Мактавиш, станет ласкать ее? Все это изумительно, но никак не может быть реальностью.

Она была твердо уверена в этом, пока не заметила на полу груду одежды. Сверху валялась нижняя юбка с пятнами крови на подоле.

Сабрина мгновенно вскочила, но ноги подкосились, и она в блаженном оцепенении опустилась на кровать, припоминая все, что с ней было вчера. Какое невероятное чудо… какое ослепительное счастье!

Она весь день провела бы в этом эйфорическом забытьи, если бы стук в дверь не возвестил о прибытии горничной. Сабрина сорвалась с места и отчаянным рывком сунула предательскую юбку под кровать, подальше от любопытных глаз.

Она не понимала, как ей удалось вынести процедуру одевания, а позже спуститься вниз, к тетушкам, и не дать им заметить, что ее жизнь необратимо изменилась, а на душе так легко, что хотелось поделиться радостью со всем светом. Но это, разумеется, невозможно. Они все не так поймут. Обрадуются за племянницу и вообразят, что за этим должно непременно последовать объявление о помолвке. Поэтому и нужно молчать.

Дункан не сделал ей предложения, хотя и пообещал, что они поговорят утром. Значит… значит, все возможно! Сабрина втайне ожидала, что он попросит стать его женой, и именно поэтому все утро пребывала на седьмом небе. Правда, она обязательно даст ему понять, что он вовсе не обязан делать такой шаг. Если с его стороны это был лишь минутный порыв, она не желает заставлять его идти к алтарю. Да и зачем, ведь она все равно ни о чем не жалеет. Как можно сожалеть о том, что любимый хотя бы на несколько минут целиком принадлежал ей? Какая глупость! Если он захочет жениться, пусть сделает это по любви, а не потому, что так

потребовали тетки!

Сабрине не терпелось поскорее добраться до Саммерс-Глейд и увидеть Дункана. Поэтому она всячески торопила тетушек и немного успокоилась, только оказавшись в карете. В той самой, где вчера все и произошло.

Сабрине не терпелось поскорее добраться до Саммерс-Глейд и увидеть Дункана. Поэтому она всячески торопила тетушек и немного успокоилась, только оказавшись в карете. В той самой, где вчера все и произошло.

Вспомнив об этом, Сабрина немного покраснела, хотя тетушки, занятые очередной перепалкой, ничего не заметили. Экипаж прибыл к дому маркиза как раз к завтраку, и Хилари с Элис сразу отправились в столовую. Сабрина в надежде побыстрее найти Дункана отказалась идти с ними. Но внезапно дорогу ей преградил Рэйфел, преисполненный решимости не дать ей исчезнуть. Сабрина считала, что просто обязана сказать ему, опустив некоторые подробности, разумеется, что он был прав, по крайней мере отчасти. Дункану вовсе не нужно было «очнуться», как предполагал Рэйфел. Скорее, уж должен был подвернуться подходящий случай, и она неосознанно предоставила любимому такую возможность своим поспешным бегством из Саммерс-Глейд. Он, естественно, счел своим долгом последовать за ней. Это лишний раз доказывало, как нуждаются в компаньонках и опекунах молодые девушки. Оставаясь наедине с мужчиной, они невольно превращаются в непреодолимое искушение, перед которым вряд ли можно устоять.

Но сейчас она так сосредоточенно искала глазами Дункана, что почти не слушала Рэйфела, хотя смутно отметила необычайно сухой тон и нотки явного отвращения, прорезавшиеся в голосе.

— Ну вот, начались предсвадебные торжества, — резко бросил он. — Правда, все зависит от человеческой натуры, но будь я на месте той или иной стороны, вряд ли нашел повод для веселья. Всякий глупец, влюбившийся в снежную королеву, обречен мерзнуть всю оставшуюся жизнь, зато у остальных, ему подобных, есть причина праздновать, ибо они, сами того не подозревая, избежали участи худшей, чем сама смерть. Но всякая молодая леди, включая вас, воображавшая, будто имеет шанс подцепить внука уважаемого хозяина, будет горько разочарована.

Последняя реплика озадачила Сабрину.

— О чем это вы? — осведомилась она.

— О последних радостных новостях, не имеющих, по моему мнению, ни малейшего смысла.

— Я была бы крайне благодарна, если бы вы растолковали мне все не имеющие смысла подробности.

— Не обращайте на меня внимания, Сабрина. Не желаю быть палачом, который все вам разъяснит, — вздохнул Рэйфел, прежде чем поспешно отойти.

— Что же, все ясно, — пробормотала Сабрина, теряясь в догадках. Она уже собиралась догнать Лока, чтобы потребовать объяснений, когда заметила пробиравшуюся к ней Хилари.

— Поверить не могу! — воскликнула тетка, хватая ее за руку.

Судя по лицу, она вот-вот впадет в истерику. Сабрина, привыкшая распознавать тревожные

признаки, попыталась успокоить тетку.

— Я тоже, — согласилась она, энергично кивая, и с улыбкой осведомилась:

— А собственно говоря, во что это мы не можем поверить?

— Брось свои штучки, дорогая, дело слишком серьезное, чтобы от него отмахнуться! А я была уверена, что наконец-то все удастся! Что ж, пусть это послужит мне хорошим уроком. Впредь буду знать, что гадать — дело не мое, пусть этим занимаются цыганки!

Сабрина поразилась. Что это с тетушкой? Какие цыганки? Неужели она говорит серьезно?

— Собираешься жить в шатре, тетушка? Хилари передернула плечами:

— Какие шатры? Я говорю о странностях любви. Правда, ты все время твердила, что вы лишь друзья, но я была уверена: все значительно серьезнее…

— Погоди, — весело перебила ее Сабрина. — Каким образом я оказалась замешана во все это? И кого из моих друзей ты имеешь в виду?

— Только не говори, будто ничего не слышала, — нахмурилась Хилари. — Объявление было сделано вчера вечером, после нашего с Элис отъезда, поэтому мы и узнали только сейчас. Ты, разумеется, со своей головной болью давно спала, но неужели никто тебе не сообщил? Здесь все утро только об этом и говорят.

Беседа явно принимала такой же бессмысленный оборот, как и разговор с Рэйфелом, но сердце Сабрины сжалось от тревожного предчувствия.

— Какое объявление?

— Поссорившаяся парочка, должно быть, уладила все свои разногласия и, к радости обоих семейств, обручилась во второй раз.

От лица Сабрины отхлынула кровь. Голова закружилась так, что она, боясь упасть, схватилась за руку Хилари. Та ничего не заметила, продолжая рассказывать:

— Ничего не понимаю. Решительно ничего. Зачем было идти на такие расходы, собирать девушек со всей Англии, если он с самого начала знал, что это только глупая размолвка, которую ничего не стоит уладить?

— Кто знал?

— Невилл, разумеется. Надеюсь, он сознает, какой удар нанес бедняжкам. Праздник, ничего не скажешь! Скорее уж трагедия!

Не трагедия. Шок. Неожиданный… Нет, вполне закономерный исход. Значит, Офелия с самого начала была права. К сожалению, все было лишь капризом Дункана. Как может мужчина пропустить возможность, которая сама идет к нему в руки? А ведь Сабрина даже не подумала отказать ему! Впрочем, и сейчас она ни о чем не жалеет.

Но как унять мучительную боль, терзающую сердце при мысли о том, что, овладев ею, он сразу же отправился к Офелии и попросил выйти за него замуж? Если бы между этими событиями прошло хотя бы немного времени, ., неделя… все выглядело бы не так жестоко. Но очевидно, приключение с Сабриной заставило его лучше понять свои истинные чувства.

На пороге показалась Офелия, встреченная лицемерными поздравлениями. Но она не замечала фальши, поскольку лучилась торжеством. Рэйфел оказался прав: никто не радовался предстоящей свадьбе. Молодые люди, за исключением лорда Лока, не терпевшего Офелии, неподдельно страдали, потеряв свою богиню. А женщины… среди них была одна, чьи надежды разлетелись в прах.

Вынести триумф Офелии оказалось невозможно. Постоянно видеть ее злорадную физиономию… Нет, лучше незаметно уйти, и побыстрее, прежде чем счастливая невеста заметит ее.

— Я неважно себя чувствую, тетя Хилари.

— Еще бы, дорогая! Я сама едва дышу. И тошнит невыносимо. Может, поедем домой?

— Да, пожалуй.

Глава 33

Отчаянный стук наконец-то разбудил Дункана. Не открывая глаз, он предложил нахалу отправляться в ад и там колотить в дверь, сколько его душе будет угодно. Но грохот не унимался. Мало того, неизвестный имел наглость ворваться в комнату. Дункан не обратил на него внимания. Он сидел в постели, потирая пальцами виски, словно боялся, что голова разлетится, как спелый арбуз.

— Неважно выглядите, старина. Заложили за воротник по поводу знаменательного события?

Дункан открыл налитый кровью глаз, пронзил Рэйфела Лока бешеным взглядом и пробормотал:

— Пожалуй, стоит помочь чертям вскипятить масло. Горячие угли — слишком слабое наказание для таких, как ты.

Дункан открыл налитый кровью глаз, пронзил Рэйфела Лока бешеным взглядом и пробормотал:

— Пожалуй, стоит помочь чертям вскипятить масло. Горячие угли — слишком слабое наказание для таких, как ты.

Рэйфел как ни в чем не бывало усмехнулся, подвинул себе стул и сел. Дункан, видя, что незваный гость не желает понимать намеков и убираться, застонал и сунул голову под подушку.

К сожалению, голос Рэйфа, хоть и приглушенный, все же был отчетливо слышен:

— На вашем месте я бы еще не так напился, лишь бы не дожить до этого гнусного утра, но как вы могли? Почему вы все-таки передумали и решили жениться на Офелии?

— С чего бы я вдруг это сделал?

— Возможно, от ее красоты у вас дух захватывает?

— Ту, кого англичане провозгласили неотразимой, шотландцы могут посчитать просто бледной немочью. Жена горца должна быть крепкой и здоровой и иметь на костях достаточно мяса, чтобы выносить суровую зиму. Бьюсь об заклад, Офелия никогда бы не выжила в северной стороне и увяла бы при первых признаках настоящего холода. А хорошая погода там бывает всего несколько недель в году. Я бы понял, что девчонка никуда не годится, даже если бы она не уязвила меня своим злобным жалом.

— Но ведь теперь вы собираетесь жить в Англии, так что какая разница?

— Посчитай я, что никогда не увижу родины, не протянул бы и месяца.

— В таком случае, старина, что заставило вас снова обручиться с ней?

Подходящий ответ так и вертелся на языке Дункана, но, сообразив, что Рэйф вот уже второй раз намекает на повторную помолвку, он задумался. В пропитанном спиртным мозгу возникло смутное воспоминание о том, почему прошлой ночью он напился до чертиков. Это, в свою очередь, пробудило к жизни еще одну, куда более неприятную картину: оба деда, перебивая друг друга, сообщают, что теперь Дункан должен жениться на Офелии, но к тому времени он был слишком пьян, чтобы взволноваться по этому поводу. Неужели он сказал им, что теперь ему на все плевать?

Непомерные мысленные усилия привели к тому, что виски прошило резкой болью. Дункан наконец сдался и пробормотал:

— Не по своей воле, уверяю вас.

— Ах, вот оно как! — брезгливо пробормотал Рэйфел. — А я-то считал, что стремление к независимости у вас в крови. Неужели вам так важно выслужиться перед стариками?

— С каких это пор вас волнует моя судьба? И не все ли вам равно, что я делаю, черт возьми?

— С тех пор, как я решил взять вас под свое крыло, разумеется, — объяснил Рэйфел.

— Держите свое крыло при себе. Мне оно ни к чему.

— Поздно, — усмехнулся Рэйфел. — Я не бросаю в беде друзей только потому, что они оказались абсолютными кретинами.

— Последнее предупреждение, друг мой. Если немедленно не уберетесь отсюда и не позволите мне отойти с миром…

— Ну-ну, не стоит изрыгать угрозы, которые все равно в нынешнем состоянии не сможете выполнить.

Слишком поздно Дункан осознал правоту собеседника, поэтому, бросив напрасные попытки изгнать его, предпочел снова зарыться с головой под подушку в надежде, что остальные речи Рэйфела пролетят мимо его ушей. Как ни удивительно, ему даже удалось немного задремать, несмотря на то что голова раскалывалась.

Когда Дункан проснулся во второй раз, большая половина дня уже прошла, и стук в висках немного унялся. Однако Рэйфел Лок вопреки его предположениям не ушел. Этот почтенный джентльмен по-прежнему сидел рядом с кроватью, читая томик, должно быть, взятый с маленькой книжной полки. Книги не принадлежали Дункану, они уже стояли здесь, когда он

приехал.

— Который час? — промямлил Дункан, очень осторожно садясь. Он опасался, что в голове вновь заработают кузнечные молоты.

— Не очень поздно, — ответствовал Рэйфел, откладывая книгу. — Думаю, если поспешите, еще застанете обед.

При слове «обед» Дункан позеленел, сорвался с места и бросился к ночному горшку, в который и изверг отравивший его организм яд. Настоящее благословение Божье! Ему сразу стало лете.

Он снова заполз в постель и, укрывшись одеялом, вытянулся во весь рост.

— Вы еще здесь? — простонал он, поежившись под невозмутимым взглядом Рэйфела.

— А вы всегда спите в одежде? — спокойно поинтересовался тот, не отвечая на вопрос.

— Только когда не помню, как лег в кровать.

— Да, достаточно веский предлог, — кивнул Рэйфел.

— А вы почему еще здесь?

— Любопытство, обычное любопытство. Признаюсь, никак не могу понять, что произошло вчера и как вы могли совершить такую поразительную глупость. Предупреждаю, старина, от меня довольно трудно отделаться, если, конечно, не примените грубую силу.

— Если бы я помнил, что творилось вчера, обязательно бы сделал вам одолжение, но поскольку не могу…

— А вот эта отговорка не выдерживает никакой критики. Как только вы придете в себя, наверняка события вчерашнего вечера к вам вернутся. Пожалуй, я подожду.

— Тогда соблаговолите ждать в другом месте, — попросил Дункан.

— И позволить вам еще дольше прятаться от горькой правды?! Нет-нет, мое присутствие подтолкнет вашу память. Чтобы поскорее удовлетворить мое любопытство и отделаться от меня, постарайтесь восстановить детали вчерашнего вечера.

Если бы Дункан не боялся пошевелить головой, непременно попробовал бы вышвырнуть наглеца из комнаты. Но он лишь закрыл глаза и послушно попытался последовать совету Рэйфела. Медленно-медленно что-то наконец забрезжило.

— А знаете, старина, румянец вам к лицу, не то что оливково-зеленый оттенок, который делает вас похожим на привидение.

Дункан покраснел еще гуще. Он бы отдал все на свете, чтобы остаться в одиночестве, но нахальный гость ожидал подробностей, часть которых он не выдал бы под страхом смерти. Тяжело вздохнув, Дункан постарался загнать их в самый дальний уголок памяти.

— Она довела ее до слез. Я взбесился, поскольку знал, какой гнусный у нее язык. Вот и решил спросить, что она наговорила.

— Ну, насчет гнусного языка мне все понятно, но кого она довела до слез? — прищурившись,

прошипел Рэйфел.

— Речь не о вашей сестре, — поспешно отозвался Дункан. — О Сабрине. Сабрина горько плакала. Я старался вытянуть из нее, в чем дело, но ничего не получилось. Она слишком расстроилась, чтобы говорить об этом. Словом, я решил прижать к стенке эту змею и был так зол, что не владел собой. Горничная сказала, что она у себя в спальне. Я решил, что она поднялась туда за чем-то, поскольку час был ранний, гости еще не разошлись спать, а уж если мы поссоримся, внизу крики будут меньше слышны. Мне в голову не пришло, что она уже готовится ко сну.

— Откуда вдруг у меня ужасное предчувствие, что вы застали ее в постели?

— Нет, все было не настолько страшно, хотя приди я чуть позже… Она уже была в сорочке и нижних юбках. Я едва заметил…

— Нет, все было не настолько страшно, хотя приди я чуть позже… Она уже была в сорочке и нижних юбках. Я едва заметил…

Ехидное фырканье Рэйфела заставило Дункана осечься. Помолчав немного, он горячо заверил:

— Клянусь, я был слишком сердит, чтобы обратить на это внимание, и потом, думаешь, ее белье было прозрачным? Как бы не так! Почти ничем не отличается от чертова бального платья! Просто принимать джентльмена в таком виде считается неприличным, вот и все.

— Да, да, дурацкие условности, — нетерпеливо согласился Рэйфел. — Переходите к делу.

— Я пытаюсь объяснить, каким образом скомпрометировал девушку, хотя и близко к ней не подошел.

— О Господи, так вот что стряслось?! Вы позволили поймать себя в сети брака только потому, что случайно увидели ее без платья?! Да неужели у вас совсем нет мозгов сообразить, что в этом нет ничего дурного, поскольку вас никто не видел?! Я поверить не в состоянии, что она сумела подцепить вас на крючок с помощью одного из самых старых и известных трюков…

— Может, заткнетесь, хотя бы для того, чтобы дослушать до конца? — перебил Дункан. — Она растерялась не меньше меня и была совершенно подавлена. И хотелось бы ее винить, да не могу.

— О, ни в коем случае не верьте этому! — отмахнулся Рэйфел. — Ну, разумеется, она разыграет возмущение. Не злорадствовать же ей по тому поводу, что вы по-дурацки попались в ее ловушку.

Дункан нахмурился, пытаясь вспомнить, что еще случилось за те несколько минут, которые он провел наедине с Офелией. Он действительно был вне себя, но это было чепухой по сравнению с тем бешенством, которое потом вытолкнуло его из спальни и побудило надраться до беспамятства.

Он колотил в дверь достаточно долго, пока она в полном раздражении не дернула ручку и не прошипела, еще до того как увидела, кто навестил ее в этот час:

— Ну что?

Сначала она удивилась, но тут же встревожилась, что их могут застать. Офелия даже

приказала Дункану уйти и закрыла дверь перед самым его носом. А он, идиот, вместо того чтобы понять, что выбрал не лучшее время для сведения счетов, все-таки ворвался в ее комнату. Офелия выглянула за порог, держа перед собой пеньюар, но потом отбросила его, посчитав, что она одна в комнате. Но и тогда до Дункана не дошло, какое непростительное нарушение правил приличий он совершил. Непростительно джентльмену оказаться в комнате вместе с полуодетой дамой! Однако гонимый гневом шотландец потерял способность мыслить здраво и не заметил опасности.

Тем не менее Дункан все-таки понял, что она заблуждается относительно причин его появления. И если он сразу не обратил внимания на то, что она почти раздета, Офелия, в свою очередь, не распознала его дурного настроения.

— Все это могло бы подождать до завтра, — кокетливо упрекнула она, — но я понимаю ваше нетерпение. Только поторопитесь, прежде чем кому-то из девушек, с которыми я делю комнату, не вздумалось лечь спать пораньше. Я даже облегчу вам задачу, сказав, что согласна.

— Ваше согласие или отказ меня не интересуют, — пробурчал Дункан.

Офелия нахмурилась, но все же не пожелала сдаваться:

— Нет? Только не говорите, будто пришли за очередным извинением. Честно говоря, не знаю, что сказать, кроме того, что очень сожалею по поводу нашей первой встречи. Ну вот, я еще раз это повторила. А теперь нельзя ли перейти от примирения к…

— Я желаю узнать, что вы такого наговорили Сабрине и почему довели ее до слез?

— Сабрина?! — воскликнула она с негодованием, словно разъяренная тигрица. — Так вы явились сюда, чтобы допрашивать меня насчет Сабрины?! Вон! Немедленно вон отсюда! Не желаю говорить об этой мерзкой девчонке!

— Нет, вы расскажете…

— О чем? Как она меня оскорбляла? Как расстроила настолько, что пришлось раньше обычного подняться сюда, чтобы никто не заметил моих слез? Она, видите ли, рыдает! Наверное, потому, что раскаялась в своих жестоких словах! Вот вам и ответ, так что можете прова…

.И тут дверь снова распахнулась. Молодая дама, уже готовая переступить порог, на мгновение замерла, сконфуженно покраснела и наконец, со смешком извинившись за вторжение, исчезла. Но и в тот момент ужас случившегося не дошел до Дункана, пока в его сознание не проник визг Офелии:

— Полюбуйтесь, что вы наделали! Вместо того чтобы уйти, когда вас просили, скомпрометировали меня. Так что теперь нам придется пожениться! Подумать только, что именно она нас застала! Немыслимо! Мой злейший враг! За что мне такое наказание?!

— Но мы никак…

— И не надейтесь выйти сухим из воды, Дункан Мактавиш! Можно, конечно, попросить Мейвис держать язык за зубами, но она никогда не согласится, а если и согласится, то все равно солжет! Она ненавидит меня. Неужели не видели, какой радостью блеснули ее глаза?! Она меня погубит! Мы немедленно должны объявить о помолвке.

Как бы ни хотелось Дункану считать, что девушки сговорились и выход из тупика еще можно

найти, приходилось признать: всему виной его собственная поспешность. Следовало отложить разговор до утра или в крайнем случае убраться отсюда, едва он понял, что Офелия готовится ко сну. И уж, разумеется, необходимо было догнать Мейвис и попробовать заручиться ее молчанием, вместо того чтобы сразу поверить Офелии. Та утверждала, что девушке ничем нельзя заткнуть рот, а Дункан ни минуты не сомневался, что с таким характером, как у Офелии, невозможно не нажить врагов, которые были бы рады уничтожить ее репутацию.

Но он не сделал ничего подобного, а лишь решил выбросить из головы все случившееся, осушив не менее двух бутылок бренди, и так преуспел в этом, что сохранил только смутные воспоминания о том, как его почтенные родственнички в один голос объявляют о новом обручении с Офелией Рид. А теперь Рэйфел пытался убедить его, что Офелия просто расставила капкан, в который попался глупый кролик. Придется просветить его на этот счет.

— Знаете, Офелия понятия не имела, что я захочу с ней поговорить, так что ни о каких ловушках не может быть и речи. Я сам, своим нетерпением и вспыльчивостью, навлек это на собственную голову, поэтому не могу допустить, чтобы страдала ни в чем не повинная девушка. Совесть не позволит.

— Черт возьми, значит, проклятая честь превыше всего? И из-за этого вы готовы испортить себе жизнь? — с легким отвращением осведомился Рэйфел, вставая.

Наконец-то. Хоть от одного доброжелателя он избавился!

Глава 34

Сабрина равнодушно смотрела в окно на карету с гербами, стоявшую перед домом. Неудивительно, что она плачет каждый раз, когда видит черный парадный экипаж. Не очень долго, не очень горько — так, две-три слезинки, в добавление к тем, что она уже пролила за эти несколько дней. А кучер приезжал каждый день и ждал по несколько часов, прежде чем возвратиться в Саммерс-Глейд, хотя его просили больше не беспокоиться.

Оказалось, гости еще не разъехались и празднество будет продолжаться до самого венчания, назначенного на середину следующей недели. Вероятно, лорд Невилл рассудил, что, если все уже собрались, нет смысла рассылать приглашения на свадьбу. Так считали и все соседи, с утра до вечера судачившие о грандиозном событии. Все это передавали Сабрине тетушки, которые в отличие от нее принимали визитеров. Сама же она заперлась в комнате, отказываясь спускаться вниз, даже чтобы поговорить с Дунканом, примчавшимся на другой день после знаменательного объявления. И уж разумеется, ни за что не пожелала говорить с Офелией, явившейся к вечеру, чтобы, вне всякого сомнения, позлорадствовать над неудачливой подругой.

Но после трех дней затворничества, рыданий в подушку, мучительных размышлений о том, что могло так безжалостно разрушить ее короткое счастье, Сабрина словно окаменела, и это стало чем-то вроде блага. Омертвевшие чувства не причиняют боли. Наверное, когда-нибудь ей удастся справиться с бедой, зажить по-прежнему и лишь иногда со вздохом вспоминать прошлые беды. А пока блаженное оцепенение позволило ей выйти из укрытия.

На беду, первый опыт общения с посторонними привел Сабрину в гостиную, где она надеялась увидеть тетушек, но столкнулась с Офелией, которую только что впустила горничная. К собственному изумлению, Сабрина не ощутила ничего, даже ненависти, тем более что обычная

учтивость требовала вежливо поздороваться с гостьей. И Сабрина прекрасно справилась с задачей, втайне радуясь, что странное безразличие и не думает исчезать.

— Чувствуешь себя лучше? — с притворным участием осведомилась Офелия, увидев стоявшую в дверях Сабрину.

— Лучше?

— Когда я вчера приехала с визитом, леди Элис известила, что ты простудилась и лежишь в постели. Я хотела подняться, но она уверила меня, что ты спишь.

— Ах, это… — отмахнулась Сабрина. — Просто небольшое переутомление. Что привело тебя к нам? Разве праздник не продолжается?

— Да, хотя многие гости разъехались, — с легким раздражением откликнулась Офелия. — Вероятно, дамы считают, что зря тратят время, оставаясь в Саммерс-Глейд.

Сабрина не удивилась. Большинство приглашенных девушек выставлялись на брачном аукционе этого сезона, а когда самая крупная добыча попала в сети, им пришлось возвратиться в Лондон искать новую.

Поскольку она не попыталась поддержать разговор, последовало неловкое молчание. Светская беседа не получалась. После откровенных высказываний Сабрины при их последней встрече они не выносили друг друга, и это было ясно любому.

В тишине послышался громкий вздох Офелии.

— Я хотела бы извиниться перед тобой, — начала она, слегка краснея и опуская глаза. — Понимаю, что вела себя неподобающе, и ты, вполне понятно, вышла из себя. Я хотела бы объяснить, почему…

— Не трудись, — перебила Сабрина. — Это не имеет значения.

— Для тебя, возможно, и нет, но я жалела о нашей ссоре, — настаивала Офелия. — Ведь мы все-таки друзья.

Не превратись Сабрина в окаменевшую статую, наверняка фыркнула бы. Это они-то друзья? Смешно! Офелия представила Сабрину своим знакомым, но что ей оставалось делать, если та гостила в ее доме? Офелия не слишком охотно выполняла обязанности хозяйки, она делала это лишь потому, что иного выхода не было. А потом еще и потребовала отдать долг так называемой дружбы, когда ей понадобилась помощь Сабрины.

Но Офелия со свойственным ей эгоцентризмом не обратила внимания на полное безразличие Сабрины и продолжала заранее заготовленную речь;

— Видишь ли, я была вне себя от волнения и только казалась спокойной и уверенной. Вероятно, во всем виноват Дункан, старавшийся вызвать у меня ревность. Но как бы то ни было, а я начала сомневаться и, к сожалению, сорвала злость на тебе. Видишь ли, я не привыкла долго мучиться неопределенностью! Но потом я убедилась в собственной глупости, и мне стало стыдно. Следовало бы иметь хоть немного терпения. Всего-навсего подождать до вечера. Видишь, все уладилось. Он снял маску равнодушия, и мы снова обручились.

При этих словах лед, сковавший Сабрину, внезапно начал трескаться. Дункан отбросил

притворство до того, как погнался за ней?

— Когда это было? — отрывисто спросила она.

— Какое это имеет…

— Когда?!

Офелия невольно поморщилась от неожиданно резкого тона и, немного подумав, объяснила:

— Сразу после твоего отъезда. В расстройстве от нашей ссоры я поднялась к себе. Должно быть, Дункан увидел это, потому что последовал за мной и настоял — заметь, именно настоял — на новой помолвке. Ах, эти шотландцы, они такие властные! Наверное, он просто не мог больше выносить этой фальши, но скорее всего просто потерял терпение. Он такой страстный, — добавила она, слегка зарумянившись. — Боюсь, он потащил бы меня в постель, если бы нам не помешали.

Услышав это, Сабрина бессильно опустилась на диван. Потрясение оказалось так же велико, как и в то утро, когда она услышала ужасные новости… Если верить Офелии, именно она пробудила в Дункане нечестивую страсть, и, не в силах погасить ее, он набросился на Сабрину, воспользовавшись ее чувствами. А она даже не подумала оказать сопротивления! Значит, он желал обладать совсем не ею! А в темноте мог легко притвориться, что именно Сабрина — та, кого он хочет!

На свою беду, Сабрина действительно поверила Офелии. Будь она немного красивее или будь Офелия не столь неотразима, можно было бы и усомниться. Но стоит ли себя обманывать? Какой мужчина не мечтает иметь такую жену, как Офелия?!

И стоит ли упрекать Дункана, который без раздумий воспользовался всем, что Сабрина с такой готовностью ему предложила? Разве не так поступил бы на его месте любой? Нет, его не за что винить. И кроме того, она его любит. Жаль, конечно, что нельзя вмиг излечиться от этого чувства, но что поделаешь! Чему быть, того не миновать. Он по-прежнему намерен жениться на Офелии, и сердце Сабрины еще раз сожмется от невыносимой боли в день венчания.

Офелия тем временем продолжала трещать как ни в чем не бывало:

— Я так рада, что все выяснилось и между нами больше нет вражды! Знаешь, Эдит и Джейн покинули меня. Правда, обещали вернуться к свадьбе, но вряд ли найдут время, особенно теперь, когда закружились в вихре светских развлечений. На их месте я ни за что бы такого не сделала. Но без них скучно. Ты просто обязана вернуться в Саммерс-Глейд, чтобы составить мне компанию.

Появление тетушки Элис, к счастью, избавило Сабрину от необходимости объяснять, почему об этом не может быть и речи. При одном взгляде на бледное, осунувшееся лицо племянницы та немедленно поспешила уложить ее в постель.

Появление тетушки Элис, к счастью, избавило Сабрину от необходимости объяснять, почему об этом не может быть и речи. При одном взгляде на бледное, осунувшееся лицо племянницы та немедленно поспешила уложить ее в постель.

— Ухудшение… не следовало вставать… — бормотала Элис Офелии.

Можно подумать, Сабрина нуждалась в предлоге, чтобы покинуть гостиную! Пусть Офелия

думает что хочет. Пусть считает, что исполнила свой долг и больше не навещает «больную подругу».

Глава 35

За несколько минут, что заняла обратная поездка в Саммерс-Глейд, Офелия ухитрилась довести себя едва не до истерики. Подумать только, она, леди Рид, признанная красавица, унижалась, бормотала идиотские извинения, чтобы помириться с Сабриной! Оставалось надеяться, что теперь все улажено и ей станет немного веселее. В Саммерс-Глейд было ужасно тоскливо, а Сабрина своим остроумием и острым язычком могла развеять скуку. В доме просто не осталось интересных людей. Почти все, кто мог бы развлечь Офелию, отправились в Лондон. Дункан вообще избегал ее: должно быть, все еще злится из-за того вечера.

Что ж, пусть себе! В конце концов, он сам попался, она ничего для этого не предпринимала, хотя нельзя не признать — судьба к ней благосклонна.

Офелия и не предполагала, что шотландец способен на столь опрометчивые поступки. Ворвался в ее спальню! Полнейшее неприличие, даже будь она полностью одета! Правда, она искренне считала, что Дункан хочет примирения, и поэтому решилась простить его дерзость. Но узнать, что он явился из-за Сабрины! Какой удар! Это оказалось последней каплей, особенно после того, как убогая провинциалка открыла свое истинное лицо. Оказалось, что она умеет не только молча улыбаться и кивать! Злобная маленькая ведьма!

На свою беду, Дункан упомянул о Сабрине, и это обстоятельство воскресило в памяти интриганки их последний разговор. Офелия еще пожаловалась собеседнице, что, если бы кто-то стал свидетелем «поцелуя» в гостинице, она была бы безнадежно скомпрометирована. Тогда она лгала, но теперь даже притворяться не приходилось — Дункан сам вручил ей идеальное оружие!

Она даже не подумала бы о такой блестящей возможности, если бы не прозвучало имя Сабрины. Офелия лихорадочно старалась придумать предлог, чтобы задержать Дункана в своей комнате, пока не появится кто-то из девушек. И тут в дверях возникла Мейвис! Чудесно! Никакой заранее придуманный план не удался бы лучше! Дункан сам себя загнал в капкан!

Остальное оказалось проще простого: следовало всего лишь разыскать лорда Невилла и изложить голые факты. Маркиз, джентльмен старого закала, и не подумал усомниться в том, что репутация Офелии навеки погублена. Правда, он попытался найти Мейвис, но она как сквозь землю провалилась. Поэтому маркиз был вынужден тем же вечером объявить о помолвке внука.

Эдит и Джейн уехали на следующее утро, как и многие их приятельницы, так что спальня, которую Офелия делила с восемью другими девушками, опустела. Мейвис же покинула Саммерс-Глейд через полчаса после неприятной сцены, поэтому Невилл и не смог с ней потолковать. Очевидно, она не желала, чтобы маркиз или Дункан угрозами или посулами заставили ее держать рот на замке — она вовсе не намеревалась молчать. Иначе зачем столь поспешное бегство? Она даже вещей не собрала, просто вызвала кузена, который сопровождал ее в Саммерс-Глейд, велела запрячь лошадей в свою карету и исчезла. Правда, на ее месте Офелия поступила бы так же. Как и любая ее приятельница, которую так и подмывает поделиться свеженькой пикантной сплетней. У Мейвис, должно быть, язык зудел от нетерпения! И Офелия ее понимала.

Но теперь ей не грозят никакие слухи. Объявление о помолвке полностью обезоружило ее недоброжелателей. На проделки влюбленных всегда смотрят сквозь пальцы, если молодые люди обручены. Но беда, если юная леди не может гордо предъявить обручальное колечко! Так что у Мейвис ничего не выйдет. Глупышка думала отомстить, а вместо этого помогла Офелии достичь цели. До чего же забавно!

Офелии отчего-то казалось, что она окончательно испортила отношения с Сабриной. Но стоит ли терзаться угрызениями совести из-за того, что она солгала Сабрине? Так и надо этой девчонке, ведь она пыталась украсть у Офелии Дункана! Тем не менее Офелии хотелось вновь сблизиться с Сабриной хотя бы для того, чтобы выведать, почему время свидания с Дунканом так важно для нее.

Дворецкий встретил Офелию в холле и сообщил, что лорд Невилл просил навестить его. Не зная, долго ли маркиз прождал ее, Офелия немедленно поднялась в его гостиную. Она ожидала этого приглашения гораздо раньше, но маркиз, как и его внук, не обращал на нее ни малейшего внимания. Пора бы и ему извиниться! В конце концов, она пострадавшая сторона и вынуждена выйти замуж за Дункана, чтобы сохранить свою репутацию!

Однако Офелия жестоко ошиблась. Не успела она сесть, как маркиз жестко бросил:

— Помимо того, что ваших родителей известили о случившемся и они скоро прибудут, нам необходимо кое-что обсудить.

— , Разумеется, — нерешительно пробормотала Офелия. Судя по тону, беседа приобретала совершенно неожиданный оборот.

— Последнее время я имел несчастье узнать из различных источников, что вы приобрели неприятную привычку распространять слухи и сплетни.

Мисс Рид встрепенулась. Так этот старик намерен закатить ей скандал, хотя они еще не родственники!

— Все любят сплетничать, лорд Невилл, — сухо заметила она.

— Не все, и большинство не имеют при этом злобных намерений опорочить ближнего. Довожу до вашего сведения, леди Офелия, что не потерплю подобного поведения. Став членом этой семьи, вы обязаны быть безупречны.

Потрясенная девушка не знала, что ответить. Как он смеет?! Подумать только! Иногда она считает нужным ставить людей на место и, бывает, даже мстит им, но злоба? Странно…

Лорд Невилл наверняка имеет в виду ее усилия сделать Дункана посмешищем, чтобы расторгнуть помолвку, которая в то время была ей совсем не нужна. Вероятно, поэтому и принимает все так близко к сердцу. Но в ее поступке не было коварства, да и Дункан ничуть не пострадал. Просто был средством добиться желаемого.

— Если вы находите мое поведение предосудительным, сэр, так и скажите, но не обвиняйте в…

— Дорогая моя, — спокойно перебил Невилл, — если бы вы слушали внимательно, наверняка поняли бы, что я действительно нахожу ваше поведение более чем предосудительным, а мнение окружающих о вас говорит само за себя. О вас судачат, и это недопустимо. Садитесь! — рявкнул он, когда Офелия негодующе привстала.

Офелия рухнула на стул. Щеки ее горели, как обожженные. Не будь маркиз столь уважаемым всеми джентльменом, она непременно удалилась бы, но преклонение перед его богатством и титулом удержало ее на месте. Но пусть не думает, что запугал ее своим резким тоном и укоризненными взглядами.

— Не поймите меня превратно, — продолжил он спокойным, неумолимым голосом. — Наша беседа состоялась бы раньше, если бы Дункан не отказался жениться после первой же встречи с вами. Необходимо понять, что, входя в такую семью, как наша, вы принимаете на себя огромную ответственность, к которой скорее всего попросту не подготовлены.

— Я дочь графа, — надменно заявила Офелия, — и, заверяю вас, получила соответствующее воспитание.

Невилл ответил скептическим взглядом, больно задевшим ее самолюбие, и, словно не слышал последнюю реплику, объяснил:

— Ваши родители обитают в столице, поэтому вряд ли сумели внушить вам то, что необходимо знать аристократке, живущей в провинции. Вашему мужу предстоит управлять большим поместьем. Вам, как будущей маркизе, придется выполнять определенные обязанности, отнимающие немало времени и сил. При этом вы будете сталкиваться с людьми самого различного положения — от трубочистов и сельских викариев до самой королевы. Но с кем бы вы ни имели дело, неизменно обязаны держаться, как подобает маркизе Бирминдейл.

— Обязанности? Какие именно? — нахмурилась Офелия.

— Совершенно обычные, как принято в такого размера имениях. Надеюсь, вы умеете заниматься домом? Мой секретарь станет наставлять вас в работе по хозяйству в дополнение к обычным домашним трудам. У вас почти не останется времени для безделья, развлечений или сплетен.

— Никаких развлечений? — ахнула Офелия. Он, должно быть, шутит! Люди такого положения не могут не принимать гостей, не ездить на балы, охоту и рауты. Столичные дамы ее ранга считались королевами света, и за приглашениями в их дом охотились все, имевшие хоть какой-то вес в Лондоне. Офелия собиралась занять среди них подобающее ей место.

Но Невилл, очевидно, был вполне серьезен.

— Нам просто некогда заниматься пустяками. Этот праздник устраивался со вполне определенной целью. Больше такого не повторится. Да и городского дома у нас нет. Стоит ли бросать деньги на ветер, если мы никогда не бываем в Лондоне!

— Но у меня там семья, — напомнила Офелия. — Я, конечно, буду наве…

— Ваши родные могут время от времени гостить здесь. Поверьте, я не зря сказал, что у вас не будет возможности разъезжать куда вздумается и веселиться. Да и у Дункана тоже. Вам нужно с самого начала отчетливо это осознать. Считайте себя отныне сельской жительницей.

Офелия прекрасно понимала, что имеет в виду Невилл. Дворяне, живущие в поместьях, редко покидали свои земли. Они чурались столичной жизни, не бывали в Лондоне даже во время сезона, забывали о лоске, об этикете и становились замшелыми провинциалами. И интересы у них были свои: погода, урожай, рыночные цены. Лондонский свет, по крайней мере люди ее круга, презирал таких.

Офелия ущипнула себя в надежде, что видит кошмарный сон. Оказалось, что она не спит. То, о чем говорил Невилл, разительно отличалось от ее представлений о супружеской жизни. Совсем не о таком она мечтала, когда решила, что Дункан все-таки ей подходит. Но его титул и приятная внешность не стоят подобных жертв.

Но Офелия тут же поняла, что, хочет она того или нет, они отныне навеки связаны с Дунканом. И все из-за того, что Мейвис стала ее врагом. Будь та по-прежнему ее подругой, наверняка согласилась бы молчать о сцене, свидетельницей которой стала, тем более что ничего страшного, в сущности, и не произошло.

Офелия не была так уж безнадежно скомпрометирована: ведь они с Дунканом не лежали в постели! Но Мейвис не захочет придержать язык, да и зачем, ведь Офелия оказалась в весьма невыгодном положении. Единственное, что способно заткнуть ей рот, — объявление о помолвке и скорой свадьбе. Отказаться от жениха во второй раз немыслимо, ибо это даст полное право Мейвис распространять гнусные сплетни.

— Вы что-то неважно выглядите, — заметил Невилл, вторгаясь в ее хаотические размышления.

— Плохо себя чувствую, — промямлила Офелия. — Извините, я должна уйти.

И, не ожидая позволения, она почти выбежала из комнаты.

Глава 36

Громкий стук захлопнувшейся двери заставил Невилла поморщиться. Откинувшись на спинку кресла, он задумчиво уставился вдаль, гадая, не был ли слишком жесток с девушкой.

— Похоже, уже жалеете? — осведомился Арчибальд, выбираясь из огромного, стоявшего у окна кресла, в котором все это время просидел не замеченным Офелией.

— Сам не знаю. Во всяком случае, мне не по себе, — устало обронил Невилл.

— Да не расстраивайтесь вы по пустякам. Жестоко ошибаетесь, если воображаете, будто девица тут ни при чем. Что-то она натворила. Не зря парень вышел из себя, иначе не сорвал бы на ней зло, ворвавшись в спальню среди ночи.

— Он не сказал вам, что случилось или хотя бы с чего все началось?

Арчибальд со вздохом поднялся и пересел поближе к Невиллу.

— Дункан не желает говорить о той ночи даже со мной. Уж поверьте, я допытывался как мог, но он только шипит, как разъяренный кот, каждый раз когда об этом заходит речь. Мальчик во всем винит себя и свою вспыльчивость. А у меня сердце разрывается, когда я вижу его несчастное лицо.

— Думаете, мне это нравится?! — вспылил Невилл. — А ведь именно вы твердили, что не важно, какова девушка, главное — чтобы была красива. Теперь-то понимаете, что это не так?

— Ни к чему сыпать соль на раны, — обиделся Арчи. — Как, по-вашему, почему я предложил потолковать с ней?

Уж слишком у нее был довольный вид, словно у лисы, сожравшей курицу! Теперь ей не до веселья. Только такая прирожденная интриганка, как она, способна найти выход из подобного переплета. Кстати, вы говорили чистую правду или слегка преувеличивали?

— Я ничего не преувеличил, разве что чуть сгустил краски. Мне с самого начала было понятно, что она не годится для сельской жизни. Поэтому я и радовался, когда Дункан различил пустоту за смазливым личиком мисс Рид. Боюсь только, что все мои рассуждения не возымеют никакого действия. Эту головоломку невозможно решить. Как бы ни хотелось девице разорвать помолвку, она не сделает этого из страха потерять уважение окружающих и навеки погубить свою репутацию.

— Но до сих пор об этой истории никто ничего не знает. Та девчонка, что наткнулась на них, никому ни слова не сказала. А если она не из тех, кто раздувает сплетни? Может, совесть не позволяет ей мстить Офелии столь гнусным способом?!

— Вы прекрасно знаете, что мы не имеем права рисковать, Арчибальд. И не важно, затеет Мейвис Ньюболт скандал или нет. Нам следует предполагать худшее и сделать все, чтобы предотвратить беду. Никто ничего не слышал, поскольку мы в тот же вечер объявили о помолвке. То, что шокировало бы общество, сейчас вызовет только снисходительные улыбки. Предстоящая свадьба перечеркнула все грехи молодых.

— Вам так и не удалось найти ту девчонку? — осведомился Арчи, Невилл расстроенно провел ладонью по седым волосам.

— Она исчезла неведомо куда. Арчи сокрушенно покачал головой:

— Может, она вас боится?

— Хорошо, если бы так, — хмыкнул Невилл, — но дело не в этом. Лорд Ньюболт не из тех, кто любит расспросы, особенно когда ответов у него нет. Мне передали, что он рвал и метал, когда мой человек в четвертый раз показался у него в доме. Отказался говорить с ним и вскоре увез жену в Лондон, заявив, что не терпит, когда его волнуют по пустякам. Если они и знают, куда девалась дочь, все равно не скажут. Но думаю, она не сообщила им, куда отправилась, поэтому лорд Ньюболт так взбешен.

— О, черт возьми, ну почему все так запуталось? Неужели трудно разыскать какую-то малышку? Неужели ваши наемники такие болваны?

Невилл, пропустив ехидный вопрос мимо ушей, продолжал:

— То, что мы до сих пор не сумели с ней поговорить, может быть результатом неудачного стечения обстоятельств, но я начинаю думать, что она специально скрывается. А пока нам лучше обсудить, как уберечь будущих правнуков от влияния их мамаши.

— Очень просто, — ухмыльнулся Арчи. — Отправите их ко мне раньше, чем предполагалось. Уж поверьте, она вряд ли захочет жить в горах.

— Это не выход, — проворчал Невилл.

— Похоже, мы опять начинаем препираться, — вздохнул Арчи.

— Нет, — сухо ответствовал маркиз. — Я просто хочу подчеркнуть, что дети Дункана будут англичанами, научатся любить эту страну и правильно говорить по-английски, прежде чем

попадут в ваши лапы.

— Не стоит оскорблять меня по пустякам, иначе я могу подумать, что больше вам не нравлюсь, — съязвил шотландец.

— Рад, что вы это понимаете, — процедил Невилл, — хотя трудно представить, что вы находите забавного в этом положении.

— Абсолютно ничего, но вот вы кажетесь невероятно смешным, когда напускаете на себя свою английскую спесь. Ладно, давайте пока сложим оружие, милорд. Мы с вами в этом деле союзники, и оба не хотим, чтобы мисс Рид вошла в семью. Так почему бы не отложить чертову свадьбу, пока не отыщется та девушка?

Невилл снова вздохнул:

— Потому что смысла нет. Она пока молчит, полагая, что теперь, когда венчание не за горами, рассказывать о том случае бессмысленно. Но представляете, как она будет торжествовать, если заподозрит, что помолвка всего лишь фарс? Мисс Ньюболт вполне способна рассказать всем, что видела той ночью, тогда свадьба неминуема.

— Интересно, кого мы пытаемся защитить? Неужели вы хотите пожертвовать семьей и собственным внуком ради мисс Рид?!

— Предлагаете бросить Офелию Рид на произвол судьбы? Я и сам об этом подумывал, тем более что она вряд ли заслуживает нашего покровительства. Я даже пытался обсудить это с Дунканом. А теперь угадайте его реакцию, тем более что он считает себя виноватым во всем.

Настала очередь Арчи тяжело вздохнуть:

— Он хороший парнишка, наш Дункан. И хотя ненавидит мисс Рид, все же не допустит, чтобы она пострадала по его вине. Значит, остается искать барышню Ньюболт или надеяться, что леди Офелия сама придумает способ отделаться от Дункана, особенно теперь, когда вы дали ей пищу для размышлений.

, . — Можете считать ее достаточно хитрой для таких проделок, но я на это не рассчитываю и впредь удвою усилия, чтобы найти Мейвис. Поверьте, если я сумею напасть на ее след, сделаю все, чтобы она молчала как рыба: заплачу, пригрожу, стану умолять, словом, из кожи буду лезть. Но сначала нужно увидеться с ней, а время работает против нас.

Глава 37

Чем меньше дней оставалось до свадьбы, тем угрюмее становился Дункан. Он постоянно срывался, кричал на тех, кто имел несчастье подойти к нему, и старался избегать оставшихся гостей. Правда, и они не горели желанием заговаривать с ним, ведь теперь он уже не был «главной приманкой» и можно было уделить внимание другим женихам? Это позволило ему исчезать почти на целый день, не вызывая удивления и расспросов. Оба деда, добившись желаемого, тоже оставили его в покое. Ни тот ни другой не выказывали особенного восторга по поводу невесты: возможно, им не давала покоя мысль, что Офелия — последняя, кого выбрал бы внук… будь у него выбор.

Дункан чувствовал себя загнанным зверем. Никогда в жизни ему не было так плохо. Даже узнав, что отныне придется жить в Англии с дедом, которого не знал и знать не хотел, Дункан не отчаялся. Он пришел в бешенство. Но необходимость жениться на той, кого он видеть не мог, наполняла его мучительной тоской, а сознание собственной беспомощности терзало день и ночь.

Он нуждается в поддержке и ободрении. В улыбке Сабрины. Но Дункан с каждым днем все отчетливее понимал, что никогда ее не увидит, и от этого на душе становилось еще тяжелее.

Он боялся, что навеки потерял ее дружбу и она намеренно прячется от него, потому что презирает. И разве можно ее винить? Он воспользовался наивностью и неопытностью Сабрины, застал врасплох, когда она была расстроена. Она, должно быть, возненавидела его, когда опомнилась. И что всего хуже — он сделал предложение другой женщине после того, как овладел Сабриной. Трудно представить, что она думает о нем. Должно быть, ничего хорошего. Но он просто обязан ей все объяснить наедине.

Дункан приезжал к Сабрине, оставлял записки, однако ему постоянно твердили, что она нездорова. Это могло означать все, что угодно, включая вежливый намек на нежелательность его присутствия в доме Ламбертов. И хотя все знали, что Сабрина обожает прогулки в любую погоду, Дункан ни разу не встретил ее, хотя очень надеялся на это. Он то и дело ездил взад-вперед по дороге в Оксбоу мимо «Коттеджа на излучине», часами просиживал на холме, где впервые встретил Сабрину. Все зря. Все напрасно.

Но сегодня… Сегодня ему наконец повезло. Правда, он был далеко, а она почти скрылась за поворотом. Ветер играл выбившимися из-под капора волосами, толстая шаль лежала на плечах поверх накидки, надежно скрывавшей соблазнительные изгибы фигуры. Дункан пустил коня в галоп и помчался вперед. О, как ему хотелось заключить Сабрину в объятия и никогда не отпускать! Но вместо этого тоска, раздражение, тревога за нее и злость на себя, копившиеся так долго, вырвались наружу, и Дункан с удивлением услышал собственный крик:

— Какого черта ты бродишь в такой холод, если только встала с постели? Или вовсе не болела? И почему, позволь спросить, ты отказывалась меня видеть каждый раз, когда я, как дурак, торчал в твоей гостиной?!

Сабрина как-то странно посмотрела на него, открыла было рот, но потом решительно сжала губы, повернулась и пошла прочь. Уходит?!

Дункан ошеломленно уставился ей в спину. Минутная передышка позволила ему осознать, как грубо он себя повел. Разумеется, столь беспечная и искрометная натура, как Сабрина, вернее, какой она была, оскорблена таким обращением.

— Какого черта ты бродишь в такой холод, если только встала с постели? Или вовсе не болела? И почему, позволь спросить, ты отказывалась меня видеть каждый раз, когда я, как дурак, торчал в твоей гостиной?!

Сабрина как-то странно посмотрела на него, открыла было рот, но потом решительно сжала губы, повернулась и пошла прочь. Уходит?!

Дункан ошеломленно уставился ей в спину. Минутная передышка позволила ему осознать, как грубо он себя повел. Разумеется, столь беспечная и искрометная натура, как Сабрина, вернее, какой она была, оскорблена таким обращением.

Дункан вздохнул и поскакал за ней.

— Погоди.

Сабрина и не подумала остановиться.

— Ну хоть поговори со мной.

Сабрина на мгновение замерла и тихо ответила:

— Нам не стоит встречаться, Дункан.

— Почему?

— Отныне ты помолвлен. И не имеешь права навещать другую женщину, а тем более останавливать ее на дороге. Если нас увидят и донесут Офелии, разразится скандал, а он нам обоим ни к чему, — объяснила она и пошла дальше, чем взбесила Дункана настолько, что он мгновенно забыл, сколько горечи было в ее голосе.

— Плевать мне на то, что думает Офелия, — прорычал Дункан. — Я навещаю своих друзей, когда захочу.

Или мы больше не друзья?

Сабрина обернулась, но только затем, чтобы прошептать:

— Офелия не позволит тебе общаться с другой женщиной. Или ты еще не понял, насколько она ревнива и на какие гадости способна?

— Значит, в ту ночь она жестоко тебя обидела? Отравила своим гадючьим ядом?

Сабрина устало покачала головой:

— Не совсем так. Я расстроилась, потому что вышла из себя и опустилась до ее уровня. Подобное вовсе не в моем характере, и я жестоко упрекала себя за то, что дала волю языку.

Сабрина вышла из себя? Представить невозможно! Хотел бы он присутствовать при той сцене! Впрочем, нет, пожалуй, не стоило бы. Достаточно и той холодной сдержанности, которую она выказывает по отношению к нему. Просто мурашки по телу бегут!

Дункан спешился и угрожающе навис над девушкой.

— Взрыв твоей ярости по крайней мере не имел роковых последствий. Хуже, когда теряешь самообладание, а в результате твоя жизнь навеки погублена, — с такой мукой в голосе произнес он, что даже будь Сабрина совершенно равнодушна к нему, все равно не удержалась бы от вопроса:

— Погублена? Что ты наделал?

— Страшно обозлился, когда ты выбежала одна в ночь, сама не зная куда после разговора с Офелией. Я, конечно, понял, кто во всем виноват.

— Но ты ошибся. Ее колкости и завуалированные оскорбления обычно меня не задевают. Меня потрясло мое собственное поведение.

— Да, но вспомни, что ты никак не хотела говорить о причине своих слез. Поэтому, вернувшись

в Саммерс-Глейд, я решил выяснить, чем Офелия тебя обидела, но нигде не мог ее найти. Минуты шли, и я едва сдерживался. А когда наконец узнал, где она, даже не успел подумать, что неприлично врываться…

— Куда именно?

— В ее спальню.

Даже в своем нынешнем состоянии Сабрина была так поражена, что только тихо охнула.

— Но и это было бы ничего, если бы нас не застали вдвоем.

— Кто?

— Мейвис Ньюболт. Офелия клялась, что девчонка ее ненавидит и с величайшим наслаждением разнесет сплетни по всей округе. От души надеюсь, что это не так. Беда в том, что эта самая Мейвис куда-то исчезла, поэтому я никак понять не могу, будет ли она держать рот на замке.

— Хочешь сказать, будто именно поэтому ты снова обручился с Офелией?

— Почему же еще? Неужели воображаешь, что я хочу на ней жениться?

— И все это произошло после того, как ты проводил меня домой?

— Разумеется.

Сабрина отвела взгляд. Когда она снова подняла голову, ее лицо уже ничего не выражало, а голос был сухим и деловитым:

— Офелия — прирожденная лгунья, но насчет Мейвис права. Когда-то они были подругами, но теперь рассорились, а причиной всему — себялюбие и эгоизм Офелии. Размолвка случилась в Саммерс-Глейд, и с тех пор Офелия делает все, чтобы очернить Мейвис.

— Ты хорошо знаешь мисс Ньюболт? Как, по-твоему, захочет она отомстить Офелии, даже если для этого придется растоптать кого-то другого?

— Прости, Дункан, но я не очень хорошо с ней знакома, хотя она мне нравится. Милая, достойная девушка и ведет себя по-дружески, по крайней мере когда поблизости нет Офелии. Офелия плохо действует на многих людей, словно высвечивая в них самое дурное. Поразительное качество.

— Неужели все подумают, будто я скомпрометировал ее? И все потому, что нас видели вместе, хотя я пальцем до нее не дотронулся! Ума не приложу, как выпутаться из этой паутины! Разве что…

— Разве?..

Дункан отвернулся, удивляясь, как мог подумать, а тем более упомянуть о том, что спасти его способна лишь Сабрина. Конечно, ни о чем другом он и не мечтал, но это означало бы, что он бессовестно использует Сабрину. Опять.

— Не важно, — пробормотал он. — Так, глупая идея, о которой лучше не упоминать.

— А мне казалось, ты готов на все, если, разумеется, действительно не хочешь жениться, — сухо обронила она. Дункан резко развернулся и начал оправдываться:

— Думаешь, мне легко? Только и твержу себе, что по-настоящему скомпрометирована не она, а ты! Уж лучше бы меня вынудили жениться на тебе… нет, то есть… Что я несу… Совсем не это хотел сказать…

В голосе Сабрины отчетливо зазвенели льдинки:

— Совершенно не важно, что именно ты имел в виду, Дункан. Все равно ничто не изменит того печального факта, что репутация Офелии будет навеки запятнана, если выйдет наружу эта история. И пусть ты действительно до нее не дотронулся, скандал есть скандал, а кому, как не мне, знать губительные последствия пересудов, пусть даже в них нет ни капли правды. И как бы я ни относилось к Офелии, никоим образом не стану способствовать ее падению.

С этими словами она гордо удалилась. На этот раз Дункан не пытался ее остановить. Бодрость духа, которую он надеялся обрести после беседы с Сабриной, так и не пришла к нему. Наоборот, чувствовал он себя хуже некуда. Сабрина совершенно измучена, несчастна и тоскует. И всему причиной — он.

Глава 38

С неба сыпал мелкий дождик, скрывая расстилавшийся за окном пейзаж. Дункан стоял у окна гостиной, глядя в мутное небо и гадая, любуется ли Сабрина тем, что творится на улице. Она обожала ливни, ураганы, любые «дары» природы, независимо от времени года. Какое радостное у нее было лицо, когда он увел ее на балкон, под ливневые струи…

— Ты не можешь постоянно избегать меня.

Дункан дернулся, как от ожога. Этот ненавистный мяукающий голос Офелии действовал ему на нервы. Небосклон рано потемнел из-за дождя, так что пришлось зажечь лампы, но он увидел ее отражение в стекле — она вся словно сияла внутренним светом, отчасти из-за золотистых волос и белоснежной кожи.

Дункан не обернулся. Он действительно не желал начинать с ней беседу, особенно по поводу их редких встреч. Просто он еще не решил, как с ней обращаться.

Можно сказать правду: что он едва терпит ее, и это, вне всякого сомнения, приведет к полному отчуждению после свадьбы. Идеальный союз, по крайней мере для него. Или… или попытаться поладить с ней, смириться с нежеланным браком. Правда, Дункан не знал, способен ли на такое, но попробовать стоило. Но если она рано или поздно разгадает его истинные чувства, это все равно приведет к разрыву, так зачем трудиться?

Зачем? Хотя бы ради Арчи. Дед мечтал о наследниках. Но он так и не увидит внуков, если Дункан не ляжет с женой в постель.

— Что скажут люди?

— Как? Она еще здесь?

Дункан с тяжелым вздохом бросил косой взгляд на Офелию.

— Подумают, что мы не слишком рвемся к алтарю? — к собственному удивлению, спросил он. Ничего не скажешь, притворщик из него еще тот! Однако он предпочитает правду, и, возможно, им удастся договориться и поладить друг с другом. А Офелия? Сумеет она измениться или слишком поглощена собой, чтобы обращать внимание на остальных? А хочет ли он помочь ей стать другой? Нет, это дело безнадежное.

— Я действительно не имею ни малейшего желания выходить за тебя! — вспылила она. — Особенно после того, как твой дед во всех подробностях расписал тоскливое существование, которое нам придется здесь вести. Но ты… тебе ни к чему делать вид, будто не желаешь на мне жениться. Именно поэтому мы снова обручились!

Дункан не то чтобы онемел, но прошло несколько мгновений, прежде чем он пришел в себя после потрясения.

— Неужели ты не понимаешь, Офелия, что красивая внешность — еще не все? Что некоторые мужчины предпочитают светлую душу и ум смазливому личику?

Она непонимающе уставилась на него и снисходительно рассмеялась;

— Ошибаешься, и доказательством тому служат сотни предложений, которые я получила от лучших женихов столицы. А ведь эти джентльмены едва меня знали. Кому лучше меня знать, что нужно мужчинам?!

— Значит, они и убедили тебя, что красота — это самое главное. Если бы ты стала женой одного из них, тебя ждало бы горькое разочарование, особенно когда они поняли бы, что ты собой в действительности представляешь. Буду честным с тобой, Офелия. Мне не нравятся твой характер и злоба, которая так и брызжет из тебя. Как ты обращаешься с людьми? Ведешь себя так, словно все они в сравнении с тобой — жалкие мошки.

— Если ты думаешь… — негодующе начала Офелия, но Дункан спокойно перебил ее:

— Помолчи немного и сообразишь, почему я все это тебе говорю. Если нам придется пожениться, а похоже, никто не может нас спасти от этого брака, выбор у нас будет невелик: либо жить в мире друг с другом, либо создать собственный крохотный ад на земле. Но добиться душевного покоя мы сможем, только если ты станешь другой, посмотришь на себя со стороны. Как, по-твоему, ты в силах сделать это?

— В моем поведении нет ничего дурного, — настаивала Офелия.

— Если ты не желаешь понять, что твое высокомерие и склонность к сплетням отвратительны мне, значит, нам не о чем говорить.

— Подумаешь! Однажды я немного обидела тебя, и это считается злобой? Да ты хотя бы потрудился спросить, почему я это сделала? Тебе ведь все равно, что я уже тогда не хотела этого брака! Что была вне себя, когда нас обручили, даже не спросив, желаю ли я такого жениха! Я просто старалась всеми силами избавиться от обязательств по отношению к тебе, и что тут плохого?

— Но зачем такие сложности? — пожал плечами Дункан. — Могла бы просто сказать мне о своих чувствах, и разошлись бы с миром.

— Да ты, должно быть, шутишь! Кому, как не мне, знать — стоило нам встретиться, и тебя уже ничто не остановило бы. Поэтому я и решила довести тебя до белого каления, и мой план удался. Ты отказался от меня.

Рассуждения Офелии были вполне понятны Дункану. Недаром, увидев ее, он посчитал, что ему несказанно повезло. Прелестное личико свело его с ума, как и других мужчин. Скажи ему она правду тогда, он скорее всего постарался бы переубедить ее. Но ведь он очень быстро понял, что за ослепительной внешностью скрывается не слишком приятная особа. Значит, ее откровенное признание ничего не изменило бы.

Но она всячески интриговала, старалась убрать его с глаз долой и вполне преуспела в этом.

— Ты очерняла мое имя и распускала мерзкие сплетни на каждом углу! Тоже с этой целью?

— Не мели вздора, — пожурила его Офелия. — Ты тут совершенно ни при чем. Я просто стремилась показать родителям, что ты не годишься мне в мужья и следует как можно скорее расторгнуть помолвку. Но ничего не получилось. Они готовы были любой ценой тащить меня в церковь. И нечего притворяться, будто ты так уж обижен. Другое дело, если бы все оказалось правдой, а так люди жаждали встретиться с тобой и увидеть собственными глазами, настолько ли беспочвенны слухи.

Дункан скорбно покачал головой:

— Неужели не понимаешь всю мерзость такого плана, тем более что достаточно было обыкновенной правды…

— Правды?! — с горечью воскликнула Офелия. — Разве я не пыталась? Сотни раз твердила родителям, что не желаю становиться женой человека, которого в глаза не видела. А теперь скажи откровенно: как ты отнесся к тому, что помолвлен с девушкой, имени которой не знаешь? А, не важно, тебе, очевидно, было все равно, если ни разу не возразил.

Дункан смущенно вспыхнул. Офелия не совсем права. Узнав о женитьбе, он вспылил, точно как она. Если, разумеется, она не лжет по обыкновению.

— Видишь ли, — выдавил он, — я сам узнал обо всем только за несколько дней до приезда сюда. Я достаточно взрослый человек, чтобы выбрать себе жену. Невилл ошибся, считая, что имеет право сделать это за меня. Я бы сразу отказался от договора, но меня упросили сначала повидаться с тобой, что и было сделано.

Теперь Офелия покраснела.

— Но откуда мне было знать? — оправдывалась она. — А теперь, любитель истины, ответь: ты разорвал бы помолвку, если бы я не оскорбила тебя?

— Нет, — твердо ответил он. — Скорее всего не сразу. Ты настоящая красотка, этого нельзя отрицать. Но не потребовалось бы много времени, чтобы сообразить: твоя душа не похожа на лицо. Теперь у нас нет выхода, и во всем виновата ты. Не стань ты смертельным врагом той девицы, что нас увидела, все можно было бы уладить.

— Вряд ли, — возразила Офелия. — Купить молчание почти невозможно, и никогда нельзя быть уверенным, что человек сдержит слово.

Дункан растерянно развел руками:

— Не обязательно кого-то покупать, Офелия. Веришь ли, но некоторые люди и без всяких уговоров поняли бы, что не стоит губить молодых людей из-за невинной встречи в неподходящем месте.

Дункан растерянно развел руками:

— Не обязательно кого-то покупать, Офелия. Веришь ли, но некоторые люди и без всяких уговоров поняли бы, что не стоит губить молодых людей из-за невинной встречи в неподходящем месте.

— Ты слишком хорошего мнения о людях, — фыркнула она.

— А ты слишком плохого. Значит, мы снова пришли к тому, с чего начали. И все-таки мы намертво связаны друг с другом. Поэтому я и хочу знать, постараешься ли ты измениться? Прекратишь враждовать с людьми только потому, что тебе не по вкусу их взгляды или слова? Сможешь не интриговать и не злословить? Не лгать на каждом шагу и…

— б, с меня хватит, — прошипела она. — Может, мне и дышать уже нельзя?

— Сарказм тут неуместен!

— Это не сарказм! — взорвалась Офелия. — Очевидно, ты чересчур возвышенная личность для меня, Дункан. Так почему бы не признать, что мы друг другу не подходим и никогда не подойдем? Я считала, что смогу выйти за тебя, особенно после того как мы поближе познакомились, но теперь, слава Богу, передумала, особенно после разговора с лордом Невиллом, соблаговолившим подробно разъяснить, какой невероятной тоской будет жизнь в этой глуши. Поверь, я так же пылко желаю избавиться от этого брака, как и ты, и готова молить, даже умолять Мейвис не проговориться. Но я знаю, что ни к чему хорошему это не приведет. Она ненавидит меня и, вероятно, всегда ненавидела.

— Но почему? — допытывался Дункан. — Что ты ей сделала?

— Не будь наивным. Достаточно родиться с такой внешностью, чтобы остальные женщины стали люто тебя ревновать и завидовать. А это неизбежно ведет к неприязни и вражде. Правда, они пытаются это скрыть, но не всегда успешно. Мейвис, как и многие другие, лишь притворялась моей подругой, потому что вокруг меня всегда много молодых людей. Думаешь, я не знаю, как меня используют? Считаешь, легко вынести такое?

— Если бы я не знал, что эту ненависть ты навлекла на себя сама, наверняка пожалел бы тебя.

— Не смей так говорить! — вскинулась она. — И если хочешь выпутаться из этой невыносимой ситуации, которую сам же и создал, сделай что-нибудь! Не могу же я скитаться по всей стране в поисках Мейвис! А ты можешь! Прекрати ныть и страдать! Пальцем о палец не ударишь, чтобы избавить нас от этой напасти!

Она величественно удалилась, оставив его у окна. Будущее казалось Дункану безрадостным. Найти девчонку Ньюболт! Легкая задача, нечего сказать! Мало того что он совершенно не знаком с этими местами, так еще и понятия не имеет, с чего начать поиски. Однако Офелия права. Он ноет и хандрит. Так глубоко погряз в собственных несчастьях, так жалеет себя, что даже не пытается найти выхода. И все потому, что уверился, будто не имеет ни малейшего шанса на успех.

Оставалось надеяться на молодцов, которых Невилл пустил по следу Мейвис. Уж они-то, по

словам деда, наловчились в два счета находить пропавших людей. Но и это не утешало Дункана, особенно теперь, когда до свадьбы осталось совсем немного времени.

Глава 39

Однако Дункан все же решил отправиться на поиски Мейвис Ньюболт. И очень быстро осознал бесплодность своих усилий, особенно когда стал собирать сведения о пропавшей девушке в Саммерс-Глейд. Оказалось, что Мейвис может гостить в любом из десятков домов, разбросанных по всей стране. Как ни странно, именно Офелия продиктовала ему большинство адресов близких подруг Мейвис, которые, возможно, съехались в Лондон.

Прекрасно понимая, что за оставшиеся несколько дней все равно не сумеет посетить всех друзей мисс Ньюболт, Дункан мучительно соображал, в каком доме сумеет больше узнать о Мейвис, а может, и застанет девушку. Беда в том, что он не был знаком с хозяевами. Поэтому и обратился к тому, кто наверняка знал всех.

Рэйфела он увидел издали. Похоже, тот сам искал встречи, поскольку вместо приветствия объявил:

— Понимаю, что вы будете безутешны, но придется расстаться. Жаль, что все хорошее… впрочем, и плохое когда-нибудь кончается. Вижу, вы нуждаетесь в объяснениях, так что скажу сразу — я собираюсь вернуться в Лондон. Здешняя атмосфера становится поистине угнетающей. Можно подумать, все собрались не на свадьбу, а на похороны;

— Не стану спорить, — отозвался Дункан. — Собственно говоря, я сам еду в Лондон и хотел спросить…

— Побег из тюрьмы? — восторженно перебил Рэйфел. — Ну и ну, вот не думал, что вы на такое способны.

Дункан рассвирепел, но, помня о том, что нуждается в совете, благоразумно сдержался.

— Не способен. Просто еду на поиски мисс Мейвис Ньюболт, девушки, у которой есть отличная возможность и огромное желание затеять громкий скандал. Она единственная, кто может вытащить меня из этого ада.

— Хотите сказать, что мисс Ньюболт пропала? Дункан кивнул:

— Она не вернулась домой после отъезда отсюда, а родителей так раздражают наши расспросы, что и они покинули лондонский особняк. Невилл разослал своих людей, но пока и у них ничего не выходит.

— Возможно, она не желает, чтобы ее нашли, — предположил Рэйфел.

— Понимаю, но кто-то должен знать, где ее укрытие. Я раздобыл адреса друзей мисс Ньюболт и…

— Зря время тратите, — возразил Рэйфел. — Если она прячется, хотя не пойму, зачем ей это, то не станет исповедоваться друзьям.

— Вам, разумеется, не известно, где она может быть?

Или все-таки знаете, куда она могла деваться?

— Я? Да я ее, по-моему, никогда не видел. Зато хорошо знаю кузена мисс Мейвис, Джона, который и привез ее на ваш праздник. На вашем месте я прежде всего справился бы о нем» поскольку она уехала не одна.

— Джон тоже куда-то исчез, по крайней мере мне сказали, что он не вернулся домой.

Рэйфел приподнял золотистые брови и пробормотал себе под нос:

— Нет, они двоюродные брат и сестра… вряд ли… не важно. Хорошо, что слуги вашего деда так дотошны и досконально все проверили. Весьма ободряющие новости.

Ободряющие? Не такое уж большое утешение знать, что двое молодых людей как сквозь землю провалились!

— Если верить моему деду Арчи, старик Невилл не побоится никаких расходов.

— Еще бы! — ухмыльнулся Рэйфел. — Представляю, насколько ужасает его мысль о такой невестке, особенно теперь, когда он знает, что Офелия способна на любую пакость!

— Наверное, — пожал плечами Дункан. — Я стараюсь как можно меньше с ним общаться.

— Вот это да! И вас он запугал? Не могу сказать, что виню…

— О, не делайте поспешных выводов. Он мне просто не нравится.

— Ваш собственный дед? Но почему? Вместо того чтобы попросить Рэйфела заняться собственными делами, Дункан спросил:

— Вы, конечно, не знаете, где найти этого самого кузена мисс Ньюболт?

Рэйфел понял намек и, задумчиво нахмурившись, произнес:

Рэйфел понял намек и, задумчиво нахмурившись, произнес:

— Мы не слишком близкие друзья — так, иногда болтаем, встречаясь в клубе… ну вы знаете, о чем могут распространяться мужчины в отсутствие женщин. Слышал, однако, что он приобрел домик в Манчестере — исключительно для своих любовниц. Выиграл его в карты. Вполне обычная практика: поселять содержанок в подобных уединенных местах. Многие женатые мужчины делают то же самое. Но мне показалось забавным, что Джон предпочитает жить со своей мамочкой, а не в отдельном особняке. Кстати, имение в Манчестере чертовски далеко от Лондона, где обитает его матушка, и единственное, которым владеет он лично. Другой на его месте давно удрал бы туда!

— Но тогда с его стороны было бы верхом неприличия везти туда кузину!

— Только не в том случае, если там сейчас никто не живет, — пояснил Рэйфел. — И упомянул я об этом убежище только потому, что, имей я молодую кузину, которая попросила бы меня спрятать ее, наверняка предложил бы остановиться в таком домике, если бы, разумеется, в настоящее время он пустовал. Заметьте, это совсем недалеко отсюда. Не то что от столицы.

— Вы, случайно, не спросили адрес?

— Разве я сказал, что Ньюболт — мой приятель? Дункан рассеянно взъерошил волосы, но тут его осенило:

— А город велик?

— Манчестер достаточно большой, — рассмеялся Рэйфел, — чтобы надеяться, что вам на первом же углу укажут, куда идти. Это настоящий город, старина, а не поселок или деревня.

У Дункана зачесались руки свернуть негодяю шею за то, что вселил в него напрасные надежды и сам же их развеял. Очевидно, на лице отчетливо отразились его мысли, поскольку Рэйфел поспешно отступил. Но Лок тут же озорно усмехнулся:

— И все-таки я способен помочь вам выпутаться из сложного положения.

— Даже если это чистая правда, в чем я сомневаюсь, с чего вдруг такая доброта?

— Кровь Христова! Не стоит подозревать меня во всех грехах. Заверяю, я сделаю это абсолютно бескорыстно. Просто знаю, что вы хотите жениться на другой.

Неужели Рэйфел имеет в виду свою сестру? Недаром все время ноет, как ему надоело опекать Аманду. Хочет поскорее выдать ее замуж и отделаться! Не выйдет. Хватит с него и Офелии!

Поэтому Дункан поспешно заверил:

— Ошибаетесь. Не имею ни малейшего желания жениться на ней.

— Нет? Дьявол, а я-то подумал… ладно, значит, не так понял. Но все же готов помочь.

— Каким образом?

— Сделаю предложение Офелии. Я, вероятно, единственный, из-за кого она готова немедленно вас бросить.

— Вижу, вы чертовски лестного о себе мнения, сэр. Не известно, кто из вас двоих выше нос задирает!

— Ничего вы не понимаете, — засмеялся Рэйфел. — Речь идет о титулах, а только это и интересует вашу невесту, если не считать богатства. Не думайте, что она жаждет заполучить именно вас. А титул, который унаследую я, гораздо более высокий, чем ваш.

— Даже если бы все удалось, я не имею права просить вас о такой жертве.

— Какая жертва! — отмахнулся Рэйфел. — Я же не собираюсь вести ее к алтарю. Просто попрошу руки, побуду немного ее женихом, а потом разорву помолвку. Нет, поступлю, как джентльмен, и позволю ей меня бросить. Пусть бедняжка сохранит лицо… и тому подобное. В результате никто не пострадает, а вы избегнете участи горшей, чем сама смерть. Я вернусь к своему обычному распутному образу жизни, стану устраивать оргии, и все будут счастливы.

— Кроме Офелии, бывшая подруга которой способна в любой момент уничтожить ее, рассказав о сцене в спальне, — вставил Дункан. — Что помешает Мейвис сообщить пикантную сплетню всем, если окажется, что свадьбы не будет? Помолвка с вами только разожжет невиданный скандал, которого мы все стараемся избежать.

Рэйфел надолго задумался.

— Похоже, вас действительно приперли к стенке, дружище. Так чего мы ждем? Давно я не бывал в Манчестере! Не возражаете, если присоединюсь к вам? Вдвоем мы быстрее объедем весь город. А заодно предупредите маркиза, чтобы послал туда своих людей.

И хотя Дункан по-прежнему не выносил манеры Рэйфела выражаться иносказательно и чересчур цветисто, он все же был вынужден признать, что его новый приятель не так уж плох. Пожалуй, даже чем-то ему симпатичен.

Глава 40

Сабрина постепенно свыклась со своим новым существованием. Осознала, что способна не думать о Дункане и даже иногда улыбаться. Конечно, время от времени слезы неудержимо лились из глаз, но чаще всего ей удавалось казаться спокойной и заниматься повседневными делами.

Бывали и неприятные срывы, как например, когда бедняга Роберт Уиллисон остановился поговорить с Сабриной во время ее прогулки по Оксбоу и стал свидетелем очередного припадка. Несчастный настолько растерялся, когда Сабрина вдруг разразилась рыданиями, что принялся звать на помощь соседей. Правда, Сабрина ловко вывернулась, свалив неожиданный «ливень» на соринку, попавшую в глаз, и напомнив доброхотам, что самый лучший способ удалить ее — хорошенько поплакать. Добрые люди уставились на Сабрину, как на сумасшедшую, но многие часто смотрели на нее именно так, когда она впадала в меланхоличное настроение, поэтому тут не было ничего особенного.

Тетушки решили, что она уже «оправилась», хотя вслух это не обсуждалось. Обе знали, что Дункан имеет прямое отношение к странному недомоганию племянницы, но старались щадить ее чувства. Однако иногда щекотливая тема все же затрагивалась. Да и как же иначе, если свадьба Дункана стала основным предметом пересудов в округе и трудно было не упомянуть о ней хотя бы раз в день. Но Элис и Хилари снова стали подумывать о других джентльменах, которые могли бы подойти Сабрине. Как-то вечером, после ужина, Элис упомянула о новом соседе.

— Альберт Шинуэлл — так, кажется, его зовут. Строит особняк на другом конце Оксбоу, рядом с прелестным лугом. Говорят, он неожиданно получил наследство и решил обосноваться в здешних местах.

— Люди склонны швыряться деньгами, особенно когда раньше были не слишком хорошо обеспечены, — кивнув, добавила Хилари. — Как ни странно, это довольно часто случается.

— Я слышала, что он также строится в Бате и Портсмуте. Должно быть, кругленькая сумма ему досталась.

— Он холост, причем никогда не был женат, — вмешалась Хилари. — Это совершенно точно.

— И довольно молод, — вторила Элис. — Ему нет еще и тридцати.

Сабрина сразу сообразила, к чему они клонят.

— Рано или поздно я все равно с ним столкнусь, так что не трудитесь приглашать его сюда.

— Мы ни за что не отважились бы на такое, дорогая, по крайней мере я, — открестилась Хилари.

— Намекаешь, что я на все способна? — оскорбилась Элис. — Не настолько я бесчувственна, чтобы не понять, как страдает наша малышка из-за проклятой свадьбы.

— Зато ты достаточно бездушна, чтобы рассуждать о «проклятой свадьбе».

Сабрина вскочила, стараясь отвлечь их внимание, прежде чем они сцепятся по-настоящему.

— Ничего страшного, я не расстроилась. И не стоит ходить вокруг меня на цыпочках, как у постели больной. Верно, я, как и тетя Хилари, втайне считала, будто между мной и Дунканом существует нечто большее, чем дружеские отношения. Значит, мы ошибались. Ничего, я справлюсь с этим. Его помолвка с Офелией скорее удивила, чем ранила меня. Но пройдет немного времени, и все станет на свои места. Честное слово, я уже почти пришла в себя, — заверила она и поспешно направилась к выходу, чтобы тетушки не увидели ее дрожащих губ. Но обмануть их ей не удалось.

— Лжет она, — уверенно объявила Хилари. — Тоска ее изводит.

— Знаю, — печально кивнула Элис. — Так и подмывает взять дубинку и как следует отходить этого…

— С радостью помогла бы тебе в столь благородном деле, — перебила сестру Хилари. — Но чем это поможет? Разве какая-нибудь девушка способна соперничать с Офелией? Даже чудесная малышка вроде нашей Сабрины! Ах, как же все-таки слепы эти идиоты мужчины!

Элис непременно хихикнула бы по поводу столь мудрого заключения, если бы не сочувствовала племяннице всей душой.

— Видишь ли, хотя особенного значения это не имеет, но если хочешь знать, я не стремилась заполучить в родственники старого болвана Невилла. Помнишь, после гибели деда, когда впервые разгорелся скандал, маркиз достаточно ясно дал понять, что не желает иметь-с нашим семейством ничего общего.

— А я не вполне уверена в этом, — задумчиво возразила Хилари. — На празднике он бросил фразу, из которой стало понятно, что он скорее возмущен поступком деда, чем самим скандалом. Вспомни, они были приятелями, по крайней мере часто охотились вместе.

— Какую именно фразу?

— Он спросил, по-прежнему ли в нашей семье встречаются случаи идиотизма, — пояснила Хилари. Элис мгновенно вспыхнула от гнева:

— Каков лицемер! Кто бы говорил! Можно подумать, не он позволил дочери сбежать с горцем, а потом бесконечно ныл и стонал, оплакивая потерю единственного ребенка! Разве это не идиотизм?!

Хилари покачала головой:

— Вряд ли что-то можно было сделать, если она с первого взгляда в него влюбилась. Прежде всего нам вообще следовало помешать им встретиться.

— Надеюсь, ты достойно ему ответила? — спросила негодующая Элис.

— Конечно. Но немного остыв, я посчитала, что Невилл просто имел в виду нашего деда. Признайся, мы и сами были такого же мнения о его поступке.

— Да, но все это дела давно минувших дней, — бросила Элис. — А тебе не следовало поощрять фантазии Сабрины. Зачем ты твердила, что Дункан к ней неравнодушен?

— Поощрять? — вознегодовала Хилари. — Можно подумать, я слепа! Совершенно очевидно, что мальчик увлекся ею, хотя, как оказалось, это была всего лишь дружба.

— Трудно его судить за это. Наша девочка — настоящее сокровище.

— Тут ты права. Но не думай, что Невилл возражал бы против свадьбы только из-за того скандала. Ему, разумеется, не понравилась бы невеста внука, но старик мечтает о наследниках. При такой спешке нельзя позволить себе быть разборчивым.

— Почему же? — возразила Элис. — Недаром Невилл собрал столько девушек. Дункан совсем растерялся в таком цветнике, и взгляни, чем дело кончилось! Обручился с той, кого с самого начала предназначил ему дед.

— Но по доброй ли воле?

— О чем ты?!

— Знаешь дочку Мэри Петти, которая служит старшей горничной в Саммерс-Глейд? Я говорила с Мэри сегодня утром, когда ходила к башмачнику. Она клянется, будто дочка сказала, что в поместье все переживают из-за этой свадьбы, а жених и невеста избегают друг друга.

— Все? Все до единого?

— Так по крайней мере утверждает дочь Мэри.

— Странно. В таком случае почему они женятся? Вместо ответа Хилари многозначительно приподняла брови, на что Элис презрительно фыркнула:

— Бред! Никаких намеков на скандал…

— Совершенно верно, — ехидно хмыкнула Хилари. — Вынужденные браки чаще всего и заключаются именно затем, чтобы погасить скандал в самом начале, прежде чем шило вылезет из мешка.

— Но какие у тебя доказательства, кроме беспочвенных подозрений? — не сдавалась Элис.

— Обыкновенный здравый смысл…

— А кто сказал, что он у тебя есть?

— Ах, говорить с тобой — все равно что любоваться дверной ручкой! — огрызнулась Хилари.

— То есть?

— Как бы ни была хороша ручка, она нужна лишь для того, чтобы открывать дверь.

— А ты не задумывалась, что за дверью может не оказаться ничего, достойного моего внимания? — торжествующе парировала Элис.

Хилари промолчала. Ответ был на редкость остроумным, и она втайне гордилась сестрой, которая так блестяще вышла из положения.

Глава 41

Этим утром, прогуливаясь по Оксбоу обычным маршрутом, Сабрина вытерпела целых четыре встречи, убедивших ее, что пора менять прежние привычки. Едва девушка поняла, что вернуться к спокойной мирной жизни возможно только при условии, что она выбросит из головы Дункана, всем знакомым приспичило поделиться с ней собственными домыслами. Как всякий новый человек в округе, он привлекал внимание окружающих. Сэр Альберт тоже получил свою долю сплетен, но Дункан, будучи обладателем высокого титула, больше интересовал местных кумушек. Первые две немедленно сообщили Сабрине, что он отправился в Лондон, по-видимому, для того чтобы купить невесте подарок к свадьбе. Третья, старая миссис Споуд, воинственная сварливая дама, близкая приятельница ее тетушек, решительно опровергла подобные глупости и прошептала Сабрине на ухо, что молодой маркиз скорее всего вознамерился в последний раз отдать дань холостой жизни, хорошенько покутить и развлечься, ведь он взял в компанию лорда Лока, известного повесу и распутника.

— Вот я и спрашиваю, что лучше известно лорду Локу: где купить свадебные подарки или где отыскать дам известного пошиба? Разумеется, последнее. И если молодой маркиз все-таки вернется с подарком, значит, он успел заодно приобрести одну из тех болезней, о которых в приличном обществе не упоминают.

Старая карга весело закудахтала, довольная собственным остроумием.

Сабрина, не выспрашивая подробностей, с поспешностью, которая, вероятно, показалась миссис Споуд весьма грубой, распрощалась и продолжила путь. Но прежде чем вышла из города, произошла четвертая встреча. Эта оказалась всего неприятнее, потому что Сабрина столкнулась лицом к лицу с дедом Дункана. Не с лордом Невиллом — с ним Сабрина вероятнее всего просто поздоровалась бы, если бы успела прийти в себя после потрясения, вызванного его появлением. Ее остановил шотландец, выходивший из кабачка при местной гостинице. С ним Сабрина не была знакома, хотя он, похоже, знал ее, поскольку окликнул по имени.

— Вы ведь Сабрина, приятельница Дункана, верно? — осведомился он и, дождавшись ее кивка, продолжал:

— Я все хотел потолковать с вами, но вы перестали приезжать в Саммерс-Глейд. Дело вот в чем. Другие девушки уехали в Лондон, после того как осознали, что парнишка им не достался. Это понятно, но вот никак не соображу, почему и вы его покинули? А я-то думал, что вы посещали дом Невилла не за этим.

— Так и есть.

— Почему же ни разу не навестили Дункана? Сабрина, не привыкшая к столь откровенным вопросам и осуждающему тону, густо покраснела. К несчастью, Арчибальд заметил это и правильно истолковал:

— Так вот оно что! Значит, это не просто дружба! Признаться во всем почти наверняка означало, что Дункан все узнает, а этого при сложившихся обстоятельствах ни за что нельзя было допустить. Но Сабрина ненавидела ложь.

— Ничего подобного. Дункан — прекрасный человек и очень мне симпатичен, но только как друг.

Арчибальд скептически усмехнулся, но вслух заметил:

— О, как же я рад это слышать! Ничего не скажешь, вы милая барышня, но мы с Невиллом тревожились, что парень уделяет вам слишком много внимания. Правда, Дункан твердил то же самое: дескать, вы всего лишь его друг, хотя и очень близкий. Не покривлю душой, если скажу, что и самый лучший, поэтому нахожу странным, что вы так жестоко покинули его в час…

— Простите, — сухо перебила Сабрина, уязвленная словами «слишком много внимания», напомнившими о скандале, связанном с ее именем. — Я не покидала его. Просто подхватила простуду и несколько дней пролежала в постели. Кроме того, я говорила с ним после его новой помолвки.

— Правда? Я не знал… — немного смутился Арчибальд. — Он… он упоминал о той глупости… которая… э-э-э… привела к… — Шотландец закашлялся, явно не желая выдавать семейные тайны.

Сабрина едва не рассмеялась при виде его сконфуженной физиономии, хотя повода для веселья не было. Но она все-таки пожалела Арчибальда:

— Хотите узнать, рассказал ли мне Дункан о том, что стало причиной нового обручения? Да, разумеется. Арчибальд с облегчением вздохнул:

— В таком случае я могу говорить свободно. Ненавижу ходить вокруг да около. Видишь теперь, почему меня так беспокоило твое отсутствие, девочка? Дункану нужна твоя дружба. Я думал, ты сумеешь немного утешить его… рассмешить…

Утешить? Рассмешить? При одной мысли об их последней встрече в сердце Сабрины словно вонзился нож. Услышать, что он вынужден жениться на Офелии, было так же больно, как думать, что он сам этого хотел. Но обе стороны утверждали свое: Офелия расписывала, какой безумной страстью воспылал к ней Дункан, он же клялся, что не выносит невесту. Кто же из них лжет?

Именно Дункан заявил, что если кто и скомпрометирован, то лишь она, Сабрина. А если он с самого начала намеревался так поступить? В порыве страсти попросил Офелию выйти за него, тут же пожалел об опрометчивом шаге, а потом использовал Сабрину, чтобы отделаться от невесты?

Ей не хотелось бы этому верить, но здравый смысл подсказывал: такое возможно. Зачем Офелии лгать о том, в какое именно время он сделал предложение?

Ах, она обманывает себя, пытаясь бросить тень на Дункана в надежде, что это погубит ее любовь к нему. Ничего не получается. Она не может обвинить его во лжи. Даже если он был с ней нечестен, теперь наверняка терзается угрызениями совести.

Сабрина и в самом деле хотела его утешить в тот день. Очень хотела. Но как развеселить кого-то, если на плечи давит свинцовая тяжесть. Поэтому она постаралась обойти вопрос

Арчибальда, в свою очередь, поинтересовавшись:

— Я сегодня узнала, что Дункан отправился в Лондон. Возможно, поездка отвлечет его от…

— Нет, он уехал на поиски барышни Ньюболт. Больше ни о чем думать не мог.

Крошечный огонек надежды вновь загорелся в душе Сабрины.

— А он знает, где она?

— В общем, нет, — к разочарованию девушки, ответил Арчибальд. — Но Дункан не хочет сидеть сложа руки, пока люди Невилла рыщут по всей стране, поэтому и решил что-то предпринять, хотя понимает: вряд ли ему удастся найти ее — слишком мало времени осталось до свадьбы.

— Наверное, вы правы, — мужественно согласилась Сабрина.

— Я хотел было отложить венчание, но Невилл твердит, что промедление вызовет новую волну сплетен.

— В таком случае будем молиться, чтобы ему повезло.

— Сомневаюсь. Но если ему удастся выскочить из капкана, сдается мне, он попросит тебя стать его женой.

— Меня? — удивилась она.

— Да, сгоряча чего не натворишь! Он просто хочет, чтобы ты все время была рядом, только и всего. Хочет так сильно, что привез тебя в Саммерс-Глейд, несмотря на то что пришлось пригласить и Офелию. Он заставил бы тебя переехать в дом Невилла сейчас, не будь это верхом неприличия. Думаю, Дункан женится на тебе хотя бы для того, чтобы навсегда удержать при себе. Но не воображай, будто он испытывает к тебе пылкие чувства. Вы оба скоро пожалеете, если пойдете под венец.

Господи, хоть бы продержаться, достойно закончить этот невыносимый разговор! Неужели Дункан рассказывал Арчибальду об их отношениях! Ах, ее бедное, едва начавшее успокаиваться сердце! Бездумные слова шотландца нанесли новую, жестокую рану, от которой она не скоро оправится. Друг. Она всего лишь друг Дункана. И никогда не будет больше чем другом.

— Вы волнуетесь из-за пустяков. Из-за того, что вряд ли произойдет, тем более что их венчание через два дня.

— Верно, — сокрушенно вздохнул Арчи. — Прости, что пришлось предупредить тебя… на всякий случай. Ты ведь придешь на свадьбу?

Сидеть в церкви и наблюдать, как Дункана и Офелию соединяют вечными узами? Ни за что, никогда!

Пришлось солгать во второй раз, вернее, уклончиво пробормотать:

— Уверена, все, кто получит приглашение, обязательно придут. А теперь мне пора. Тетушки, наверное, беспокоятся, где я так задержалась.

Она так торопилась, что не слышала второго, еще более тяжелого вздоха Арчи. Тот уже жалел о сказанном. Он не сомневался в своей правоте, просто слишком поздно сообразил, что поставил телегу впереди лошади. Зачем предостерегать ее, если Дункан все же женится на Офелии? Вот если бы мальчик спасся, тогда и нужно было бы побеседовать с девушкой по душам.

Глава 42

Письмо прибыло на следующий день и совершенно сбило с толку Сабрину. Сначала она посчитала его неудачной шуткой. Да и как же иначе — все это казалось дурацким фарсом. Если какое-то важное лицо держат в заложниках и требуют выкупа, почему столь смехотворная сумма? Пусть бы речь шла о сорока тысячах, ну… не сорока, а хотя бы о двух, трех, пяти… Но сорок фунтов? Немыслимо!

Увы, это письмо невозможно просто проигнорировать. Она даже не уверена, что пославший его подписался своим именем. Наверняка хотел ее разыграть. Но у Сабрины мало опыта в подобных делах. Поэтому если существует хоть отдаленная возможность, что письмо подлинное, необходимо действовать.

Увы, это письмо невозможно просто проигнорировать. Она даже не уверена, что пославший его подписался своим именем. Наверняка хотел ее разыграть. Но у Сабрины мало опыта в подобных делах. Поэтому если существует хоть отдаленная возможность, что письмо подлинное, необходимо действовать.

Сабрина, разумеется, показала письмо тетушкам, хотя отправитель потребовал, чтобы она хранила молчание. Но нельзя же покинуть дом, не сказав, куда она едет!

Тетки согласились, что это, по всей вероятности, шутка, и притом довольно дурного тона. Однако обе были большими любительницами приключений, поэтому они послали за своим кучером, жившим в Оксбоу, и все трое после полудня отправились в путь. К сожалению, зайти в дом они не могли, поскольку в письме говорилось, что только Сабрине с деньгами дозволено переступить порог. Но тетушки резонно заметили, что путешествовать в одиночку — дело опасное. Кроме того, им не терпелось поскорее узнать, кто все это затеял.

Сабрина не считала поездку забавным приключением, но она служила прекрасным предлогом, чтобы не явится на завтрашний прием по поводу свадьбы, поскольку крайне сомнительно, что они вернутся вовремя. Даже если повернуть назад сразу после того, как выяснится, что письмо — всего лишь шутка, они доберутся до дома поздно ночью, следовательно, проснутся довольно поздно, когда все будет кончено.

Ранние сумерки опустились задолго до того, как Сабрина и ее тетушки прибыли на место, вот почему они не сразу нашли нужный дом. Улицы почти опустели, спросить было некого, и им дважды указывали неверное направление. Наконец, ближе к полуночи, они были у цели.

Элис и Хилари собирались подождать в карете, у самого крыльца. В послании подчеркивалось, что Сабрина должна прийти одна, в таком случае никто не пострадает. Но тетки наотрез отказались оставить ее в этом месте, наказав, чтобы кричала во весь голос, если понадобится помощь. Мики, их кучер, узнав, куда и зачем они едут, вооружился пистолетом и огромной дубиной. Элис и Хилари последовали его примеру, и Сабрина едва не расхохоталась, увидев, что обе перед отъездом сунули в ридикюль крохотный пистолетик. Она считала все эти

предосторожности по меньшей мере глупыми. Дом наверняка окажется пустым или на крыльце будет ждать еще одно письмо — с насмешками над ее доверчивостью. Непроглядная тьма в комнатах только подтверждала ее предположение. Ни единого огонька в окнах! При этом двухэтажный особнячок довольно красив, хотя не очень велик. Вряд ли владелец опустится до столь низких деяний, как похищение людей ради выкупа!

На крыльце никакого письма. Сабрина дернула ручку парадной двери. Заперто. Как и должно быть, если дом нежилой. Может, обойти вокруг, поискать черный ход?

Но она наверняка споткнется в темноте и, кроме того, не слишком старается сохранить свой визит сюда в секрете. Поэтому Сабрина громко постучала. Чем скорее подтвердится, что в доме никого нет, тем быстрее они смогут вернуться домой.

К величайшему удивлению Сабрины, дверь открылась.

В следующее мгновение ее втащили внутрь и снова захлопнули дверь. Темнота была полная, но Сабрина слышала, как рядом шаркают ногами и дышат люди. Да здесь их полно! И тут кто-то снял с фонаря большой платок. В комнате стало чуть светлее, но видно все равно было плохо, поскольку второй платок, потоньше, остался на фонаре.

Сабрину окружили четверо мужчин. Ей пришлось немало постараться, чтобы рассмотреть каждого. Она даже почти не испугалась, хотя приходилось признать, что ни о каких грубых забавах неизвестных фигляров не может быть и речи. Настоящие оборванцы… в грязных лохмотьях и такие тощие… Видно, месяцами голодали. Волосы всклокочены, руки и физиономии чернее земли, очевидно, даже вода была для них немыслимой роскошью. Возраст троих самый неопределенный — то ли моложе ее, то ли старше тетушек: трудно различить под слоем сажи. Зато четвертый немного отличался от них: по крайней мере прилагал усилия, чтобы выглядеть презентабельным. Довольно молод, лет двадцати пяти, умытый, с прилизанными, зачесанными назад волосами, доходившими едва ли не до плеч. Одежда, хотя не слишком дорогая и модная, тоже была в более чем приличном состоянии. И, судя по мускулистым плечам и широкой груди, питался он достаточно хорошо. Кроме того, он единственный из всех присутствующих не держал ее на мушке. Увидев все это, Сабрина сочла призывы о помощи по меньшей мере неуместными. Пока.

Вероятно, эти люди преступники, хотя не очень преуспели в своем зловещем ремесле. Но они, похоже, готовы на все, хотя выглядят абсолютно неуместно в этом богатом доме.

Немного придя в себя, Сабрина заметила, что двое неизвестных уставились на нее с неподдельным изумлением. Гадать о причине пришлось недолго: мужчины заговорили разом, так что уловить суть беседы оказалось нелегко.

— Кажись, это другая леди.

— И впрямь другая. Ты мерекаешь в точности как я, да?

— Можем послать ту, вторую, за выкупом. Думаю, не повредит.

— Ты верно думаешь, — ухмыльнулся третий. — Похоже, дельце наше выгорит!

— Не говоря уж о том, что я совсем не рвусь покинуть мягкую кровать, что ждет меня наверху.

— Как насчет денежек, леди?

Наконец-то они сообразили обратиться прямо к ней! Сабрина все еще пыталась осознать, что ее, кажется, собрались удерживать здесь, если она верно поняла их тарабарщину. Как убедить их отказаться от зловещего плана? Она еще этого не придумала, но немного потянуть время не помешает.

— Видите ли, я не поняла, о чем вы тут толковали, — ответила она и, решив идти ва-банк, заносчиво осведомилась:

— Что, спрашивается, вы делаете в моем доме?

— Вашем доме? А тот джент говорил, что это евойный дом.

— Какой «джент»?

— Тот, которого мы бросили в подвал. Туда и вы отправитесь, если не принесли деньжат.

— Ну, если ваши намерения именно таковы, уверена, что смогу наскрести необходимую сумму, — заверила Сабрина. — Сколько вы требуете?

— Она, кажись, нас за нос водит? Вы что, письма не получали?

— Письма? Разумеется, получила, но, к несчастью, разбила очки и не сумела прочесть. А что в нем было? Вы извещали, что задержали преступника, посмевшего ворваться в мой дом? Если это так, вас следует поблагодарить. Пожалуй, вы действительно заслуживаете награды. Вы эти деньги имеете в виду?

Мужчины, сбитые с толку, нерешительно переглянулись. Наконец один из них пришел в себя:

— Леди, отвечайте, «да» или «нет»? У вас есть при себе сорок фунтов?

Теперь понятно, почему они потребовали именно эту смехотворную сумму, — чтобы получить по десять фунтов на каждого.

— Да, собственно говоря…

— Просто «да» или «нет».

Мужчины, сбитые с толку, нерешительно переглянулись. Наконец один из них пришел в себя:

— Леди, отвечайте, «да» или «нет»? У вас есть при себе сорок фунтов?

Теперь понятно, почему они потребовали именно эту смехотворную сумму, — чтобы получить по десять фунтов на каждого.

— Да, собственно говоря…

— Просто «да» или «нет».

— Она сказала «да», — догадался первый мужчина. В ответ раздалось раздраженное рычание:

— Я слышал, но, кажись, все не так просто.

— Она, видать, немного не того, — раздалось сзади. — И не пытайся докумекать, о чем она толкует.

— Главное, убедиться, что деньги у нее. У Сабрины молниеносно выхватили ридикюль, что заставило ее негодующе воскликнуть:

— Но послушайте!..

— Он пустой, — поразился наглец. — Зачем, спрашивается, носить пустую сумку?!

— Сколько раз твердил: и не пробуй допетрить, что творится в головах у этих богачей. Все они малость спятившие.

— Где деньги, леди?! — рявкнул тот, что стоял сбоку.

— В кармане, разумеется. Только последняя дура носит деньги в сумочке, которую легко вырвать, как только что сделали вы!

Они снова уставились друг на друга, только на этот раз по-настоящему обозленные. Поэтому Сабрина ничуть не поразилась, когда ее схватили за локоть и повели наверх. Очевидно, зря она притворялась дурочкой. Им это, кажется, не слишком понравилось. Но услышав, что ее собираются держать в заточении, Сабрина решила проверить, насколько далеко зайдут эти люди. Результаты оказались неутешительными, поэтому теперь требовалось найти способ выбраться отсюда, тем более что, если она в самое ближайшее время не покажется на крыльце, тетушки захотят узнать, в чем дело, и их тоже схватят. Но кто тогда внесет выкуп за них? Разумеется, не единственный дальний родственник, получивший титул прадеда и отказавшийся признавать их родней.

Влетев в спальню и услышав стук захлопнувшейся двери, Сабрина наконец поняла, что получила желанное уединение, необходимое ей для размышлений, но не тут-то было! Она оказалась там не одна. Рядом та самая Мейвис Ньюболт, которую разыскивало столько людей!

Глава 43

В комнате было темно, но Сабрина поняла, что не одна здесь, по слабому голосу, донесшемуся откуда-то из центра спальни.

— Что вам еще нужно? — прозвучал вопрос.

— Это я, Сабрина, — объяснила девушка, сразу догадавшись, кто к ней обращается. — Разве ты меня не ожидала?

— О, еще бы! Конечно! Но почему ты так долго не шла? Я дала им письмо и велела отправить еще на прошлой неделе.

— Оно пришло только вчера.

— Безмозглые болваны! — презрительно бросила Мейвис. — Следовало бы догадаться, что они не поймут, как все сделать! Но не важно, главное — ты здесь. Выразить не могу, как я тебе благодарна!

— О, это такие пустяки, — отозвалась Сабрина. — Просто немного странно, что ты обратилась именно ко мне. Я сначала думала, что это розыгрыш.

— Если бы! — едва не заплакала Мейвис. — Мне так жаль, что я впутала тебя во все это. Просто не могла придумать, кого позвать на помощь. Родители далеко и к тому же думают, что я все еще в Саммерс-Глейд. Не хотелось их волновать. Они и так расстроятся, узнав, что я сразу же не поехала домой! А потом случилось это.

Сабрина решила пока не упоминать, что чета Ньюболт уже знает об исчезновении дочери. Сначала нужно удостовериться, что Мейвис не причинили зла, но для этого необходимо ее увидеть.

— Здесь нет ни лампы, ни свечи? Как-то странно разговаривать в полной темноте.

— Есть, и не одна, только масло в них выгорело, а нового не принесли, должно быть, не потрудились поискать. Ленивые скоты! — с горечью бросила Мейвис.

Однако мгновение спустя комнату залило лунным светом: это Мейвис раздвинула гардины. Но после абсолютного мрака, в котором находились девушки, это тусклое свечение показалось ярким, как лучи полуденного солнца.

— Так лучше? — спросила Мейвис, садясь на кровать.

— Гораздо, — кивнула Сабрина и, устроившись рядом, присмотрелась к соседке.

Мейвис выглядела не так плохо, если не считать растрепанных волос и помятого платья, в котором она была, когда покидала Саммерс-Глейд. Очевидно, она спала в одежде и ни разу не расстелила постель, хотя под одеялом ей было бы теплее. Правда, комната еще не выстыла: скорее всего камин разжигали не так давно, но дрова уже успели прогореть. В изножье кровати лежала ротонда, которой, вероятно, накрывалась Мейвис.

— А вас кормили? — участливо поинтересовалась Сабрина. — С вами хорошо обращались?

— Кормили, но в основном хлебом. Вряд ли они сами пекли его — значит, воровали. В доме было совсем мало припасов, с ними в два счета расправились. А что до обращения… скажем так: меня заперли здесь и по большей части оставляли в одиночестве.

— Но что произошло? — допытывалась Сабрина. — Это ваш дом?

— Нет, моего кузена Джона. Мы приехали из Саммерс-Глейд поздно ночью. Тут все было перевернуто вверх дном, поэтому Джон и заподозрил, что в дом кто-то вломился. Правда, мы не ожидали увидеть грабителей, мирно спящих наверху. Они удивились не меньше нас. Я поняла, что они посчитали дом необитаемым и решили с удобствами провести тут зиму. Жалкие бродяги, шваль, отребье!

Сабрина согласно кивнула.

— Значит, у вас не было времени позвать констебля?

— Не то что позвать, даже сообразить, что делать, и то не успели. Вы, конечно, правы, нужно было в первую очередь бежать за помощью. Но Джон так взбесился, что голову потерял. Его можно понять: мало того что кто-то ворвался в его дом, так еще и расположился здесь, как у себя! Мой бедный кузен просто рвал и метал. Но зря он попытался выкинуть из дома сразу четверых.

— Четверых?!

— Да, окажись он даже чертовым «коринфянином»[3], все равно силы были неравными. Но негодяи ринулись к дверям, пытаясь сбежать. И все обошлось бы, не погонись Джон за ними. А когда он попытался сбить одного с ног, остальные вступились за товарища, и кузен оказался на земле.

— Он сильно пострадал?

— Не столько он, сколько его гордость. Однако быстрая победа придала им смелости. Они бросили его в подвал, а меня заперли здесь. Через несколько часов у них созрела мысль о выкупе, и мне приказали написать письмо. Сорок фунтов! Несчастные сорок фунтов! Представляете?! — негодующе воскликнула девушка. — У моих родителей…

— Знаю, совершенно дурацкая сумма, — перебила ее Сабрина. — Но, возможно, для этих людей и сорок фунтов целое состояние. Кстати, они вооружены. У них с самого начала были пистолеты?

Мейвис нахмурилась, припоминая:

— Нет, я ничего такого не видела. Боже, да они окончательно спятили! Должно быть, успели купить пистолеты, а может, просто стащили, как хлеб. Что за глупцы! Теперь дело может кончиться плохо. Кто-то пострадает.

— Хорошо бы не мы.

— Ах, не об этом я волнуюсь! Эти олухи перестреляют друг друга. Они ведь полные идиоты. До сих пор понятия не имеют, как действовать. Не удивлюсь, если окажется, что выкуп для них — лишь предлог подольше здесь пожить. Дом им явно нравится, особенно после того как пришлось ночевать на улицах.

— Я тоже так думаю. И они уже изобрели новую причину для проволочки. Собираются удерживать меня здесь, а вас послать за выкупом.

Мейвис сдавленно застонала:

— Ни за что! Не за тем я позвала вас, чтобы подвергнуть такому же ужасному испытанию. Просто у них вместо голов тыквы, другого объяснения я не нахожу. Что ж, придется объяснить, что так не делается.

— Дело не только в этом, — встревоженно пробормотала Сабрина. — Придется им сказать, что если меня не освободят немедленно, то сюда придут люди. Вы успели их немного узнать. Как, по-вашему, если отдать им сорок фунтов, они уйдут?

— А сюда действительно придут?

— Да, мои тетушки. Они ждут в карете у крыльца.

— О Боже, — прошептала Мейвис, когда где-то внизу послышался оглушительный шум. — О Боже!

Глава 44

Topreading.ru

Все произошло в мгновение ока. Рэйфел, раздраженный тем, что на стук не отвечают, попытался выбить плечом дверь, выломал замок, ввалился в кухню и, вскрикнув, рухнул на пол.

Дункан в свете стоявшего на ступеньке крыльца фонаря успел различить руку с пистолетом, опустившимся на голову Рэйфела, и бросился на врага. Прогремел выстрел, и воздух наполнился едким дымом. Сверху донесся испуганный визг. Пуля просвистела в опасной близости от головы Дункана, вот почему он преисполнился решимости расквасить наглецу нос и подправить челюсть.

Им следовало быть поосторожнее и не давать волю нетерпению. Но после двухдневных безуспешных поисков вряд ли можно было ожидать от них хладнокровия и осмотрительности, тем более что сюда их привел какой-то уличный оборванец, и не прямой дорогой, а подозрительными закоулками, грязными задними дворами, узкими тропинками. Нет, тут не до спокойствия!

Разделавшись с негодяем, Дункан перевел дух и на секунду задумался. Кого он избил до бесчувствия? Вряд ли это Джон Ньюболт. Похоже, один из его слуг, который вооружился, услышав, что кто-то ломится в дом посреди ночи. Черт побери, теперь придется объясняться. Констебль наверняка прибудет с минуты на минуту, да и соседи слышали вопли.

Еще секунда ушла на то, чтобы проверить, жив ли Рэйфел. Тот слабо застонал. Слава Богу!

Дункан вернулся на крыльцо, чтобы поднять фонарь. Оборванец исчез при первых признаках надвигавшейся грозы. Шагнув в кухню, где лежали два неподвижных тела, Дункан едва успел поставить фонарь на стол, как из коридора появились еще двое. Один целился в него из пистолета. Жаль, что Дункан не додумался поднять с пола тот, что валялся рядом с Рэйфелом.

— Какого черта?!

— Что тут стряслось?

— Обычное недоразумение, — пояснил Дункан. — Я приехал повидаться с Джоном Ньюболтом или, вернее, с его кузиной. Вы на них работаете?

Мужчины поспешно переглянулись, прежде чем ответить:

— Вроде того, но добрые люди в такой час уже спят. Приходите утром, джент.

— Я останусь, пока не добьюсь того, за чем пришел, если не возражаете.

— Лучше проваливай, пока цел, — прошипел тот, что был вооружен, и для пущей наглядности помахал пистолетом перед лицом Дункана.

Но второй, отстранив товарища, сердечно объявил:

— Так и быть, отведем вас к мистеру Ньюболту. Он наверняка обрадуется такой компании.

Легкий оттенок злорадства в его голосе насторожил Дункана. Он заподозрил неладное, еще когда незнакомец назвал Ньюболта мистером, а не лордом, как полагается слуге.

Фонарь, принесенный Дунканом в кухню, освещал короткий коридор и довольно большой холл, хотя к этому времени почти все масло выгорело. Странно, что в доме так темно, словно все давно спят. Однако мужчины были одеты. Значит, они и не ложились. Кроме того, грохот

наверняка разбудил весь дом. Случайно подняв голову, Дункан заметил на верхней ступеньке оборку юбки, и уже хотел остановиться, когда в спину ему уперлось дуло пистолета. Это оказалось последним подтверждением того, что здесь творилось что-то странное. Молниеносно повернувшись, Дункан вышиб оружие из руки незнакомца и всадил кулак ему в физиономию. Несчастный отлетел к столу, ударился затылком и больше не шевелился. Второй, стоявший позади Дункана, с рычанием бросился ему на спину, схватил за горло и попытался задушить. Это ему не удалось, но он, похоже, вообразил, что одолел врага, поскольку Дункан услышал торжествующий смешок. Это так его обозлило, что он завел руку назад, схватил тощего коротышку за шиворот, поволок по полу и уже было размахнулся, как тот жалобно взвыл и лишился чувств. Дункан брезгливо поморщился и разжал пальцы. Противник сполз на пол. И тут Дункан услышал голос, который узнал бы из тысячи других даже в ярости:

— Как вы могли полезть под дуло пистолета?

— Дьявол! Откуда вы взялись? — взорвался он. Сабрина тоже не сочла нужным объясняться.

— Вас могли убить! — гневно прошипела она. Дункан понял, почему она сердится, и попытался ответить как можно небрежнее:

— Когда перед тобой расстилается унылая пустыня, именуемая супружеской жизнью, опасность теряет свою остроту, не то что когда ты счастлив, — Беспечность, глупая беспечность, что бы вы там ни говорили, — сухо упрекнула она. Но Дункану было не до споров.

— Отвечайте, откуда вы взялись?

— Но вы уже разделались с ними со всеми?

— Со всеми? С кем именно?

— С жалкими бродягами, которые ворвались сюда и сдуру удерживали Мейвис и Джона всю неделю. Их было четверо.

— Я встретил троих.

— Тогда мы запремся наверху, пока все не закончится. Но будьте осторожны. Трое из них были вооружены… Она осеклась, услышав отчаянный стук в дверь.

— Это, видно, Мики, наш кучер. Он поможет вам справиться с последним взломщиком. Впустите его. А Джон сидит в подвале. Пожалуйста, позаботьтесь о нем.

Дункан оставался на месте, пока она не исчезла в темноте. Он все еще не мог осознать, что Сабрина здесь.

Подумать только, как властно она отдавала ему распоряжения!

Но Дункан тут же улыбнулся при мысли о том, что Сабрина тревожилась за него. Из-за таких пустяков!

Глава 45

Сабрина вернулась в комнату Мейвис, на ощупь нашла ключ в замке и поспешно повернула.

Удивительно, что их не заперли снаружи, когда ее привели наверх. Должно быть, мужчин так раздражала ее болтовня, что они обо всем забыли. Знай она это заранее, давно бы вместе с Мейвис выбралась из дома и побежала к ожидавшей карете. А потом можно было и обратиться за помощью к властям. Но теперь это уже не важно.

— Нас спасли, — объявила она Мейвис. — То есть пока не совсем, но ждать осталось недолго, так что лучше остаться здесь, пока все не образуется.

— Кто спас?

— Дункан Мактавиш.

— Но что ему здесь надо? — удивилась Мейвис.

— Он искал вас. Насколько я знаю, лорд Невилл отправил людей на поиски едва ли не в ту минуту, как вы покинули Саммерс-Глейд, так что родителям известно о вашем исчезновении.

— О, какой кошмар! Что теперь они со мной сделают?! — охнула Мейвис. — И зачем я понадобилась Бирминдейлу? Разве что… нет… не важно.

— Не смущайтесь, — ободрила Сабрина, поняв, о чем подумала девушка. — Я знаю, чему вы стали свидетельницей в Саммерс-Глейд той ночью.

— Правда?

— Да, Дункан мне все рассказал.

— Что ж, этого следовало ожидать. Похоже, вы очень подружились.

— Да, очень, — дрожащим голосом подтвердила Сабрина и тут же мысленно себя одернула. Не хватало, чтобы при слове «друг» она снова раскисла! — Но почему вы так поспешно покинули дом маркиза?

— А вы?

— Простите? — с недоумением спросила Сабрина.

— Я видела, как вы выбежали на крыльцо, а Дункан помчался следом. И надеялась, так надеялась, что из этого что-нибудь получится… что он попросит вас выйти за него. Но оказалось, ему просто нужно было убедиться, что с вами все в порядке, поскольку не прошло и часа, как он уже любезничал с этой ведьмой. Очевидно, они успели поладить. Это оказалось последней каплей, переполнившей чашу моего терпения. Офелия снова взяла верх. Как всегда. Она умеет добиться своего.

— Похоже, вы правы, — грустно согласилась Сабрина.

— Смешно, но я посчитала, что в этом мире есть справедливость, когда Дункан впервые разорвал помолвку. Правда, зачинщицей была Офелия, но оказалось, что она попала в яму, вырытую собственными руками. Чересчур поздно Офелия поняла, что он был бы для нее идеальной партией. А потом вдруг выяснилось, что размолвка была временной и она все-таки заполучит его. Я чуть тогда с ума не сошла. Женщины, подобные Офелии, всегда оказываются победительницами, какие бы подлости ни совершали. Подумать только — она опять на коне, после того как пыталась очернить меня и убедить всех, что я лгунья, хотя это не так… Короче

говоря, я едва не расплакалась и решила убраться как можно скорее, пока не выставила себя полной дурой.

Сабрина отлично понимала свою собеседницу, ведь то же самое происходило и с ней — пришлось уйти, прежде чем хлынули слезы обиды…

— Значит, из Саммерс-Глейд вы отправились прямо сюда?

— Да. Мне было необходимо побыть в одиночестве, справиться со своими чувствами, начать все сначала. Оставить позади горечь прошлого. Я думала пожить здесь день-другой, но эти глупые бродяги нарушили все мои планы.

— Только в смысле времени… Надеюсь, вынужденное заключение принесло желанные плоды?

— Честно говоря, да. Я поняла, что всегда ненавидела Офелию. Слишком много причинила она зла, и не только мне, чтобы заслужить прощение. Но больше это меня не тревожит. Отныне я собираюсь держаться как можно дальше от нее и попытаюсь забыть о существовании этой… этой… негодяйки.

— Но если вы всегда ненавидели ее, почему делали вид, будто дружите?

— Потому что когда-то, в детстве, мы действительно были подругами, верите или нет. И очень близкими. Я часто бывала в их доме и видела, как балуют ее родители. Поэтому я отчасти понимала, почему она стала такой, и старалась объяснить многие ее поступки… пока не встретила Александра.

— Александра?

— Человека, которого я полюбила. Он тоже ухаживал за мной. Как ни странно, он давно знал Офелию, но уверял, будто нисколько не тронут ее красотой. Офелию раздражало, что на нее, такую красавицу, не обращают внимания. Поэтому она решила действовать. Стала кокетничать с ним, строить глазки, и Александр потерял голову, присоединившись к армии глупцов, «поклонявшихся богине». Он прекратил приезжать в наш дом. Я была сама не своя от тоски и боли. Хуже всего, что Офелии он был совсем не нужен. Просто она позавидовала чужому счастью. Едва Александр увлекся ею, как она и думать о нем забыла. Но для меня… все было кончено. Александр попытался вернуться ко мне, но я не захотела. Прочие подруги Офелии могли довольствоваться ее объедками, но только не я. Мне, конечно, следовало простить его. Я знала — его чувства к Офелии не были глубокими, его просто на время ослепила ее красота. Но мое глупое упрямство все испортило. Он женился на другой.

— Мне ужасно жаль…

— Не стоит сожалеть, — вздохнула Мейвис. — Я и сама немало виновата.

— Но и после этого вы не порвали с ней. Или это случилось совсем недавно?

— Порвала, и довольно давно. Но она приехала ко мне, заклинала все забыть, клялась, что не хотела украсть Александра, а если он так легко предал меня, значит, недостоин нас обеих. Я выслушала ее во имя старой дружбы, но наши отношения так и не стали прежними. Постепенно я все больше и больше озлоблялась, видя, как она интригует, манипулирует людьми, порочит их, когда ревнует или завидует. Даже вы стали жертвой ее подлости.

— Я?

Сабрина едва не рассмеялась при мысли о том, что кто-то способен ей завидовать, тем более Офелия.

— Речь идет не об обычной ревности, — пояснила Мейвис. — Ее никогда не интересовали мужчины. Чтобы ревновать, нужно любить, а на это она вообще, не способна. И хоть вы, вероятно, не поверите мне, после того как Офелия публично заклеймила меня званием лгуньи, но это именно она воскресила ваш старый семейный скандал. И она не случайно проговорилась, а сделала это намеренно, увидев, как толпятся вокруг вас ее верные поклонники. Поэтому она и взбеленилась. Не смогла вынести, что не она в центре внимания. Я подумала, что вам об этом следует знать, поскольку вы, похоже, еще считаете ее своей приятельницей.

Сабрина ахнула. Она ни минуты не сомневалась в словах Мейвис. Просто в голове не укладывалось, что Офелия настолько коварна. И дело не в том, что о семье Ламберт вновь поползли сплетни, уничтожив все шансы Сабрины на достойный брак. Но что, если бы на ее месте оказалась другая девушка? Бедняжка не пережила бы такого позора. Неужели Офелия совсем не задумывается о последствиях своих поступков и ей безразлично, кого она ранит?

— Я уже поняла, что Офелия всегда была моим врагом, — призналась Сабрина.

— Вот и хорошо. По крайней мере вас она больше не одурачит, как бедняжек Эдит и Джейн. Я же, искренне презирая Офелию, не порывала с ней окончательно в надежде, что кто-то найдет в себе силы поставить ее на место. Очень уж хотелось увидеть своими глазами ее падение. Но этого не произошло и, вероятно, уже не произойдет.

— Может, вам станет легче, если узнаете, что Дункан не так уж рвется жениться на ней.

— Может, вам станет легче, если узнаете, что Дункан не так уж рвется жениться на ней.

— Почему же я застала их вдвоем?

— Не застали. Не всегда стоит верить глазам своим.

— О, Сабрина, не будьте наивной, — предостерегла свою собеседницу Мейвис. — Офелия была в неглиже. Еще минута — и они оказались бы в кровати.

— В комнате, которую она делила с остальными девушками? Где их в любую минуту могли увидеть?

Мейвис нахмурилась:

— Об этом я не подумала. Но что же он там делал?

— Пришел кое-что выяснить, если верить его исповеди. Решил расспросить Офелию об одном происшествии, стал ее разыскивать, чтобы узнать правду, только и всего, но при этом вышел из себя.

— А вот это ничуть меня не удивляет. Она обладает талантом доводить людей до белого каления, так что они себя не помнят.

Сабрина покраснела, вспомнив свою возмутительную вспышку в разговоре с Офелией.

— Это верно, но они снова обручились только потому, что она убедила его родных, будто вы

Topreading.ru

погубите ее репутацию, рассказав всему свету об увиденном. Именно поэтому лорд Невилл вас и ищет. Он не хочет, чтобы Офелия вошла в их семью. Да и сам Дункан терпеть ее не может и идет под венец только потому, что иначе совесть его замучит. Ведь именно из-за его опрометчивости Офелия будет скомпрометирована, если он на ней не женится.

— Боже, значит, она заполучила его благодаря мне?!

Именно я, можно сказать, преподнесла ей такой подарок! О, нет, ни за что! Если это единственная причина, по которой он сделал ей предложение, я готова поклясться, что словом не обмолвлюсь о том, чему была свидетельницей. Ее проклятой репутации ничего не грозит, если она не получит то, за чем охотилась. Наконец-то! Сабрина улыбнулась, втайне радуясь за Дункана:

— Я надеялась, что так вы и скажете.

Глава 46

Сабрина с тревогой прислушивалась, в любую минуту ожидая стука в дверь. Она не предполагала, что кто-то может войти в комнату без ее согласия, но вышло именно так. И все потому, что она забыла о запасном ключе.

На пороге стоял четвертый тюремщик, тот, что выглядел приличнее остальных. Похоже, у него не было пистолета… или он его пока не вынул. Но это не означало, что он безоружен, просто казался менее опасным, чем остальные.

Первые его слова тоже не вызвали особой тревоги:

— Пойдемте, леди. Я здесь, чтобы спасти вас. Там, внизу, какой-то здоровяк шотландец все крушит.

— Этот шотландец, по странной случайности, оказался нашим другом, — пояснила Сабрина.

— Этого я и опасался, — пробормотал он, кусая губы. — В таком случае одна из вас отправится со мной, иначе мне не улизнуть отсюда. И лучше, чтобы вы, мисс Трещотка, остались там, где сидите.

Оскорбленная полученным прозвищем, Сабрина надменно процедила:

— Вы и без того слишком долго испытывали терпение моего друга, так что, если хотите остаться целым и невредимым, предлагаю вам подумать о себе. Видите это окно?

— Но мы наверху, — испугался незнакомец.

— И что из этого? Думаю, падение с любой высоты причинит вам меньше вреда, чем встреча с Дунканом Мактавишем.

Мужчина подступил ближе:

— Но послушайте, леди, здесь командую я и не собираюсь упускать единственную возможность выпутаться из этой передряги, тем более что вы так и не отдали нам чертовы сорок фунтов.

— Ну, если это все, что вам нужно…

Сабрина не закончила фразы. Мейвис, чьи глаза больше привыкли к темноте, сумела найти какой-то предмет потяжелее и, подкравшись сзади, опустила его на голову бедняги. Потом бросила свое оружие на пол, отряхнула руки и деловито объяснила бесчувственному парню:

— Это за то, что кормил меня одним хлебом. Сабрина расплылась было в улыбке, но тут дверь снова отворилась. В комнату вошел Дункан. Оглядев распростертого на полу мужчину, он осуждающе покачал головой:

— По-моему, ты говорила, что закроешь дверь.

— Так и было, — смущенно пробормотала Сабрина, ненавидя себя за то, что оправдывается. — Просто я забыла, что у него может оказаться ключ.

— Неужели? — пренебрежительно бросил Дункан, взваливая на плечи четвертого бродягу. — Кстати, можете спускаться вниз. Джон Ньюболт отправился за помощью.

— С ним ничего не случилось?

— Нет, просто он донельзя сконфужен тем, что позволил такой швали взять над собой верх. Ну и рассержен немного.

— Надеюсь, вы сообщили моим тетушкам, что волноваться нет причин? — осведомилась Сабрина, следуя за ним по лестнице.

— Как я мог это сделать, если этот негодяй никак не давался мне в руки? Кроме того, я даже не знал, что ваши тетушки здесь. Где они?

Сабрина с ужасом поняла, что забыла упомянуть о присутствии родственниц. Кажется, приключения не ее стихия. То и дело ошибается, попадает в дурацкие положения, даже Мейвис сообразительнее, чем она!

— Они ждут рядом с домом, в карете. Я сейчас вернусь! — воскликнула она и выбежала на крыльцо, чтобы он не заметил, как ей стыдно.

Однако ей пришлось довольно долго заверять Элис и Хилари, что опасности больше нет. Оказалось, она провела в доме больше часа, и они были вне себя от волнения. Но едва тетушки принялись горячо обсуждать, стоит ли немедленно вернуться к себе или поискать подходящую гостиницу, Сабрина поняла, что все стало на свои места и можно без опаски ехать домой.

Предстояло сообщить Дункану хорошие вести о том, что Мейвис не собирается обличать Офелию. Но, может, Мейвис уже сама успела сказать, что ему ник чему связывать свою жизнь со злобной ведьмой?

К своему удивлению, Сабрина вдруг увидела, что Дункан в одиночестве стоит у подножия лестницы с таким видом, словно только что потерял лучшего друга. Ничего не скажешь — совсем не похож на рыцаря в сверкающих доспехах, только что героически спасшего трех человек из заключения.

— Что опять стряслось? — всполошилась Сабрина. Но Дункан был так подавлен, что даже не взглянул на нее.

— Она отказалась помочь мне, девочка. Наотрез отказалась молчать, если я не женюсь на Офелии.

— Чепуха! Мейвис заверила меня, что никому слова не скажет.

— Значит, солгала. Заранее радуется, что Офелия наконец получит по заслугам.

Сабрина бессильно опустилась на ступеньку, не зная, что и думать.

— Не понимаю. Она считала, что ты, потеряв голову от Офелии, возобновил помолвку и поэтому пришел к ней в комнату. Мейвис с ума сходила при мысли о том, что Офелия вновь получила желаемое. Решив, что ее враг опять взял верх, Мейвис в отчаянии покинула Саммерс-Глейд. Но я объяснила, что произошло на самом деле и что ты женишься на Офелии лишь затем, чтобы спасти ее репутацию, в том случае если Мейвис начнет сплетничать. Тогда она поклялась молчать. Почему же передумала? Что ты ей наплел?

— Сказал правду.

— Значит, я соврала? — ошеломленно пролепетала Сабрина.

— Ни в коем случае. Просто ты не все знала, а я не сообразил кое о чем умолчать в разговоре с Мейвис. Совсем забыл, как она ненавидит Офелию. Позже я умолял ее о сострадании. Но желание отомстить бывшей подруге для нее превыше всего.

— О чем ты?

— Меньше всего Офелии хочется стать моей женой, особенно после того как Невилл разъяснил ей, какие нелегкие обязанности придется выполнять будущей маркизе. По-видимому, она сочла, что не создана для такой унылой жизни. Рэйф был прав: она гонялась за титулом и богатством, я ничуть ее не привлекал. Но теперь, когда выяснилось, что титул накладывает на его обладателя немало обязательств, она снова стремится разорвать помолвку.

Сабрина не знала, плакать ей или смеяться. Огромное облегчение знать, что Офелии не нужен Дункан, что ее манили лишь богатство и положение жениха. Но теперь она все равно получит Мактавиша, и только благодаря своему мерзкому характеру. Как же нужно оскорбить, унизить и растоптать чувства лучшей подруги, чтобы та, забыв о справедливости и милосердии, рвалась свершить возмездие!

— Я потолкую с Мейвис.

— Ты вольна попытаться, девочка, но видела бы ты ее торжествующий взгляд! Я сам дал ей в руки оружие, и теперь она намерена разделаться с Офелией. О, нет, Мейвис не откажется от своих замыслов.

Глава 47

Предсказания Дункана сбылись — Мейвис оказалась непоколебимой как скала и даже рассердилась на Сабрину, считая, что та намеренно утаила от нее правду о нежелании Офелии стать маркизой Бирминдейл. Мало того, она никак не верила, что Сабрина попросту ни о чем не знала. Так или иначе, а урезонить Мейвис не удалось. Все уговоры Сабрины она пропускала

мимо ушей. Ее ничуть не волновали уверения, что Дункан в этом деле был пострадавшей стороной. Мисс Ньюболт презрительно твердила, что мужчины теперь не чтут брачные обеты и, судя по тому, какие ходят сплетни о некоторых джентльменах, даже не пытаются скрыть свои похождения.

— Любовницы помогут ему забыться, а самая красивая женщина во всей Англии, предмет зависти всех мужчин, станет его женой. Чего же еще желать? Тем более что ему все равно, на ком жениться, иначе давно сделал бы предложение предмету своей страсти, и скандал бы не разразился.

Укол, пусть и ненамеренный, попал в цель. Это было еще одно напоминание о том, насколько пустыми были надежды Сабрины. Но сейчас не время думать о своем израненном сердце. Исчерпав все доводы в пользу порядочности и благородства, Сабрина была вынуждена упомянуть о том, что Офелия превратит жизнь Дункана в ад.

— Представьте, каково это — провести с ней остаток дней своих. Вот вы хотели бы оказаться на его месте?

— Ни за что. Я бы заперла ее и выпускала только по праздникам, да и то вряд ли. Поверьте, я превратила бы ее жизнь в ад и не терзалась бы угрызениями совести, ведь она недостойна лучшего. Надеюсь, искренне надеюсь, что у Мактавиша хватит ума сделать именно это. А вы поезжайте домой, Сабрина. Спасибо за помощь, но сейчас вы зря тратите время.

Сабрина долго набиралась храбрости, прежде чем спуститься вниз, взглянуть Дункану в глаза и печально покачать головой. Тяжело лишать друга последней надежды.

Однако он, по-видимому, не ожидал иного исхода, потому что лицо осталось угрюмым. Он обнял Сабрину, чтобы поблагодарить за помощь. О, как она наслаждалась этими горькими минутами, чувствуя себя одновременно на небе и в преисподней, зная, что скорее всего последний раз так близка к нему!

Дункан и Рэйфел привели своих коней и проводили их карету до самого Оксбоу, поскольку тетушки решили не оставаться на ночь в Манчестере. Сабрина, уже сидя в карете, узнала, что Рэйфел был вместе с Дунканом, и рассеянно прислушивалась к его жалобам на ужасную головную боль.

Обратная дорога заняла меньше времени, и Сабрина поднялась к себе, когда до рассвета оставалось не меньше часа. Все это время она мужественно удерживалась от слез, но едва голова коснулась подушки, как долго копившиеся эмоции вырвались наружу. Сознание того, что Дункан пойдет к алтарю еще до того, как она проснется, было непереносимым.

Но муки отчего-то не стали сильнее, когда она поднялась с кровати и поняла, что брачная церемония уже позади. Это удивило Сабрину. Поразмыслив немного, она сделала вывод, что свадьба Дункана ничего для нее самой не изменила. Сердце разрывалось от любви к нему, но, не подвернись ему Офелия, Дункан все равно женился на ком-нибудь. Только не на Сабрине.

Она уже пережила самый тяжелый удар и тот день, когда Арчибальд объяснил, каковы истинные чувства Дункана по отношению к ней. До этого она в глубине души надеялась, что если Дункан выберется из сетей Офелии, то сделает предложение ей, Сабрине. Но этого все равно бы не случилось. Она навсегда останется для него только другом. Хорош друг — даже на свадьбу не явился!

Теперь Сабрина злилась на себя за то, что бросила Дункана в беде. А ведь Арчибальд предупреждал, что сейчас он, как никогда, нуждается в дружеском участии.

Перед глазами Сабрины стояло печальное лицо Дункана в тот миг, когда он обнял ее.

Может, хоть тетушки поехали в церковь? В конце концов, их пригласили. Но если учесть, когда все они вернулись домой… возможно, они тоже проспали. Как некрасиво! Дункану наверняка тоже хотелось не вылезать сегодня из постели, но его уж точно разбудили. Нельзя же опаздывать на собственную свадьбу!

Сабрина оделась и спустилась вниз, едва не столкнувшись на лестнице с Элис.

— Наконец-то! — приветствовала ее тетушка. — А я уже хотела проверить, жива ли ты.

— Вы были на церемонии?

— Господи, конечно, нет! Мы до сих пор в себя прийти не можем. Но думаю, нам перескажут во всех подробностях. Следующие два месяца в округе ни о чем другом толковать не будут! Кстати, к тебе приехала леди. Ждет в гостиной.

Сабрина, сама не понимая почему, решила, что приехала Офелия. Вероятно, потому, что она была последней, кто посещал дом Ламбертов. Офелия? Несмотря на то что сегодня день ее свадьбы? Вполне вероятно: захотелось позлорадствовать… Но нет, Сабрина все время забывает, что Офелия готова на все, лишь бы избежать этого брака. Поверить невозможно! Любая женщина мечтает о муже, обладающем такими качествами, как Дункан. Но у мисс Рид были свои понятия о выгодной партии, а Дункан теперь явно им не соответствовал.

Наверняка она явилась, чтобы стонать и жаловаться на свою печальную участь. Ах, Сабрина все бы отдала, лишь бы оказаться на ее месте! Но на этот раз она не потерпит нытья Офелии. Не станет притворяться, будто сочувствует так называемой подруге, особенно теперь, когда узнала всю глубину ее подлости. Офелия лгала, интриговала и сделала все, чтобы лишить Сабрину даже ничтожного шанса на счастье.

Наверняка она явилась, чтобы стонать и жаловаться на свою печальную участь. Ах, Сабрина все бы отдала, лишь бы оказаться на ее месте! Но на этот раз она не потерпит нытья Офелии. Не станет притворяться, будто сочувствует так называемой подруге, особенно теперь, когда узнала всю глубину ее подлости. Офелия лгала, интриговала и сделала все, чтобы лишить Сабрину даже ничтожного шанса на счастье.

Направляясь в гостиную, она решила сразу же указать Офелии на дверь. Но каково было ее разочарование, когда навстречу ей поднялась Мейвис. Сабрина даже покраснела, стыдясь своих недобрых мыслей об Офелии. Правда, ей стало немного легче, когда она увидела сконфуженное лицо гостьи. Понять причину ее смущения не составляло труда. Наверное, хотела объяснить, почему отказалась помочь Дункану. Мучается угрызениями совести? А ведь Мейвис вовсе не злая, не подлая, просто не желает лишаться единственной возможности отомстить сопернице, испортившей ей жизнь. Но какая сейчас разница? Все равно уже слишком поздно.

— Я приехала извиниться… — начала Мейвис.

— Не стоит.

— Стоит. Я ни за что не поступила бы, как грозилась. Следовало бы с самого начала так и

сказать… или хотя бы оставить вас в неопределенности, чтобы не думали обо мне плохо.

— О чем вы?!

— Видите ли, я мечтала немного насладиться своей властью над Офелией. И хотела, чтобы она, пусть недолго, но поволновалась из-за того, чем может обернуться для нее моя несдержанность. Ей необходимо понять: все мерзости, которые она творит, могут обернуться против нее же, а другого способа доказать это просто не было.

— Недолго?

— Да. Я намеревалась заехать в Саммерс-Глейд по пути в Лондон и сказать Дункану, что не придется жениться на Офелии ради спасения ее репутации. Разнести сплетню о той непристойной сцене, что я наблюдала, означало бы уподобиться его так называемой невесте. Офелия не задумалась бы уничтожить любого, чтобы быть первой, лучшей, самой красивой, но если я? начну вести себя, как она, пусть уж лучше меня запрут, а ключ выбросят!

Сабрина улыбнулась и с трудом сдержала радостный Смех. Лучше Мейвис не знать, как она счастлива за Дункана.

— Значит, вы уже говорили с ним?

— Н-нет, — нерешительно призналась Мейвис. — Надеялась, что вы поедете со мной. Боюсь, он зол на меня за вчерашнее. Теперь Дункан считает, что из-за меня вынужден жениться на этой ведьме.

Сабрине показалось, что земля разверзлась и вот-вот поглотит ее. Она покачнулась и поднесла руку ко лбу.

— Вы не знали, что свадьба назначена на сегодня, верно? — произнесла она безжизненным шепотом.

Мейвис побледнела как полотно. Более определенного ответа и не требовалось.

— Не может быть! После оглашения помолвки должно пройти не меньше трех недель!

— Существуют специальные разрешения, и лорд Невилл давно получил такое. В его преклонном возрасте он торопится увидеть внука женатым. Кроме того, нужно было спешить, чтобы предотвратить скандал. Согласитесь, ведь Дункан не знал, что у вас на уме.

— Боже, если бы я только предполагала, что все случится так скоро… Признаюсь, я сначала собиралась держать Дункана в напряжении не меньше недели, но потом сочла это слишком жестоким. Однако я никак не думала, что несколько часов могут решить все, — в конце концов, он вернулся домой на рассвете и еще не вставал. Господи, я никогда не прощу этого себе!

При других обстоятельствах Сабрина попыталась бы утешить собеседницу, но сейчас у нее не было на это сил. Из-за упрямства Мейвис жизнь Дункана разрушена навсегда. Офелия скоро утешится, а Макгавишу придется страдать многие годы.

— А что, если еще не поздно? — встрепенулась Мейвис, хватаясь за соломинку.

— Они женаты. С какой стороны ни посмотреть, все кончено.

— Да, но ведь есть немало способов выйти из положения. И если новобрачные не легли в

постель сразу после свадьбы, а этого наверняка не произошло, поскольку они терпеть не могут друг друга, можно добиться признания брака недействительным. Согласитесь, это куда лучше развода.

Сабрина не могла не признать правоты Мейвис:

— Недействительным? Но на каком основании? Мейвис нетерпеливо отмахнулась:

— Не все ли равно? Наверняка что-то можно придумать. Вероятно, родители Офелии еще никому не говорили, как относятся к возобновлению помолвки. Если это так, пусть объявят, что были против, а дочь вышла замуж без их позволения.

— Но ведь всему свету известно, как они мечтали об этом союзе, — скептически усмехнулась Сабрина.

— Сабрина, вы своим пессимизмом все портите, — упрекнула ее Мейвис. — Нам нужно до наступления брачной ночи хотя бы сказать им, что выбор еще есть, потом положение уже не исправить.

Нам? Сабрина что-то не припоминала, когда согласилась участвовать в этом сомнительном предприятии. Мейвис забыла, как Офелия твердила всем и каждому, будто ее родители без ума от предстоящего брака и не желают слушать никаких просьб и доводов дочери. Но Сабрине была ненавистна мысль, что Дункан отныне навек будет связан с Офелией. И все только потому, что ни он, ни Сабрина не догадались сказать Мейвис, когда состоится свадьба.

Глава 48

Появления Сабрины и Мейвис в Саммерс-Глейд из-за праздничной суеты никто не заметил. Они вошли в дом как раз в тот момент, когда небольшая группа гостей готовилась сесть в экипаж, а мистер Джейкобс был занят.

Однако один человек все-таки их увидел. Лорд Рэйфел Лок, невероятно красивый в строгом черном фраке, стоял в дверях гостиной, где веселились остальные, и скучающе оглядывал холл. В руке он сжимал бокал с бренди, вероятно, далеко не первый: недаром его глаза заметно покраснели, то ли от бессонницы, то ли от выпитого. Во всяком случае, держался на ногах он не совсем твердо и потому прислонился к косяку.

— Я по опыту знаю, что женщины обожают вечно опаздывать, но не считаете, что немного перегнули палку? — громко спросил он, чрезвычайно смутив девушек. Мейвис в дорожном костюме и Сабрина в простом платье и тяжелой накидке выглядели нелепо среди гостей в пышных туалетах и фраках всех цветов радуги. Обе решили пренебречь правилами этикета из-за необходимости спешить и не ожидали, что едва ли не на пороге привлекут чье-то внимание.

Сабрина ринулась к будущему герцогу, опасаясь, что он переполошит своими воплями весь дом.

— Нечего так кричать! Мы приехали не на праздник, если это вообще можно назвать праздником. У нас все еще есть надежда найти выход из весьма неприятного положения, в котором не по своей воле оказался Дункан. Я, правда, считаю, что это глупейшая затея, но Мейвис отчаянно пытается загладить свою вину. Вот почему мы здесь, но не стоит орать и

размахивать руками! — прошептала Сабрина с такой трогательной откровенностью, что Рэйфел расплылся в улыбке.

— Обожаю головоломки! Сколько даете попыток разгадать все, что вы тут наговорили?

Сабрина укоризненно покачала головой, решив, что он все-таки пьян.

— Новобрачные еще здесь? Не отправились в свадебное путешествие?

— Имеете в виду жениха с невестой? Офелия по-прежнему капризничает в своей комнате, а Дункана не оторвать от графина с бренди: должно быть, он преисполнен желания надраться и провести всю церемонию в полубреду, если таковая, конечно, состоится.

Сабрина была уверена, что Рэйфел тоже не запомнит ни единой детали сегодняшнего дня, и поэтому, нахмурившись и забыв об осторожности, едва не закричала:

— То есть как это — если?!

— А так! Свадьбы еще не было, — беспечно пояснил Рэйфел.

У Сабрины ноги подкосились от волнения, но на этот раз она не дала волю радости. Еще одного разочарования она не перенесет. Хватит с нее утреннего разговора с Мейвис!

— Они действительно не женаты?

— Действительно, — кивнул Рэйф.

— Но почему? Я думала, все решили, что любое промедление губительно для репутации Офелии.

— Вы правы, но это нельзя назвать промедлением. Сам я не был свидетелем разговора, но от Дункана слышал, что лорд Невилл был крайне раздражен отказом Мейвис помалкивать. Поэтому неудивительно, что бедняга слег как раз перед венчанием. Весьма вовремя, сказал бы я. Превосходно задумано! Пришлось отнести его в постель и вызвать доктора.

— Задумано? — озадаченно пробормотала Сабрина. — Вы уверены, что ему в самом деле не стало хуже?

— Ну… поскольку Дункан проговорился, что его престарелые родственнички сцепились и долго спорили, кому упасть в обморок… Да, совершенно уверен.

— Вот как… — растерялась Сабрина. Она была не в силах поверить, что надменный лорд Невилл пошел на такой обман да еще вызвался играть главную роль в столь недостойном спектакле.

Заметив ее недоверчивую гримасу, Рэйфел добавил:

— Они стараются выиграть время, но долго так продолжаться не может. Невилл, очевидно, считает, что сначала должен сам потолковать с Мейвис и уговорить ее. Если же мисс Ньюболт заупрямится. Невилл потребует с ее отца возврата старого долга в надежде, что почтенный родитель сумеет урезонить непокорную дочь. Он уже послал своего человека в Манчестер с требованием привезти девицу. Хорошо, что вы догадались сделать это раньше!

К счастью, Мейвис задержалась у входной двери и не слышала всего этого.

— Я тут ни при чем. Это она буквально притащила меня сюда. Мейвис очень расстроилась, узнав, что ей не удастся исправить свой вчерашний промах вовремя. Она собиралась предложить Дункану аннулировать брак.

— Неужели? А я пребывал в полной уверенности, что она намерена растоптать Офелию. Что заставило ее передумать?

— Мейвис лишь хотела держать бывшую подругу в неизвестности как можно дольше. Но быстро одумалась и решила сегодня же все уладить. Беда в том, что никто не сказал ей о том, что свадьба назначена на сегодняшнее утро. Она считала, что это произойдет только через три недели и у нее еще есть время.

Рэйфел изумленно покачал головой:

— Ну и ну! Вот что бывает, когда строишь планы, пользуясь исключительно домыслами, не имея подлинных фактов! Это все равно что возводить дом на песке.

— Верно, — усмехнулась Сабрина. — Последнее время немало песчинок попало мне в глаза!

Рэйфел громко захохотал» окончательно нарушил похоронную атмосферу, в которую был погружен дом. И это когда гости ожидали выхода врача, чтобы узнать, насколько серьезно состояние лорда Невилла. Смех при подобных обстоятельствах был по меньшей мере неприличен.

Рэйфел, уже успевший достаточно набраться, ничего не заметил, но Сабрина мучительно покраснела под обстрелом неодобрительных взглядов и поспешила скрыться. В эту минуту ей хотелось как следует стукнуть Рэйфела за то, что позволил ей забыться и по старой привычке поупражняться в остроумии.

Внезапно она замерла. Сколько же времени прошло с тех пор, когда ей в последний раз хотелось кого-то рассмешить? Она словно очнулась после долгого обморока, а это означало, что черное облако, окружавшее ее, рассеялось, и она вновь дышит полной грудью…

Глава 49

Странное веселье в холле не вызвало у Дункана ничего, кроме некоторого любопытства. В обычной обстановке он даже не потрудился бы узнать причину, но сейчас ему во что бы то ни стало требовалось немного отвлечься. Все лучше, чем мучиться в ожидании начала свадебной церемонии или по крайней мере делать вид, будто ему не терпится поскорее стать женатым человеком. Дункан отлично знал, что никакого венчания не будет. Сегодня.

Невилл и не подумает «выздоравливать», пока не поговорит с Мейвис Ньюболт наедине. Недаром уверяет, что девушка сразу сдастся. Если же нет, он призовет на помощь ее отца с тем, чтобы тот уломал дочь. Но для этого нужно сначала встретиться с самой Мейвис.

Дункан почти не надеялся на деда. Не зря лорд Ньюболт считался человеком нелюдимым и несговорчивым. По-видимому, Мейвис унаследовала эти черты от отца. Маркиз полагался на свое положение и богатство, но и они не всегда творят чудеса. Дункан в отличие от деда не питал никаких иллюзий. Мейвис достаточно поделиться пикантной новостью с кем-то одним, чтобы поползли слухи. И тогда замысел Невилла потерпит крах.

Однако Дункан втайне радовался, что свадьба откладывается. Правда, ему не слишком нравилось притворяться, но его мнения никто не спрашивал. Деды, как всегда, все решили за него. Ничего, рано или поздно он забудет о своих намерениях не ранить чувства Арчи и попросит не вмешиваться в его жизнь.

Беда в том, что Арчи до сих пор считает Дункана мальчишкой, а он боится обидеть любящего деда. К Невиллу же он до сих пор не испытывает особой симпатии. Ему не по себе каждый раз, когда тот пытается помочь, потому что уже не впервые поступки Невилла вызывают у него невольную благодарность. А ведь Невилл и слова не сказал, когда Дункан разорвал помолвку, в то время как Арчи долго выражал этим недовольство. Именно Невилл, когда произошла эта безобразная история, прямо заявил, что, если внук не хочет жениться на Офелии, он согласится с его решением и сделает все возможное, чтобы девушка при этом не пострадала. Правда, он ни за что не ручался, и только поэтому Дункан не смог согласиться с его предложением, как бы ни хотел.

Однако чувство благодарности не изменило его отношения к Невиллу в целом. То, что старик вел себя как настоящий дед, не оправдывало его равнодушия к сыну единственной дочери. За долгие годы он ни разу не увидел Дункана. И теперь внук не торопился открыть ему сердце.

Дункан отставил бокал с бренди и ленивой походкой направился в холл. Он намеревался напиться до бесчувствия, но спиртное на него не действовало. Вероятно, эмоции, терзающие его, были сильны.

Дункан отставил бокал с бренди и ленивой походкой направился в холл. Он намеревался напиться до бесчувствия, но спиртное на него не действовало. Вероятно, эмоции, терзающие его, были сильны.

Увидев Сабрину, стоявшую рядом с Рэйфелом, он обрадовался, что по-прежнему трезв. Теперь понятно, почему Лок так и заливается смехом, — всему причиной Сабрина. Сабрина и ее способность успокоить растревоженное сердце. Дункан ощутил внезапный укол ревности. Почему лучи ее обаяния согревают Рэйфела, а не его, Дункана Мактавиша?

Но он тут же выбросил из головы мятежные мысли: слишком был счастлив видеть ее, чтобы позволить недостойным вопросом омрачать их дружбу.

— Не думал, что вы приедете сегодня, — пробормотал он.

Девушка ответила сияющей, предназначенной лишь ему одному улыбкой, такой, какая не появлялась на ее губах после его повторной помолвки с Офелией. И теперь у него все сжалось внутри. Ее поспешный ответ тоже смутил Дункана:

— Мы ведь все еще друзья, правда?

— Я уже стал гадать… — начал он, безуспешно пытаясь скрыть смущение.

Но Сабрина как ни в чем не бывало улыбалась, и Дункан растерянно нахмурился. Интересно, что она узнала от Рэйфела такого забавного, кроме того, что Дункан еще не женат? Неужели действительно воображает, что план Невилла удастся? Ведь она сама пыталась переубедить Мейвис и потерпела поражение.

Ухмылка Рэйфела оказалась последней каплей, переполнившей чашу его терпения.

— Да что это с вами?! — взорвался Дункан. — Что это вас так развеселило? Вы напоминаете

сейчас хихикающих херувимчиков.

— Это уж слишком! Я решительно возражаю против подобных выражений! — негодующе воскликнул Рэйфел, но тут Сабрина издала звук, подозрительно напоминающий хихиканье.

— А вот я готова побыть херувимчиком, — призналась она. — Так и вижу себя с трепещущими крылышками, пускающей стрелы веселья в каждого прохожего.

Рэйфел закатил глаза. Дункан насупился. Сабрина рассыпалась звонкой трелью смешков, но, пожалев Дункана, объяснила:

— У меня хорошие новости. Чудесные! Великолепные! — Прежде чем все объяснить, она закусила губу и призналась:

— Хотя, с другой стороны, они могут считаться и плохими.

— Плохими?

— Ну да, поскольку теперь вам придется снова начать поиски невесты, а если учесть, что раньше это вам не очень нравилось, новости действительно приятными не назовешь.

Дункан открыл рот, поняв наконец, о чем она говорит.

— Девочка, так называемая болезнь Невилла — лишь временная отсрочка.

— Нет-нет, дело не в этом. Вчера Мейвис погорячилась и теперь жалеет о содеянном. Но она с самого начала не собиралась портить вам жизнь, вынуждая жениться на Офелии.

Дункан еще не осознал, что свободен. Только заметив у двери Мейвис, в отчаянии ломавшую руки подобно осужденной, которую ведут на эшафот, он понял, что все изменилось.

— Не упрекайте ее, — прошептала Сабрина, проследив за его взглядом. — Она уверена, что вы уже женаты, и изводит себя за опоздание. Вчера Мейвис думала, что Офелия, выйдя за вас, добьется желаемого и снова победит, поэтому собиралась молчать, чтобы подобного не произошло. Но когда вы объяснили, что Офелия не желает провести всю жизнь в деревне, Мейвис решила заставить ее страдать. Она хотела, чтобы Офелия посчитала, будто выхода нет.

— Не только Офелия, но и я.

— Она не представляла, что так больно ранит вас. Собиралась спасти, прежде чем вы женитесь. Вот только понятия не имела, что свадьба состоится так скоро. Мейвис полагала, что у нее в запасе много времени и что она все скажет сегодня, когда будет возвращаться в Лондон.

— Но почему вы с Мейвис здесь, если, по-вашему, свадьба уже состоялась?

— Мейвис хотела предложить вам аннулировать брак. Мне казалось, это не слишком умная мысль. Родители Офелии рады такому зятю, как вы. Правда, теперь это не важно благодаря уловке Невилла. Наконец-то все кончено, Дункан.

Смысл ее слов только сейчас дошел до Дункана. Первым его порывом было обнять Сабрину. Так он и сделал. Та рассмеялась и тоже обняла его, а он обрадовался этому даже больше, чем освобождению от Офелии. Дункан и сам не понимал до сих пор, как мучило его внезапное отчуждение Сабрины.

Но сладостное забытье продолжалось всего несколько чудесных мгновений. Голос Офелии, донесшийся сверху, подействовал на него, как струя ледяной воды.

Сабрина тут же отстранилась.

— Могли бы по крайней мере хотя бы притвориться джентльменом и подождать, пока фарс, именуемый помолвкой, официально завершится, прежде чем открыто выказывать свои истинные симпатии, — с брезгливым презрением бросила Офелия. — Разумеется, трудно ожидать соблюдения приличий или хотя бы обычной учтивости от того, кто совсем недавно принят в обществе.

Глава 50

Дункан медленно обернулся к Офелии, замершей на ступеньках. Гнев, вызванный ее злобными речами, немного унялся от сознания того, что больше ему никогда не придется иметь дело с этой змеей.

Поэтому в голосе Дункана слышались лишь нотки легкого неодобрения:

— Леди Офелия, будь я таким варваром, как вам представляется, мы не обручились бы снова, пусть даже вся чертова толпа гостей застала меня в вашей спальне. Поймите, мне было бы плевать на вашу репутацию.

— Но это вы во всем виноваты, — напомнила Офелия, краснея от его грубости.

— И что же? Какое дело дикарям до таких пустяков?

— О, так и быть, вы не дикарь, — сухо согласилась она.

— Не думал, что доживу до такого дня! — вмешался Рэйфел с ехидным смешком. — Снежная королева отрекается от своих слов!

Офелия повернулась, чтобы наградить его пренебрежительным взглядом, но тут заметила Мейвис и громко ахнула. Совершенно забыв о троице, смирно стоявшей у подножия лестницы, она поспешила к бывшей подруге.

— Мейвис, я знала, что ты придешь, пока еще не поздно! Значит, дружба все-таки не забывается! Ты просто не можешь заставить меня страдать до конца жизни из-за каких-то не стоящих внимания глупостей, которые к тому же вырвались у меня случайно.

Дункан только головой покачал, еще раз возблагодарив небо за обретенную свободу. Что за существование пришлось бы ему влачить с такой женой!

Они последовали за Офелией как раз вовремя, чтобы услышать ее трогательные речи. Дункан уже хотел съязвить насчет «страданий» Офелии, но промолчал, заметив, как смущена Мейвис.

— Пока еще не поздно? — непонимающе переспросила мисс Ньюболт и посмотрела на Сабрину, ожидая подтверждения.

Та улыбнулась и кивнула. Мейвис вдруг распрямилась, словно с ее плеч свалилась невидимая тяжесть. Очевидно, ей наконец стало ясно, что Офелия не всесильна и что теперь пришла пора

доказать это.

Та улыбнулась и кивнула. Мейвис вдруг распрямилась, словно с ее плеч свалилась невидимая тяжесть. Очевидно, ей наконец стало ясно, что Офелия не всесильна и что теперь пришла пора доказать это.

От Офелии тоже не ускользнул смысл вопроса:

— Ты считала, что мы уже поженились? И узнав, что это не так, готова злорадствовать?

— Я не ты, — парировала Мейвис. — Злорадство и страсть к сплетням скорее в твоем характере, дорогая моя.

Офелия на миг застыла. Судя по сузившимся глазам, ее так и подмывало достойно ответить на оскорбление, но она не посмела. Однако злополучная невеста Дункана довольно быстро сумела взять себя в руки. Ничего не поделать, она все еще считала, что должна заручиться молчанием Мейвис. А разве она добьется своего, если отчитает ту в своей обычной манере?

— Но почему ты здесь?

— Я действительно пребывала в полной уверенности, что венчание уже состоялось. Не находишь естественным, что я приехала пожелать счастья влюбленной паре?

— Влюбленной? — презрительно бросила Офелия. — Да мы не выносим друг друга!

Мейвис с деланным изумлением всплеснула руками:

— Не может быть! Хочешь сказать, что есть на свете мужчина, который способен не упасть к твоим ногам?!

Ни за что не поверю.

Губы Офелии дрогнули, а голос понизился до доверительного шепота, предназначенного исключительно для ушей Мейвис.

— Он не англичанин, — пробормотала она, словно это объясняло все.

— Если только это и требуется, чтобы видеть тебя в истинном свете, значит, ему повезло.

— А по-моему, для этого нужно куда меньше, — с улыбкой вмешался Рэйфел.

Офелия, сообразив, что они тут не одни, прошипела:

— Будьте добры на несколько минут оставить нас. Нам необходимо поговорить наедине.

— Ради Бога, беседуйте сколько угодно, — отозвался Рэйфел, — но это не значит, что я уйду. Да я за все золото мира не пропустил бы такого!

— Чего именно?! — закричала Офелия, — Хотите увидеть меня на коленях? Неужели вы так меня ненавидите?

Ответом было многозначительное молчание. На щеках Офелии расцвели яркие пятна. Она повернулась было, чтобы уйти, но остановилась, чтобы еще раз попробовать улестить Мейвис. Если есть хоть малейший шанс перетянуть ее на свою сторону, Офелия этим воспользуется.

Оставалось лишь игнорировать троих грубиянов. Она снова подступила к Мейвис. Та с любопытством уставилась на нее, снова притворяясь потрясенной:

— И никто из этих двоих не сражен столь ослепительной красотой? Это тебе ничего не подсказывает?

— О чем ты толкуешь? — нетерпеливо допытывалась Офелия.

— Может, дело не в них, а в тебе? Ты стала неосторожной, Фели, — усмехнулась Мейвис, называя подругу детским прозвищем, которое та запретила употреблять, — Последнее время ты слишком часто открываешь свое истинное лицо. Чересчур рано сбрасываешь маску. Еще до того, как тебе удается одурачить нового поклонника. Не все люди глупы. Некоторые достаточно проницательны, чтобы рассмотреть за ангельской внешностью, которой наградила тебя природа, черную от грязи ледяную глыбу, способную заморозить любого неосторожного безумца.

Офелия пошатнулась, как от удара. Такого ей еще не приходилось слышать. Но как бы ей ни хотелось убежать, ноги словно приросли к месту. Даже Дункану стало не по себе. Судя по беспощадной тираде, любой предположил бы, что Мейвис не согласится молчать об инциденте в спальне. Должно быть, и Офелия пришла к такому заключению. Если бы не заверения Сабрины, этот разговор мог бы стать для него смертельным ударом.

— Надеюсь, ты закончила оскорблять меня? — сухо осведомилась Офелия, но голос чуть дрогнул, выдав, как глубоко ранили ее слова подруги.

Но Мейвис ничего не заметила — она уже не могла остановиться. Это был миг ее торжества, и у Дункана хватило ума не вмешиваться, хотя в сердце закрадывалась жалость к прекрасной блондинке.

— С каких пор правда считается оскорблением? — отозвалась Мейвис.

— Итак, по-вашему, я самая презренная тварь на земле. Жених заверил меня в этом. Сабрина ему вторит. Даже Лок того же мнения! — горячо воскликнула Офелия, уже не скрывая обиды.

— О, ради Бога, — пренебрежительно бросила Мейвис. — На меня твоя излюбленная тактика не действует. Кому, как не мне, знать, на какие трюки ты пускаешься, чтобы вызвать к себе жалость!

— Но ведь и я тебя знаю достаточно хорошо, чтобы понять — ты непременно станешь раскаиваться в том, что наговорила. Ты по характеру вовсе не мстительна, Мейвис, и в глубине души наверняка хочешь меня простить.

Мы знакомы слишком давно…

— Помню, что однажды уже простила тебя, — перебила Мейвис, дав волю гневу. — Но что хорошего это мне дало? Разве ты раскаялась? Перестала портить жизнь окружающим, как когда-то разрушила мою?

— Но, Мейвис, мы, по-моему, уже решили, что Александр тебя недостоин.

— Ты пыталась утешить меня пустыми словами, но ничего не вышло. Мое сердце до сих пор разбито. Во мне накопилось столько горечи, что я сама себя не узнаю. Я продолжала терпеть твое присутствие только затем, чтобы своими глазами увидеть крах первой красавицы

Лондона.

Потрясенная этими откровениями, Офелия смогла лишь с чувством воскликнуть:

— Мейвис, не можешь же ты так меня ненавидеть!

— Почему же? Неужели ты не поняла, Фели: не осталось тех, кто бы тебя любил. У тебя не оказалось ни одного друга, потому что ты беззастенчиво использовала всех и каждого, и, как бы там ни считала, они не настолько глупы, чтобы этого не понять.

— Не правда, — прошептала Офелия. — Эдит и Джейн меня не покинут.

— Да ну? — усмехнулась Мейвис. — Видимо, они станут подружками на твоей свадьбе? Что-то я их тут не вижу!

Офелия подавленно молчала. Да и что она могла сказать?

Мейвис усмехнулась:

— Так я и думала. Даже Эдит и Джейн все-таки поняли, что ты собой представляешь. Но как они могли терпеть тебя и дальше, когда ты оболгала перед ними меня? Бедняжки лоняли, что тебе нельзя доверять. Они, конечно, всегда это подозревали, особенно когда пытались утихомирить тебя и твои истерики. Знали, что ты можешь облить их грязью так же легко, как остальных.

— Я никогда бы так не сделала.

— Господи, Офелия, оправдываться можешь перед другими, но вспомни, кому ты это все говоришь! Можно подумать, я никогда не видела, как ты хлещешь их словами, как оскорбляешь и унижаешь! И за что?! За какие-то пустяки. Но тебе достаточно любого повода, чтобы взорваться, счесть все за кровную обиду, поскольку весь мир должен вращаться вокруг тебя.

— Иногда я просто не в силах сдержаться — характер такой.

— Ты и не пытаешься. Предпочитаешь оправдывать собственные подлости простой вспыльчивостью. И о чем это говорит, Фели? О том, что ты до сих пор ведешь себя, как капризный ребенок? Что никогда не станешь взрослой? Не пора ли повзрослеть?

— Ты и не пытаешься. Предпочитаешь оправдывать собственные подлости простой вспыльчивостью. И о чем это говорит, Фели? О том, что ты до сих пор ведешь себя, как капризный ребенок? Что никогда не станешь взрослой? Не пора ли повзрослеть?

— Довольно. Я выслушала все, что ты хотела сказать.

— Это верно. Но сумела ли я открыть тебе глаза? Сомневаюсь. Ты назовешь меня дурой и лгуньей и ничтоже сумняшеся снова станешь беззаботно порхать по жизни, игнорируя любое мнение, кроме своего собственного. Впрочем, мне это теперь безразлично.

— Я с радостью бы пошла своей дорогой, если бы не застряла здесь… Мейвис, заклинаю тебя… ну вот, я и сказала это. Разве не потому ты приехала? Хочешь заставить меня умолять? Теперь ты счастлива? Пожалуйста, не вынуждай меня выходить замуж за человека, которого я не могу видеть и который презирает меня.

Мейвис изумленно покачала головой:

— Ты все такая же эгоистка, Фели. И в самом деле никого, кроме себя, не видишь. Тебе и в голову не пришло, что я способна явиться сюда ради лорда Дункана. А ведь я здесь именно потому, что хочу предотвратить трагедию. Женитьба на тебе — истинное несчастье. Я стану молчать, но не для твоего блага. Даже если бы ты тонула, я не протянула бы тебе руки. Но ни один мужчина не заслужил того, чтобы стать твоим мужем. Это чересчур страшное наказание.

С этими словами Мейвис обошла Офелию, как некий неодушевленный, предмет, повернулась к ней спиной и обратилась к Дункану:

— Лорд Дункан, от всей души прошу простить меня за то, что не успокоила вас вчера вечером. Видимо, дружба с Офелией едва не уничтожила во мне все человеческое. Я знаю, моему поступку нет оправдания, но, поверьте, мне искренне жаль.

— Нет, Мейвис, не стоит себя винить, — улыбнулся Дункан. — Моя радость слишком велика, чтобы держать на кого-то зло.

Мейвис коротко кивнула, все еще краснея от стыда за свой дурной поступок, и протянула руку Сабрине:

— Спасибо за то, что напомнили мне, какой бескорыстной и теплой может быть истинная дружба. Если позволите, я с гордостью стану отныне называть себя вашей подругой.

— Разумеется, — обрадовалась Сабрина. — Но вы словно прощаетесь с нами.

— Так и есть. Я не могу больше задерживаться. Представляю, что ожидает меня дома. Правда, я заслужила гнев родителей.

Офелия ускользнула, поняв, что никто не заметит ее исчезновения. Ее трясло от обиды и невыплаканных слез. Спеша поскорее добраться до спальни и там поверить свои огорчения подушке, она взбежала наверх, но в коридоре столкнулась с Рэйфелом Локом. Он ушел чуть раньше с единственной целью — застать ее одну. Выслушав обличения Мейвис, он узнал весьма неприятные вещи, о которых раньше понятия не имел, и теперь считал, что Офелия не раскаивается в том, что успела натворить. Лок намеревался как следует отчитать ее, но не ожидал увидеть залитое слезами лицо.

— Иисусе, да они никак настоящие?! — удивился он, отстранив ее, чтобы коснуться пальцем мокрой щеки. — И вы собирались поплакать втайне? Не на людях? Я поражен!

— Оставьте меня… в покое, — выдавила она. Но Рэйфел, к собственному удивлению, вдруг неловко привлек ее к себе. Офелия уткнулась носом в его плечо. Ко всем многочисленным недостаткам лорда Лока относилась и постыдная слабость к женским слезам… разумеется, искренним. Ничего не поделаешь — таким уж он уродился, наверняка позже пожалеет о своем порыве.

Рэйфел мысленно выругал себя, но хрупкое тело Офелии сотрясалось в рыданиях, и тонкое сукно его фрака быстро промокло. Правда, он не верил, что это тает лед, из которого состояла ее душа. Ни за что и никогда. Недаром ум и проницательность были наследственными чертами всех представителей его славного рода.

Глава 51

Просто невероятно, как быстро встал Невилл со смертного одра, после того как узнал о коротком визите Мейвис Ньюболт! Он даже самостоятельно спустился вниз, чтобы официально объявить о решении молодых людей повторно разорвать помолвку — на этот раз по взаимному согласию. Затем он выпроводил из дома оставшихся гостей, правда, сделал это крайне вежливо и, можно сказать, дипломатично, но с большим удовольствием. К вечеру Саммерс-Глейд почти опустел, если не считать незваного и нежеланного родственничка из Шотландии, который отказывался уехать, пока Дункан не найдет другую невесту.

Вечером именно он сидел в столовой напротив Невилла. Оба пили кларет в ожидании, пока Дункан присоединится к ним. Теперь, когда опасность больше не грозила их любимому внуку и Офелия Рид благополучно удалилась, временное перемирие перед лицом общего врага было нарушено. Покончив со взаимными поздравлениями по тому радостному поводу, что Мейвис Ньюболт все-таки оказалась порядочной девушкой. Невилл и Арчибальд вновь вернулись к тому, с чего начали, — стали препираться относительно того, как поскорее заставить Дункана жениться.

— Придется ему ехать в Лондон, — объявил Невилл, не видя иного выхода.

— О, небо! — простонал Арчи. — Я слышал, в вашем Лондоне живет сам дьявол!

— Что за вздор вы несете! Уверен, Лондон ничем не отличается от вашего Эдинбурга!

— Можно подумать, вы бывали в Эдинбурге! — усмехнулся Арчи.

— А вы — в Лондоне, — огрызнулся Невилл. — Интересно когда?

Арчи, который не терпел, когда его ставят на место столь бесцеремонным образом, проворчал:

— Все равно большой город не годится для нашего мальчика. Уж лучше снова собрать невест на смотрины. Что тут плохого? И Дункан останется при нас.

— Этот дом не выдержит второго нашествия стольких девиц, — твердо сказал Невилл, который просто не терпел посторонних, бесцеремонно сующих нос в каждую щель. — Лондонский сезон в самом разгаре. Можно легко попасть на все значительные балы и приемы — едва Дункан покажется в обществе, его забросают приглашениями.

— Но там невесть сколько девушек, — возразил Арчибальд. — Как парень сумеет выбрать…

— Арчибальд, мы это обсуждали уже не раз. Лондон — именно то место, куда съезжаются все лучшие молодые девушки. Настоящий брачный рынок. Немало англичан, включая меня самого, смогли обзавестись там супругами, почему же Дункан на это не способен? Кстати, никто не просил вас сопровождать его туда.

— Поедете сами?

Невилл содрогнулся при одной мысли о поездке в столицу.

— Нет, собственно говоря, я хотел просить об этом молодого Лока, который сдружился с Дунканом. Пусть представит его нужным людям.

Услышав последнюю фразу, Дункан, который как раз входил в столовую, сухо отрезал:

— Позвольте мне самому просить моих друзей об одолжениях, если это, конечно, понадобится.

И умоляю, перестаньте обращаться со мной как с младенцем, который сам не в состоянии и шага сделать. Я, конечно, считаю Рэйфа своим другом, но что от него требуется?

— Ввести тебя в лондонский свет. Дункан, собиравшийся сесть, замер и окинул деда возмущенным взглядом:

— Зачем это, спрашивается? Арчи твердил, будто Лондон — преисподняя, куда ни один человек в здравом уме не захочет попасть.

Арчи смущенно кашлянул:

— Ну, парень, может, так и есть, но Невилл уверен, что это самое подходящее место, чтобы найти себе женушку.

Невилл вопросительно выгнул бровь, не понимая, с чего это Арчи вздумал с ним соглашаться, но тот предпочел проигнорировать немой вопрос:

— Нам немного не повезло в первый раз, но теперь все получится, вот увидишь.

— В таком случае можете не волноваться, — отозвался Дункан. — Я уже нашел свою судьбу, если она, конечно, согласится принять предложение такого непутевого жениха.

— Кто это?! — воскликнул Арчи.

Невилл, уже поняв, о ком идет речь, и ничуть этим не удивленный, хотя и не обрадованный, прикрыл глаза рукой и растерянно пробормотал:

— Но у нее нет титула. Ты мог бы метить куда выше!

— Кто это? — повторил Арчи, негодующе уставясь на Невилла. Маркиз заранее знал, но не сказал ему!

Невилл не заметил его разъяренного взгляда, поскольку еще не отнял ладони от глаз. Но Дункан ответил за него:

— То есть как «кто»? Сабрина Ламберт, конечно. На этот раз пришла очередь Арчи поднять мохнатые брови:

— Ты рехнулся, парень! Она твой друг! На друзьях не женятся. И ни к чему связывать себя, если боишься, что потеряешь ее дружбу!

— Как бы я ни хотел видеть тебя женатым, — вторил Невилл, — прошу: не принимай такие важные решения сгоряча.

Дункан, ничуть не обидевшись, усмехнулся:

— Почему вы не верите, что я могу питать к ней более пылкие чувства?

— Чушь! — вскипел Арчи. — Ты не раз заверял нас в обратном! Не помнишь? И она даже не хорошенькая! Не стоит понимать дружбу столь превратно!

— Арчи, душа у нее редкой красоты, неужели не видишь? Тебя ослепила внешность Офелии, а в сравнении с ней любая женщина меркнет. Но я не очарован Офелией, поэтому нахожу Сабрину самой прелестной девушкой в мире. Я считаю ее самим совершенством.

— У нее немало хороших качеств, — согласился Невилл, — но как быть со скандалом, связанным с именем Ламбертов, о котором никогда не забудут!

— Дурацкие, ни на чем не основанные сплетни! Неужели ты придаешь значение какому-то жалкому скандалу, Невилл?!

— Нет. Я даже согласен, что это чистая бессмыслица! Конечно, это не то, что я желал бы для единственного внука, но если ты влюблен в девочку, тогда женись. Я возражать не стану.

— Будь я проклят! — загремел Арчи. — Почему вы не видите, что он себя обманывает?! А вы еще поощряете эти глупости!

Дункан изумился. Невилл снова принял его сторону и, хотя не вполне доволен, все же поддержал его. Зато от Арчи он ничего другого не ожидал.

— Арчи, позволь мне самому разобраться в своих чувствах, — попросил Дункан. — Ты доверял мне вести хозяйство. Поверь и сейчас. Я знаю, чего хочу: Пожалуй, мне стоит отправиться к девушке немедленно.

Не успели шаги Дункана затихнуть в коридоре, как старый шотландец принялся театрально биться головой о стол. Правда, на Невилла это особого впечатления не произвело. Взмахом руки он велел удалиться слуге, не вовремя явившемуся с первым блюдом. Насколько уместнее сейчас был бы хороший бокал бренди!

— Вы слишком близко принимаете все к сердцу, — посетовал он, когда слуга удалился.

Арчи поднял искаженное болью лицо:

— Разве? Так вы не понимаете, какую ошибку готов совершить мальчик?

— Какая тут ошибка, если он любит девушку?

— В этом-то и беда! Он любит ее, в этом я ни секунды не сомневаюсь! Но не так, как мужчина любит женщину.

— Любовь есть любовь… — начал Невилл.

— Вот уж нет! — встрепенулся Арчи. — Он любит ее как друга, а поскольку она женщина, у него в голове все перемешалось. Дункан спутал приязнь со страстью. Видите, что выходит, когда дружишь с женщиной.

— А если ошибаетесь вы?

— Не ошибаюсь. Я знаю парня. У него было мало настоящих друзей, и он не пойдет на риск потерять Сабрину. Сейчас он воображает, что, женившись, удержит ее рядом. Но даже если ему это удастся, они не будут счастливы. Он поймет это, как только захочет уложить ее в постель и обнаружит, что вместо этого предпочел бы сыграть чертову партию в вист.

Невилл не смог удержаться от смеха:

— Ваша логика, Арчибальд, неизменно меня поражает. А вам не приходило в голову, что любая дружба может перерасти в нечто гораздо более глубокое? Любовь с первого взгляда случается далеко не всегда. Иногда она растет и расцветает, как весенний бутон.

— Любовь любовью, — буркнул Арчи, — но есть еще и такая вещь, как похоть, а Дункан никоим образом не вожделеет девчонку. Какой толк от женитьбы, которая не началась с доброй старой похоти? Да и настоящей любви без нее не бывает. Сладострастие подогревает истинные чувства, нам ли этого не знать?

Невилл только руками развел:

— Зря Офелия назвала Дункана дикарем. Она попала бы в самую точку, если бы отнесла это определение к вам. Чувства имеют свойства меняться, Арчибальд. Друзья становятся любовниками, враги — друзьями, и наоборот. Если бы мир существовал только в черно-белых тонах, каким он представляется вам, жить было бы невыносимо скучно.

Глава 52

Что, если ему не позволят ее увидеть? Только прибыв в «Коттедж на излучине», Дункан сообразил, что уже почти ночь, недаром Элис встретила его неодобрительным взглядом. Но все Же, укоризненно покачав головой и попросив его особенно не задерживаться, пожилая леди провела его через стеклянные двери в небольшой садик и оставила одного.

Сабрина, закутанная в плотную накидку и шаль, сидела на каменной скамье; Ее освещал нежный свет луны. Глаза Дункана быстро привыкли к полумраку, и он смог ясно видеть ее лицо.

Сад в это время года был почти: голым, но, вероятно, весной и летом утопал в зелени. Дункан даже не спросил, почему она сидит здесь в такой холод. Он знал, что Сабрина предпочитает свежий воздух в любое время года и, очевидно, в любое время суток.

— Тебе не холодно, девочка? — заботливо спросил он, подходя ближе.

Она молча подняла на него бесстрастные глаза. Ни малейшего любопытства, ни расспросов, почему он вдруг оказался здесь. Казалось, она ждала его, несмотря на поздний час.

— Нет.

— Думаю, тебе понравились бы горы, — небрежно заметил он.

— Почему?

— Потому что приезжие, даже те шотландцы, кто живет на равнине, попав в горы, поскорее бегут к теплому очагу, а ты наверняка задержалась бы подольше, чтобы как следует осмотреться.

— Наверное, — улыбнулась она. — Но и здесь очень хорошо. Посмотри, как красива луна зимой. Она прекрасна в любой стране, но люди редко находят время, чтобы ею полюбоваться.

— Наверное, — улыбнулась она. — Но и здесь очень хорошо. Посмотри, как красива луна зимой. Она прекрасна в любой стране, но люди редко находят время, чтобы ею полюбоваться.

— Я понял намек, — кивнул Дункан, — но я все же иногда смотрю в небо, даже такое мрачное и затянутое облаками, как у вас.

— Тебе по-прежнему не нравится в Англии?

— Нравится, — заверил он. — А кое-что я даже полюбил.

Сабрина чуть приподняла брови, но так и не поняла скрытого значения его слов. Просто она обрадовалась, что Дункан привыкает к новому дому. Сегодня она покинула Саммерс-Глейд с легким сердцем. Ее собственные переживания не имеют значения. Она рада за Дункана, сумевшего избежать сетей ненавистного брака.

Сабрина не отодвинулась, когда он сел рядом. Ей так уютно в его обществе! И близость Дункана тревожила ее лишь тогда, когда она видела в нем не только друга. Но все нескромные фантазии развеялись после разговора с Арчибальдом, а для ее же спокойствия лучше не давать им воли.

Дункану, конечно, нужно жениться. Вероятно, теперь он отправится в Лондон, чтобы исполнить желание Невилла. Она станет скучать по нему. Ужасно скучать. Но придется привыкнуть к тому, что отныне они станут редко видеться. Потом он вернется с молодой женой…

— Твои тетушки наблюдают за нами из окна? — неожиданно спросил Дункан.

— Вполне возможно.

— Мне все равно. Я тебя поцелую.

Такого она не ожидала. Но когда он прижал ее к себе и завладел губами, голова пошла кругом. Он целовал ее долго, страстно, и она вдруг поняла, что не желает ни о чем думать, размышлять, мучиться переживаниями. Ей хотелось раствориться в его объятиях.

О, это так эгоистично с ее стороны! Что он о ней подумает?!

Но Сабрина ничего не могла с собой поделать. В последний раз ей позволено коснуться Дункана, испить жар его уст, представить, что на несколько мгновений он принадлежит ей. После… После она потребует, чтобы это больше не повторялось. Конечно, они останутся друзьями, но она не позволит ему искушать ее. Наверное, Дункану захотелось разделить с ней радость, но… но, Господи, неужели все горцы так целуют своих подруг?

Ответ она получила через минуту, когда он взглянул ей в глаза и прошептал:

— Брина, девочка, ты выйдешь за меня? Она долго, бесконечно долго смотрела на него. Неужели ее наивные мечты так близки к осуществлению? Вот бы насладиться запретной радостью чуть дольше, оттянуть момент, когда боль вновь обрушится на нее. Боль, которая исполосует ее сердце, едва она откроет рот и ответит ему.

Но Сабрина слишком хорошо сознавала, каким должен быть ее ответ. Ей так хотелось, чтобы время остановилось… Ей не совладать с эмоциями, а если она промедлит еще мгновение, то разрыдается у него на плече.

Конечно, следовало все объяснить ему, но она смогла выдавить лишь одно слово:

— Нет…

Такого он не ожидал и не смог скрыть изумления, обиды, разочарования. Однако быстро

пришел в себя, сурово поджал губы и вместо того, чтобы встать и уйти, стал ее допрашивать:

— Почему? Почему?! Да отвечай же!

Просто невероятно, как тяжело ей жить, с тех пор как она узнала этого человека! И хуже всего, что она вынуждена сдерживать слезы, не показывать, какие мучительные страдания терзают ее душу. Она не выплеснет тоски и попытается, чтобы он все понял.

— Ты мой друг, Дункан. Лучшего у меня никогда не было. И я люблю тебя как друга. Но было бы ошибкой считать, что нас связывают более пылкие чувства.

Ей следовало бы найти другие, не такие сухие слова, но она начала задыхаться. Горло перехватило. Сабрина встала, повернулась к Дункану спиной, чтобы он не видел ее лица. Хорошо еще, что луна зашла за облака, погрузив сад во тьму, иначе он заметил бы, что по ее щекам льются горячие струи.

И вместе со слезами пришел гнев. Как же она ненавидела Арчибальда за то, что открыл ей глаза на истинное отношение к ней Дункана! Ну почему старик не оставил ее в неведении? Разве так плохо стать женой любимого человека? Ее любви хватило бы на двоих. Она была бы ему хорошей женой.

Нет, зря она себя обманывает. Нельзя постоянно ощущать, что к тебе относятся только как к другу. Это был бы не брак, а несчастье, и со временем она возненавидела бы свою жизнь — унылое существование без тепла и света.

Сабрина пыталась украдкой вытереть глаза, прежде чем повернуться лицом к Дункану, но когда наконец немного успокоилась, оказалось, что все было зря — он уже исчез.

Глава 53

Дункан не сразу направился домой, где его ожидали сгоравшие от любопытства Невилл и Арчибальд, которым не терпелось узнать, состоялось ли обручение. Ему не хотелось говорить на эту тему. Поэтому он отправился в пивную при гостинице, дал щедрые чаевые хозяину, пытавшемуся отправить его домой, и, просидев почти до рассвета, напился в дымину. Однако Дункан все же умудрился попасть домой, хотя дважды падал с коня. То есть дважды — по его подсчетам. И наверняка остался бы валяться на холодной земле, если бы умное животное не согревало его лицо теплым дыханием.

Неприятного разговора избежать не удалось. Оба деда набросились на него, как только он ввалился в холл. У мистера Джейкобса хватило здравого смысла удалиться спать, но Невилл и Арчи упорно ждали возвращения внука, хотят не в одной комнате. Арчи вышел из гостиной, чтобы поднять Дункана с пола, куда тот приземлился, едва переступив порог. Невилл появился на верхней площадке лестницы и спросил, не послать ли за лакеем, чтобы отнес внука в постель.

— Я не так уж слаб, чтобы не помочь парню! — негодующе заявил Арчи.

— Тогда вам и карты в руки, — спокойно согласился Невилл.

Дункан, предпочитавший провести остаток ночи на полу в холле, смутно заподозрил, что Арчи

в самом деле собирается нести его наверх. Упертый осел непременно сломает ему спину! Поэтому он собрал всю свою волю в кулак и одолел лестницу самостоятельно, остановившись только затем, чтобы вопросительно покоситься на Невилла, стоявшего в халате с лампой в руках. Услышав типично английское фырканье деда, Дункан невольно расхохотался. До сих пор он не подозревал, что может определять, к какому языку относятся подобные звуки, и теперь находил свое открытие весьма забавным.

— А теперь объясните, — прошептал Невилл ему в спину, когда Дункан, пошатываясь, брел по верхнему холлу в том направлении, где, как он полагал, находилась его спальня, — поскольку именно вы хвастаетесь, что хорошо его знаете, как по-вашему — он напился от радости или топил свои печали?

— Ш-ш-ш… — прошипел Арчи. — Не напоминайте ему о том, что он старался забыть!

— Значит, опять беда, — вздохнул Невилл. Дункан, удивляясь, почему спиртное не оказывает воздействия на слух, прислонился к стене и заплетающимся языком пробормотал:

— Значит, опять беда, — вздохнул Невилл. Дункан, удивляясь, почему спиртное не оказывает воздействия на слух, прислонился к стене и заплетающимся языком пробормотал:

— Она не хочет меня. Наотрез отказалась выходить замуж. И все же возвращает мои поцелуи так, словно готова за шиворот приволочь в постель. Н-не понимаю, Арчи, — пожаловался он и снова поднял мутные глаза на Невилла:

— Может, ваши английские девушки не такие, как все прочие?

— Потому что стараются затащить тебя в постель? Или потому что потом, после всего, что произошло, отказываются идти под венец?

— Именно.

Дункану показалось, что старик едва сдерживает смех, но тот со всей серьезностью признался:

— Не могу сказать. Честно говоря, не так уж много женщин стремились затащить меня в постель.

Арчи, не столь хорошо воспитанный, ухмылялся во весь рот:

— Интересно, почему это нисколько меня не удивляет?

Столь бесцеремонное заявление было вознаграждено очередным фырканьем и уничтожающим взглядом. Через пару минут они остались без света, поскольку Невилл унес лампу. Но он очень быстро вернулся, поставил лампу на ближайший стол и процедил:

— Только ради мальчика. Чтобы он шею не сломал. А утром мы обсудим очередное недоразумение.

Последнее было сказано с многозначительным кивком в сторону Арчи, который, вместо того чтобы развеселиться еще больше, отчего-то нахмурился. Дункан, не заметив этого, настойчиво потребовал объяснений:

— Что значит «недоразумение»?

— Я говорю о том, с чем ты столкнулся сегодня, — ответил Невилл.

Для пропитанного спиртным мозга эта фраза оказалась непомерно сложной. Да Дункан и не пытался понять деда. Он буквально прополз последние несколько футов до того помещения, которое посчитал своей спальней, и, ввалившись в комнату, рухнул на постель. Завтра будет время удостовериться, что это действительно его спальня. Поскольку никто не потребовал убираться отсюда, Дункан впал в пьяное забытье.

Пробудившись к полудню, Дункан, к полному своему ужасу, узрел знакомую картину: кто-то сидел у постели, ожидая, пока он проснется. Это оказался Арчи. Неужели это будет повторяться каждый раз, когда Дункан напьется до бесчувствия?

Арчи, чуть приподняв веки, неожиданно констатировал:

— Ты нализался в стельку в тот раз, когда пришлось обручиться, и теперь, когда с помолвкой ничего не вышло. Стоит ли так себя мучить, парень, если навеки все равно не забудешься?

— Не стоит, конечно. Но и ты зря тут часами сидишь.

Небось старые косточки будут ныть еще с неделю.

— Мои старые косточки пусть тебя не волнуют, — отрезал Арчи, с трудом выпрямляясь. При этом суставы заскрипели так, что он невольно ухмыльнулся.

Дункан сел, стараясь проделать это со всей осторожностью, но успеха не добился: очевидно, все-таки не проспался как следует. Пожалуй, не стоит впредь считать спиртное лекарством от всех, горестей, уж лучше попросить кого-нибудь пристрелить его: все легче будет.

Арчи, наблюдая за ним, смущенно пробормотал:

— Наверное, стоило подождать, пока ты не поправишься. Но совесть покоя не дает.

— Если собираешься орать на меня, делай это шепотом, — предупредил Дункан. Арчи поежился:

— Уж если кто и должен орать, так скорее ты. Дункан мгновенно забыл о головной боли и с любопытством уставился на деда:

— Совесть, говоришь? Ну-ка выкладывай, что тебя гложет?

— Что ты принял отказ девушки так близко к сердцу. Дункан насмешливо выгнул бровь, но тут же поморщился от боли. Попытался надменно выдвинуть подбородок — результат тот же. Наконец подпер голову руками и вяло спросил:

— Может, мне радоваться, оттого что она не любит меня так, как я ее?

— А ты уверен, что любишь ее именно так?

— А иначе с чего бы это я просил ее выйти за меня?

— Я все время боялся, что ты сделаешь именно это, лишь бы удержать ее рядом, — признался Арчи. — Вспомни, ты все время уверял, что она для тебя — только друг.

— И я не лгал… тогда. Ирония ситуации заключается в том, что именно ты убедил меня, будто мужчина и женщина не могут быть друзьями. Это и заставило меня взглянуть на Сабрину по-иному. Представляешь, мне понравилось то, что я увидел! Очень понравилось. Честно говоря, я

из последних сил старался держаться от нее подальше. Но меня так и тянуло к ней. Арчи со стоном закрыл глаза.

— В таком случае я обязан извиниться. Похоже, это я виноват в том, что она тебе отказала.

— При чем тут ты? — отмахнулся Дункан. — Разве можно повлиять на чьи-то чувства?

— Нет, но я как-то потолковал с ней и убедил не выказывать эти самые чувства слишком открыто. Остатки хмеля мгновенно испарились.

— Потолковал, значит? — угрожающе спросил Дункан.

— Я думал сделать как лучше…

— О чем ты с ней толковал? Да говори же?!

— На прошлой неделе я встретил Сабрину в Оксбоу. Ну и… остерег. Сказал, что ты можешь явиться к ней и завести разговор насчет свадьбы… если, конечно, отделаешься от девчонки Рид… но… только потому, что вроде не захочешь ее терять…

— Дьявол! Значит, ты сказал, что я не испытываю к ней ничего, кроме симпатии?

Арчи втянул голову в плечи, хотя тон Дункана был не таким уж и резким.

— Ну… да, ведь я был уверен… По твоим словам, так оно и было… вот я и не хотел, чтобы ты совершил еще одну ошибку, считая, будто на дружеских отношениях можно построить семейное счастье.

Хмурая гримаса Дункана вдруг превратилась в широченную улыбку.

— Думаешь, она все-таки любит меня по-настоящему?

— Возможно.

— Более чем! Теперь я понял, каким дураком был, не послушав своего сердца, которое мне твердило, что она для меня не просто милая девчушка! Лишился здравого смысла из-за нескольких резких слов!

— Я поговорю с ней, парень, — проворчал Арчи. — Признаюсь в своей ошибке.

— Нет уж, хватит — наговорился, — решительно запротестовал Дункан. — Девочку нужно убедить, что я не могу жить без нее, а если я на это не способен, значит, недостоин ее.

— Ты простишь меня за то, что вмешался не в свое дело?

— Не паникуй. Арчи! Я знаю, ты мне добра желал. Но поскольку чертова голова сейчас отвалится и я не могу отправиться к Сабрине сейчас же, терзаться тебе сознанием собственной вины до самого вечера.

Арчи воспрянул духом.

— Если уж мне суждено терзаться, забыв о достоинстве и преклонных годах, видно, и ты вполне можешь пережить последствия собственной глупости, — провозгласил он и громко хлопнул дверью, прекрасно зная, как отзовется стук в ноющих висках внука.

Глава 54

Ей, конечно, было не до сна. Впереди ждала бессонная ночь. Еще одна. Как и вчерашняя. Невероятно, что способно творить разбитое сердце. Сколько можно перебирать в памяти всевозможные «если» и «вдруг», когда рана никак не хочет заживать? Ах, только бы ненадолго заснуть. Во сне боль уходит…

На этот раз Сабрина попыталась читать и взяла в постель книгу, которая раньше помогала лучше любого лекарства. Но только не сейчас — глаза упорно не хотели закрываться. Неужели она действительно думала, что столь слабое средство окажет действие, особенно теперь, когда Дункан наверняка знать ее не захочет? И это после того, что они делили между собой. Зря он захотел получить больше, зная, что между ними нет истинного чувства. Он обманывал себя и едва не обманул и ее, но лишь потому, что она так хотела поверить, будто любовь между ними возможна. Ей ни на миг нельзя было забывать, что она далеко не красавица, не богачка, не из тех женщин, кто одним взглядом умеет завлечь мужчину. Она не годится в жены знатному человеку. Подумать только — потеряла рассудок от поцелуев, и…

Но ведь эти поцелуи не назовешь дружескими. А то, чем они занимались в карете?!

Ах, это всего лишь ее мнение! Мнение женщины. Мужчины смотрят на такие вещи иначе.

Опять она мучится сомнениями. Мысленно повторяет каждое слово, каждую фразу, анализирует их скрытое значение. И к чему? Все равно случившегося не изменишь.

Сабрина остановилась у окна, раздвинула гардины, но луна спряталась, так что ничего не было видно. Может, долгая прогулка… Нет, придется снова одеться, оставлять теткам записку…

Она подошла к камину, вытянула руки над огнем. Следовало бы потушить его и лампы, хотя вчерашней ночью и темнота не помогла. Стакан теплого молока! Все что угодно, лишь бы задремать и хоть ненадолго избавиться от мыслей.

Накинув пеньюар, она спустилась в кухню и вскоре уже возвращалась обратно, едва передвигая ноги. Молоко ничуть не помогло. Сна по-прежнему ни в одном глазу, и что теперь?

Сабрина в полной растерянности открыла дверь и увидела сидящего на ее постели Дункана. Похоже, глаза ее обманывают! Воображение сыграло с ней злую шутку, приведя сюда Дункана и даже сняв с него плащ. А все потому, что она знала — он не выносит жары! Он просто не может быть настоящим. Это бред, вызванный бессонницей.

— Видишь ли, пока я пришел в себя настолько, чтобы добраться сюда, наступил вечер, — пояснил Дункан. — Вот я и решил явиться попозже, чтобы не давать тетушкам повода для любопытства. Правда, не совсем представлял, как вызвать тебя, без того чтобы не переполошить весь дом. К счастью, ты как раз выглянула в окно.

От волнения его шотландский выговор казался еще заметнее, и это убедило Сабрину, что она не грезит и что любимый действительно здесь.

— Ты влез в окно?

— Угу… И едва не свернул себе шею, пока взбирался по проклятому дереву. Похоже, пришлось обломать немало веток, — покаянно пробормотал Дункан.

Но Сабрина была слишком потрясена его визитом, чтобы думать о дереве.

— Но… зачем?!

Дункан встал, шагнул к ней и захлопнул дверь, которую потрясенная Сабрина не закрыла. Она поспешно отступила к камину, ощущая, как колотится сердце. Дункан как ни в чем не бывало последовал за ней и взял за руку, чтобы не вздумала снова ускользнуть.

— Пусть я буду в твоих глазах последним глупцом, но не могу больше скрывать, Брина, что испытываю к тебе не только дружеские чувства.

Сабрина едва не застонала, зная, что в конце концов не вынесет и сдастся, если он начнет убеждать ее в своей любви. Так просто обманывать себя — ведь в мозгу настойчиво звучит предупреждение Арчи. Да разве только в мозгу? Оно высечено в ее сердце.

Как убедительно он доказывал, что Дункан не желает ее как женщину, что хочет лишь удержать ее рядом, что безмерно ценит ее как друга, что оба горько пожалеют, если вообразят, будто этого достаточно для счастливого брака.

И теперь она пыталась отгородиться этими холодными фразами, как щитом, но Дункан неумолимо продолжал:

— Арчи признался, что наговорил тебе всякого вздора, но он ошибается…

— Нет! — перебила Сабрина. — Я едва не возненавидела его, но он прав, мы…

— Помолчи, дай мне закончить, — мягко пожурил ее он. — Верю, что у деда были самые благие намерения, но пока он еще не умеет читать мысли. Я действительно как-то обмолвился, что мы с тобой всего лишь друзья, и в то время это было правдой. Такой душевной близости, как с тобой, у меня ни с кем не было. И я еще долго считал бы тебя своим другом, если бы Арчи не попытался убедить меня, что такие отношения между мужчиной и женщиной попросту невозможны и они обязательно перерастут в любовные. Не красней, я знаю, что не слишком вежлив. Представь, именно после того разговора с дедом я увидел, как ты прекрасна — и лицом, и душой. Можешь винить Арчи в своих переживаниях, но лучше забудь о том предостережении. Поверь — что бы там ни было в прошлом, сейчас для меня существуешь ты одна.

Она не представляла, совсем не представляла, как это больно, особенно еще и потому, что безмерно жаждала ему поверить, но… не могла. Арчи лучше знать. Дункан действительно старается удержать ее при себе, а другого способа не знает. Сам только сейчас сказал, что ни с кем у него не было такой душевной близости. Она его лучший друг, а лишь потому, что: родилась женщиной, Дункан пытается придать их отношениям иной смысл. Сабрина отвернулась к огню.

— Так вот оно что… — печально произнесла она. — Ты только сейчас понял, что я не, всегда буду рядом. Тебе нельзя навещать меня в любое время суток, будить среди ночи, чтобы поделиться мыслями, и…

Ее взволнованную тираду перебил, веселый смешок. Сильные руки обвились вокруг талии. Сабрина ахнула. Когда успел Дункан незаметно подобраться сзади?

— А что, по-твоему, сейчас, как не середина ночи?

— Ты понимаешь, о чем я! Нельзя же каждую ночь лазать по деревьям! И соседи начнут сплетничать о нас, если начнешь каждый день приезжать сюда! Но тебе и без меня это известно, потому…

Но Дункан крепче стиснул ее талию.

— До чего же ты упряма, Сабрина! Ничего не поделаешь, скажу прямо. При каждой встрече мне хочется заключить тебя в объятия и ласкать до потери сознания. Неужели ты действительно полагаешь, что это желание друга? Да я едва сдерживаюсь, чтобы не зацеловать тебя! Брина, я счастлив, что мы были и будем друзьями, но теперь мне нужно больше! Хочу быть твоим возлюбленным, защитником, опорой и, конечно, другом, а всего этого не добиться, пока мы не поженимся.

— Ты убиваешь меня, — прошептала она. Он повернул ее лицом к себе.

— Взгляни на меня! Разве я похож на человека, который не знает, чего хочет? А если откажешь на этот раз, я свяжу тебя, увезу в горы и стану жить с тобой в грехе. После появления девяти или десяти ребятишек ты еще раз подтвердишь, что я не люблю тебя как полагается?

— Я хотела сказать, что дышать не могу…

— Ох, — испугался было Дункан, но, заметив лукавые искорки в фиалковых глазах, рассмеялся и снова обнял Сабрину. — Ты мне веришь?

— Я хотела сказать, что дышать не могу…

— Ох, — испугался было Дункан, но, заметив лукавые искорки в фиалковых глазах, рассмеялся и снова обнял Сабрину. — Ты мне веришь?

Он не нуждался в подтверждении, хотя она кивнула:

— Мужчина должен очень сильно любить женщину, если хочет столько детей от нее!

— Ты даже не представляешь, как сильно! Даже сердце болит!

Сабрина сжала лицо любимого в ладонях, подалась вперед и коснулась губами его губ.

— Ничего подобного! Сердце болит, только когда не с кем разделить любовь. А нас двое, Дункан.

— В таком случае ты поймешь, что больше я не могу с этим бороться.

"Это» оказалось поцелуями, отнюдь не легкими, нежными, ласковыми. Нет, в них горело настоящее безумие. Он жадно завладел ее устами, безмолвно изливая поцелуями накопившуюся тоску, безнадежность, мучительную потребность в ней, Сабрине. Между ними словно молния сверкнула. Страсть запылала лесным пожаром, но на этот раз на волю рвались радость и облегчение. Они вместе! Наконец-то вместе!

Сабрине хотелось смеяться, но Дункан не отрывался от нее, хотя, должно быть, испытывал то же самое, потому что улыбался, даже припадая к ее губам.

Все еще целуясь, они опустились на колени перед камином. До кровати нужно было еще дойти, однако даже несколько шагов казались им непреодолимым расстоянием. Подойдет и каминный

коврик. Даже раздеваясь, они не размыкали губ. Неудивительно, что пуговицы разлетелись по всей комнате, как, впрочем, и одежда.

Тепло огня, жар их обнаженных тел, мягкий мех коврика, чувственно ласкавший кожу, — все призывало к немедленному соитию, но Дункан не торопился. В тот первый раз он овладел ею в полной темноте. Теперь света было достаточно, и ему хотелось усладить свой взор, поклоняться Сабрине, исследовать всю ее, руками и губами, ведь она была единственной женщиной, которую он любил.

— Я рад, что эта красота до сих пор была надежно скрыта от посторонних глаз, дорогая. Догадайся другие мужчины о том, какая драгоценность спрятана в этой глуши, они замучили бы тебя предложениями руки и сердца.

Сабрина вспыхнула от смущения. Она всегда считала себя чересчур толстой, даже в груди и бедрах, но взгляд Дункана красноречиво говорил, как соблазнительны ее пышные формы. Его неутомимые руки ласкали, гладили, сжимали ее, когда страсть взмывала до необозримых высот, или успокаивали, когда он пытался продлить восхитительные мгновения. Его губы не оставляли в покое ее груди, соски, шею, мочки ушей…

Они все еще стояли на коленях, и Сабрина лишь смутно удивилась, когда ее оторвали от пола и прижали к чему-то твердому, обещая немыслимые восторги. Он осторожно обвил ее ногами свои бедра, и потрясенная Сабрина осознала, что он хочет ее. Ее, провинциальную простушку.

Дункан стал медленно входить в нее. Сабрина льнула к нему, как к якорю спасения, хотя в этом не было нужды — он крепко держал ее, сжимая упругие ягодицы и направляя движения. Он словно знал, когда проникнуть дальше, когда сделать паузу, словно поддразнивая, маня, завлекая. И когда он понял, что она сейчас достигнет вершин наслаждения, вонзился в нее до конца, так глубоко, что из груди Сабрины вырвался вопль, который он, к счастью, успел заглушить поцелуем.

После, когда он лег на ковер и привлек Сабрину к себе, она томно улыбнулась.

— Я не имела в виду именно это, когда предлагала разделить с тобой все на свете.

— Знаю, — усмехнулся Дункан, все еще лаская ее — властно, неспешно.

Сабрина по-прежнему не хотела спать, но сейчас была рада этому обстоятельству и мечтала лишь о том, чтобы ночь напролет лежать, прижавшись к Дункану. Но ноздри защекотал какой-то странный запах. Сабрина сморщила нос и заметила:

— Неплохо бы отодвинуть твои сапоги от камина, особенно если ты так и не успел их снять.

Еще не сообразив, в чем дело, Дункан залился смехом: уж очень забавной показалась ее неожиданная реплика. Но тут и до него донесся смрад Горелой кожи, и он вскочил.

— Слава Богу, успел, но без них мне до дому не добраться, — охнул он и с кислой улыбкой схватил злосчастный сапог, упавший чересчур близко к огню. — Но поскольку мы поженимся завтра, отныне я постараюсь всегда ставить их у кровати. Кстати, Невилл запасся специальным разрешением, так что не имеет смысла тянуть со свадьбой.

Сабрина упрямо покачала головой:

— Нет.

— Нет? — зарычал он и, бросившись на нее, пригвоздил к ковру в полной уверенности, что так и не убедил любимую.

— Нет, — повторила она, улыбаясь. — Пусть тетушки устроят все как полагается. Они мечтали об этом много лет. Я не отниму у них такой радости. Представляешь, как они станут важничать перед подругами, хвастаясь, какую завидную партию я сделала?

— Ты права, — мгновенно присмирел Дункан. — Но сколько времени уйдет на все это?

— Самое меньшее — две-три недели. Дункан застонал:

— Может, лучше удрать в Гретна-Грин[4] и там быстро обвенчаться, а потом вернуться назад и повторить церемонию?

— Нет, это совсем не одно и то же, зато я завтра же позову мастеров чинить крышу.

— Ох, боюсь даже спрашивать, какое отношение имеют крыши к свадьбам, черт бы меня побрал!

— Почти никакого, если не считать того, что все это время под моим окном будет стоять лестница. Лицо Дункана осветилось улыбкой.

— Так ты решила позаботиться о моих сапогах?

— Разумеется. Я даже не стану топить камин — исключительно ради тебя.

— Все шутишь, — усмехнулся Дункан, — но тебе не нужен огонь, когда я рядом, девочка, в этом можешь быть уверена.

— Я и не шутила, — призналась Сабрина. — Просто знай: я рассчитываю на то, что ты не дашь мне замерзнуть.

Глава 55

Последующие недели тянулись невыносимо медленно, но Дункан не жаловался. Хотя почти все время он проводил с Сабриной, ему не терпелось сделать ее своей женой, пока что-нибудь не помешало их свадьбе.

Желая успокоить жениха, Сабрина заверила, что давно любит его и осознала это гораздо раньше, чем он. В этом Дункан не сомневался, только никак не мог понять, почему сам был так слеп.

Словом, после всех препятствий, которые им пришлось преодолеть, Дункан был просто не в силах спокойно дожидаться заветной минуты и немного приходил в себя только в доме Сабрины. Ужасно забавно было наблюдать бесконечные перепалки тетушек и его родственников, каждый из которых твердо знал, как устроить грандиозную свадьбу. Но смешнее всего было то, что дамы неизменно побеждали мужчин в любом споре и немедленно начинали пререкаться друг с другом.

Церемония должна была проходить в Саммерс-Глейд. Этот дом оказался достаточно велик, чтобы вместить всех приглашенных. Невилл едва не упал в обморок, на этот раз непритворный,

узнав, что соседи, которых он игнорировал долгие годы, собираются наводнить его любимый особняк. Поэтому он протестовал долго и громогласно, но Арчи, считавший, что «чем больше, тем веселее», на этот раз бросил временного союзника в одиночестве. Невилл был вынужден утвердить список приглашенных, но продолжал ворчать по поводу «нашествия», пока Сабрина не шепнула:

Церемония должна была проходить в Саммерс-Глейд. Этот дом оказался достаточно велик, чтобы вместить всех приглашенных. Невилл едва не упал в обморок, на этот раз непритворный, узнав, что соседи, которых он игнорировал долгие годы, собираются наводнить его любимый особняк. Поэтому он протестовал долго и громогласно, но Арчи, считавший, что «чем больше, тем веселее», на этот раз бросил временного союзника в одиночестве. Невилл был вынужден утвердить список приглашенных, но продолжал ворчать по поводу «нашествия», пока Сабрина не шепнула:

— Взгляните на это с другой стороны. Тетушки могли бы исключить вас из списка гостей, учитывая, что все эти годы вы были с ними не в лучших отношениях.

— Выгнать меня из моего собственного дома?! — потрясенно переспросил Невилл.

— Разумеется. Надеюсь, вы не думаете, что такие пустяки могут остановить моих тетушек?

К ее удивлению. Невилл расхохотался и пробормотал:

— Я почти жалею, что они не попытались сделать этого. Интересно, кто выиграл бы схватку?

Сабрина непонимающе уставилась на него, но тут же рассмеялась. С тех пор они подружились, как ни поражался Дункан этому обстоятельству.

Арчи, все еще чувствуя себя виноватым, пространно извинялся перед Сабриной, но та со свойственным ей добродушием в два счета уверила его, что терзаться нет причин, и они быстро наладили отношения. Так что теперь, когда она посещала Саммерс-Глейд, Дункану приходилось идти на всяческие хитрости, чтобы побыть с невестой наедине, поскольку оба деда никак не хотели отпускать будущую внучку.

Наконец долгожданный день наступил. Он стал для Дункана самым счастливым. Рэйфел специально вернулся из столицы на свадьбу друга, хотя при этом немилосердно издевался над молодым горцем, настаивая на том, что всегда знал, какие кандалы предпочтет Дункан. Тот лишь добродушно усмехался. В день свадьбы ничто не могло испортить его настроения. Ничто на свете.

Но Дункан ошибся.

Он одевался у себя в комнате, вернее, ради такого случая позволил камердинеру облачать его в свадебный фрак, к полному восторгу маленького человечка. Арчи решил составить ему компанию, чтобы, как он выразился, «избавить внука от предсвадебной лихорадки», хотя Дункан ни в малейшей мере не нервничал. Он и в самом деле не ощущал ничего, кроме нетерпения, которое с каждым днем становилось все сильнее, особенно потому, что последние четыре ночи никак не удавалось добраться до спальни Сабрины. И не потому, что он этого не хотел. Она допоздна сидела с тетушками, оговаривая детали церемонии, и он не желал утомлять ее еще больше. Но как нелегко было сдерживаться! И теперь Дункан искренне надеялся, что найдет в себе силы не тащить ее в спальню сразу после того, как они выйдут из церкви.

И тут появился Невилл.

Отношение старика к Сабрине сильно изменилось с тех пор, как Дункан признался, на ком женится. Если не считать постоянного ворчанья по поводу необходимости каждодневно встречаться с Элис и Хилари, он, похоже, был искренне счастлив за внука. Дункан тоже стал обращаться с дедом более сердечно, по крайней мере на людях. Он уже не вел себя официально и холодно в его присутствии, хотя в этом целиком была заслуга Сабрины. В сердце просто не осталось места для гнева: его вытеснила радость, подаренная невестой. Но это не означало, что Дункан простил Невилла за многолетнее безразличие к единственному родному существу. Просто не хотел, чтобы горечь и дальше омрачала его существование.

Невилл заглянул всего на несколько минут: предупредить, что до назначенного часа осталось совсем немного, словно сам Дункан не смотрел каждую минуту на часы. Кроме того, дед решил одарить его мудрым советом. Дункан так и не понял, шутит ли он или говорит серьезно, но, так или иначе, лицо его было совершенно бесстрастным.

— Могу лишь повторить слова моего отца, сказанные в тот день, когда я женился на твоей бабушке. Люби свою жену, но не пляши под ее дудочку и не позволяй обвести себя вокруг пальца. А если уж ничего не выйдет, постарайся просто наслаждаться супружеской жизнью.

Арчи хихикнул. Дункан, усмехнувшись, покачал головой. Но после ухода деда, должно быть, поморщился. Арчи, прочитав на лице внука все, что тот думает о Невилле, неожиданно заметил:

— А знаешь, мне по нраву этот старый ублюдок, ведь он готов на все ради тебя. Только ему не говори, хорошо? Думаю, пора тебе узнать кое-что, о чем ты раньше не подозревал.

— Нашел время толковать о Невилле! — раздраженно буркнул Невилл.

— А по-моему, лучшего момента и быть не может. Разве я не прав, считая, что ты до сих пор его сторонишься? А ведь он так же близок тебе, как и я.

— Да, но между вами огромная разница! Ты был рядом с самого моего рождения, воспитывал, как мог, шлепал, когда я этого заслуживал, учил… — Он осекся, не в силах договорить: слишком сильны были обуревавшие ее эмоции. И как тяжело сознавать, что его до сих пор волнует невнимание Невилла. Столько лет полнейшего молчания! Только когда ему понадобился обещанный наследник. Невилл дал о себе знать!

— Ох, парень, — пробормотал Арчи, обняв внука за плечи. — Я не знал, что ты так мучаешься. Думал, просто злишься, потому что приходится жить здесь.

— Не явись я сюда, никогда бы не встретил Сабрину, так что стоит ли обижаться на судьбу? Теперь я с нетерпением жду, когда Невилл введет меня в курс дел. Сам знаешь, безделье мне не по нутру.

Арчи кивнул, но счел нужным добавить:

— А ведь Невилл хотел, чтобы ты приехал гораздо раньше. Твоя мать требовала, чтобы ты рос, зная тепло и уют только одного дома. Невилл предпочел бы, чтобы этот дом был в Англии, но твой отец не шел ему навстречу. Невилл уступил, понимая, что так будет лучше для тебя.

— Верно, но неужели я жил на краю света? Почему он ни разу не приехал? Ты в преклонном возрасте все-таки добрался сюда, а Невилл был не так уж стар, когда я родился. И все же

видеть меня он не пожелал. Для него я не существовал, пока не пришло время послать за мной, как за очередной чертовой картиной, которые он собирает! — вырвалось у Дункана, совершенно забывшего о благих намерениях не выказывать своих истинных чувств по отношению к английскому деду.

Но Арчи знал, что за огонь пылает под пеплом, и раньше втайне радовался, не желая ни с кем делить привязанность внука. Однако постепенно он понял, как был жесток и эгоистичен.

— Невилл приезжал, парень, и не один раз, — признался он.

Дункан поразился:

— Когда? Когда я лежал в пеленках?!

— Нет, но он так и не добрался до гор. В первые два раза не позволила погода. В третий он простудился так, что едва не умер. С тех пор ему запретили выходить на холод, даже такой ничтожный, как в этих местах. Думаешь, ему нравится сидеть взаперти в жаре и духоте? Но ничего не поделаешь — врачи считают, иначе ему не выжить зимой. Вот почему он так хотел поскорее увидеть единственного внука.

— Дьявол, почему же он ничего не сказал? — удивился Дункан.

— Наверное, не знал, как это тебя задевает, а я еще подлил масла в огонь, рассказав, что ты упирался, когда пришло время ехать в Англию. Твоя мать каждый месяц писала ему о том, как ты растешь, а если я не делал того же. Невилл так донимал меня, что приходилось брать перо в руки.

— Сейчас вернусь, — с трудом выдавил Дункан.

— У меня широкое плечо, на котором… — начал Арчи, но был немедленно прерван коротким «вздор!».

Арчи хмыкнул, довольный собой. Наконец-то ему удалось распутать этот клубок! Что ж, парню не помешает побыть одному, совладать со своими чувствами.

Но Дункан нуждался не только в этом.

Он нашел Невилла в коридоре. Тот как раз покидал гостиную, чтобы спуститься вниз. Старик попытался что-то сказать, но Дункан, не дав ему вымолвить ни слова, стиснул хрупкое тело деда, прижал его к себе, как ребенка, ощущая, что боль, злоба и горечь растворяются в нахлынувшей нежности.

Невилл был так потрясен, что сначала не знал, как быть с собственными руками. Но все же, сообразив, неловко обнял внука и сморгнул блестевшие на глазах слезы. Он всегда был человеком сдержанным, а сейчас готов был кричать на весь мир о своей радости.

Наконец Дункан разжал руки и отступил. Оба ничуть не были смущены этим проявлением чувств, а наоборот, широко улыбались. Какое облегчение знать, что на свете есть кто-то, кому ты небезразличен! И нужны ли тут слова?!

Но Дункан все-таки сказал:

— Жаль, что я не узнал тебя раньше. Мне будет не хватать тебя, когда :ты уйдешь.

— Как любит говаривать Арчи, не впадай в панику раньше времени, — усмехнулся Невилл. — Я решил пожить еще немного.

— Значит, решил? Так все зависит от тебя?

— Именно, — пояснил Невилл. — Видишь ли, вот уже много лет, как у меня просто не было причин цепляться за жизнь. Возможно, именно поэтому мое здоровье так быстро ухудшилось, что я опасался не дотянуть до конца года.

— А теперь тебе лучше?

— Только не говори Арчи, — подмигнул Невилл, но я твердо намереваюсь пережить его. Оба рассмеялись.

Глава 56

Их обвенчали в присутствии родных и друзей, и немало сентиментальных слез было пролито в тот день. Для всех собравшихся свадьба стала радостным событием, и даже тетки Сабрины умудрились не ссориться… вернее, ссорились не слишком часто. Кто-то слышал даже, как Хилари сказала Невиллу после второго бокала шампанского:

— Видите! Если бы вы разрешили ей видеться с нами после того, как разразился скандал, все было бы куда проще.

— Но моя дочь тем летом тяжело болела, гусыня вы этакая! Она не принимала никого, кроме доктора!

— А что, трудно было объяснить это, а не хлопать дверью перед моим носом?

— Черт побери, ничего подобного не было! Но отныне я постараюсь, чтобы мистер Джейкобс научился, как это делать!

Хилари с негодующим фырканьем поплыла прочь, но Сабрина заметила ее ехидную усмешку.

— Она рада лишний раз его уколоть, — заметила Элис. — Ничего, старому болвану полезно. Это добавит немного остроты в его пресное существование.

— Кстати, насчет остроты, — вставила Сабрина. — Я заметила, что стоит Арчи бросить взгляд в твою сторону, как ты заливаешься краской. По-моему, ты ему нравишься, тетя Элис.

— Глупости! Этот повеса готов увиваться за каждой юбкой, — запротестовала Элис, хотя глаза ее лукаво блеснули.

— А вот я в этом не уверена, — продолжала дразнить тетку Сабрина. — И не удивлюсь, если бедная тетя Хилари скоро останется в одиночестве. — Ну, за мою сестрицу можешь не волноваться. Она уже давно решила, что будет пить наслаждения полной чашей, в том числе и те, о которых не подобало бы знать старой деве.

— Хочешь сказать… — ошеломленно пробормотала Сабрина.

— Вот именно. Она уже много лет встречается с тем милым вдовцом, сэром Нортоном Эймсли.

Не сомневаюсь, она ужасно расстроилась, когда ты велела передвинуть лестницу под свое окно.

Сабрина даже зажмурилась от смущения и не только потому, что тетушка Хилари тайком встречается с любовником. Элис сейчас ясно дала понять, что хлопоты племянницы насчет ремонта крыши никого не обманули.

— Почему же они не поженились?

— Хилари не хотела покидать меня, а я отказывалась жить с ней и ее мужем. Но скоро, думаю, наша жизнь изменится, особенно теперь, когда ты так хорошо устроена, — улыбнулась Элис, и Сабрина ничуть не усомнилась в том, что тетка снова вспомнила Арчибальда Мактавиша.

Что ж, если эти двое поженятся, Сабрина сделает все, чтобы Арчи приезжал в Англию как можно чаще. Дункану это придется по душе.

Но прежде чем она успела вдоволь поиронизировать над тетушкой, появился муж… как странно думать о нем как о муже… и увлек ее в бальную залу, где проходило венчание, а сейчас сервировали столы. Сабрине показалось, что он собрался покинуть гостей и удрать вместе с ней, чтобы не пришлось подвергаться очередному урагану поздравлений. Но сейчас лишь середина дня! По всем правилам приличий им необходимо провести в кругу гостей еще несколько часов!

Однако Дункан упрямо тянул ее к лестнице. Правда, он сконфуженно попятился, обнаружив Невилла и Арчи на нижней ступеньке. Странно, что они вдруг устроились в столь неподходящем месте! И опять препираются… не понятно только, по-дружески или не очень.

Все прояснилось едва Арчи, заметив державшихся за руки новобрачных, потребовал:

— Скажи ему, Дункан! Первый малыш появится на свет еще до конца года!

— Или еще скорее, если дашь нам пройти, — проворчал Дункан.

Арчи со смешком вскочил. Сабрина не знала, куда глаза девать. Невилл воздел руки к небу. Но у Дункана, оказывается, было еще немало что сказать своим родственникам. К величайшему их удивлению, он громко объявил:

— И учтите, совершенно не важно, когда родится мой первенец. Пора вам знать, что я не позволю разлучать свою семью, как вы тут вдвоем задумали. Вы немало потрудились на своем веку, но сейчас у вас есть преемник, вполне способный управиться с обоими хозяйствами. Когда один из моих наследников достаточно подрастет, чтобы разделить со мной обязанности, я переложу на его плечи часть груза. Так что пусть вас отныне это не волнует. Я сам все решу.

Не дав старикам и слова вымолвить, он прошел мимо них, увлекая жену за собой. За спиной послышался голос Арчи:

— Говорил я, что он сможет присмотреть за нашими землями!

— Ничего подобного вы не утверждали! Насколько помню, это сказал я! — самодовольно ответил Невилл.

— Значит, я подумал! — запротестовал Арчи. Добравшись до верхней площадки, Сабрина шепнула мужу:

— Ну и молодец же ты!

Дункан задержался, чтобы поцеловать ее, поцелуем властным, дерзким и… невыносимо волнующим.

— Говорил я, что он сможет присмотреть за нашими землями!

— Ничего подобного вы не утверждали! Насколько помню, это сказал я! — самодовольно ответил Невилл.

— Значит, я подумал! — запротестовал Арчи. Добравшись до верхней площадки, Сабрина шепнула мужу:

— Ну и молодец же ты!

Дункан задержался, чтобы поцеловать ее, поцелуем властным, дерзким и… невыносимо волнующим.

— Ты так думаешь? — хрипло спросил он. — В таком случае, что скажешь насчет всего остального, что я собираюсь сделать прямо сейчас? Ох, девочка, как же я по тебе соскучился!

— Но ты видел меня каждый день, — возразила Сабрина.

— Видел, да не навидался.

"Остальное» началось с того, что Дункан перекинул ее через плечо и решительно прошествовал к своей спальне. И хотя Сабрина не возразила, втайне все же посчитала, что с его стороны это совершенное дикарство.

Но она тут же усмехнулась. Весьма интересно… нет, просто восхитительно получить в мужья варвара с гор. Остается только гадать, придет ли она когда-нибудь в себя от изумления, осознав, что мечты стали явью.

Примечания

1

Подразумевается незаконное рождение.

2

Так шотландцы и ирландцы называют англичан.

3

Член футбольного любительского клуба «Коринтианз». Здесь: спортсмен, силач.

Topreading.ru

4

Пограничная шотландская деревушка, где можно было обвенчаться без лишних формальностей.

Topreading.ru